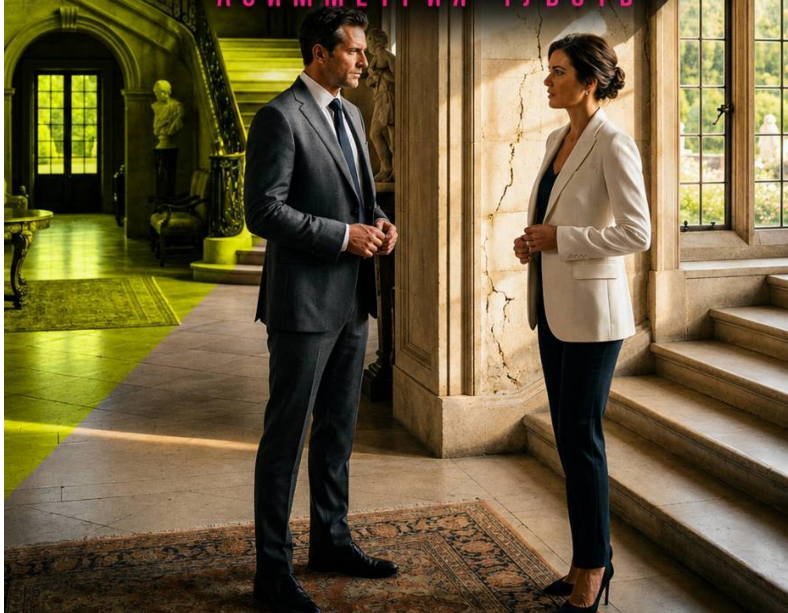

ЛУИ НИЛЬСОН

ТЕОМЕТРИЯ ПАДЕНИЯ

АСИММЕТРИЯ ЧУВСТВ

Луи Нильсон

Геометрия падения: Асимметрия чувств

<https://litres.ru/74042116>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эмилия живет в мире миллиметров и безупречных линий. Она — лучший организатор свадеб, способный скрыть любую трещину за каскадом лилий.

Но когда в ее упорядоченную реальность врывается Тимур, холодный расчет и идеальная симметрия дают сбой. Он видит не фасад, а правду, которую она прячет за идеальной осанкой. Столкновение двух перфекционистов превращается в опасную игру, где на кону не только успех грандиозного торжества, но и право быть настоящей.

Сможет ли Эмилия позволить себе упасть, если единственный, кто готов ее поймать, — это человек, разрушивший ее идеальный мир?

История о том, что красота кроется в дефектах, а любовь не терпит цветокоррекции.

Содержание

ГЛАВА 1: Геометрия падения	4
ГЛАВА 2: Право на демонтаж	23
ГЛАВА 3: Оптическая иллюзия счастья	42
ГЛАВА 4: Точка невозврата	60
ГЛАВА 5: Атака лилиями	78
ГЛАВА 6: Изнанка контракта	95
ГЛАВА 7: Световая ловушка	111
ГЛАВА 8: Первая трещина	129
ГЛАВА 9: Бюрократический балет	145
ГЛАВА 10. План контрнаступления	161
ГЛАВА 11: Холодная война за завтраком	179
Конец ознакомительного фрагмента.	194

Геометрия падения: Асимметрия чувств

ГЛАВА 1: Геометрия падения

Тридцать семь с половиной сантиметров. Ровно столько должно разделять края спинок стульев в первом ряду, чтобы проход к алтарю не выглядел как узкая щель в декорациях или, наоборот, как взлетная полоса для тех, кто передумал в последний момент. Я опускаюсь на корточки, чувствуя, как привычно тянет мышцы задней поверхности бедра - старая травма со времен юниорского чемпионата напоминает о себе каждый раз, когда я пытаюсь довести мир до совершенства. Лазерная рулетка в моей руке выплевывает тонкий красный луч. Точка замирает на белом дереве соседнего стула. Тридцать восемь. Один лишний сантиметр. Это погрешность, которую обычный глаз не заметит, но для меня она звучит как фальшивая нота в начале симфонии. Она ломает перспективу.

Я задерживаю дыхание, фиксируя корпус. Центр тяжести строго посередине, спина прямая, лопатки сведены. Если я сейчас расслаблюсь, весь зал - этот огромный, залитый холодным утренним светом объем усадьбы - просто развалится на куски. Ядвигаю стул на себя. Ножки противно скрежещут

по паркету, звук отдается в зубах, как прикосновение фольги к пломбе. Вот так. Теперь идеально.

Свадьба через шесть часов. Для невесты, Карины, это главный день в жизни, кристаллизация ее мечты о вечности. Для меня - очередная попытка зафиксировать фасад до того, как штукатурка начнет осыпаться под весом реальности. Карина хочет лилии. Огромные, пахучие, агрессивно-белые лилии, которые пахнут как похоронное бюро высшего разряда. Я смотрю на цветочную арку в конце прохода. Она слегка завалена влево. Буквально на пару градусов, но симметрия нарушена, и у меня начинает кружиться голова, словно я стою на краю обрыва. Это физиологический дискомфорт, сродни морской болезни: если линия горизонта не параллельна полу, мой вестибулярный аппарат подает сигнал тревоги.

Я поднимаюсь, чувствуя, как позвонки щелкают в четком ритме, выстраиваясь в вертикаль. В главном зале усадьбы пахнет воском, пылью веков и моим личным поражением перед энтропией. Я поправляю ленту на арке, когда боковым зрением улавливаю движение. Кто-то зашел в зал. Не через главный вход, а со стороны служебного коридора, нарушив ритмику пространства.

Это визуальный шум. Человек в темно-сером костюме, который сидит на нем слишком хорошо, чтобы быть курьером, и слишком удобно, чтобы быть гостем. Он не идет к центру, он движется вдоль стен, ломая мизансцену. В его походке нет торжественности, только сухая, расчетливая функ-

циональность. Он останавливается у северной колонны и достает телефон.

- Извините, - говорю я, и мой голос звучит суше, чем мне хотелось бы. - Зал закрыт на техническую подготовку. Вы из кейтеринга?

Он не оборачивается. Он поднимает телефон выше и делает снимок. Потом еще один. Его интересует не арка, не стулья, расставленные по линейке, и не облака гипсофилы. Он снимает потолок. Там, где лепнина дала тонкую, едва заметную трещину, похожую на карту пересохшей реки.

- Вы меня слышите? - Я делаю три шага вперед. Мои шаги - это четкий тайминг, пятка-носок, никакого лишнего раскачивания бедрами. - Здесь нельзя находиться посторонним. У нас через пять часов здесь будет сто пятьдесят человек, и если вы не представитель технадзора, которого я не вызывала, то прошу вас удалиться.

Мужчина наконец поворачивает голову. У него лицо человека, который привык сообщать плохие новости и не испытывать по этому поводу ровным счетом ничего. Глаза холодные, как стекло объектива, и смотрят они не на меня, а как бы сквозь, оценивая освещенность кадра или, возможно, степень износа моих нервов. Его галстук завязан узлом - четверка -, но он смещен на пару миллиметров вправо. Это крошечное несовершенство на фоне его общей безупречности вызывает у меня зуд в пальцах. Хочется подойти и поправить, вернуть миру равновесие.

- Технадзор - это хорошая идея, - произносит он. Голос низкий, лишенный всякой интонационной избыточности. Глаголы и факты. Никаких украшательств. - Но трещина в четвертом секторе говорит о том, что перекрытия не выдержат звуковых вибраций мощностью более шестидесяти децибел. Вы планируете ставить здесь колонки?

Я чувствую, как в животе завязывается тугой узел. Мышечный зажим в области диафрагмы - мой верный спутник в любой стрессовой ситуации.

- Слушайте, как вас там... - я смотрю на его пустые руки без бейджа. - У нас здесь свадьба. Контракт подписан полгода назад. Владелец усадьбы заверил нас, что здание в идеальном состоянии. Если вы пришли продать мне услуги по ремонту, то вы выбрали максимально неподходящий тайминг.

Он делает шаг ко мне, и я невольно отмечаю, что он выше, чем казался издали. Его присутствие в зале создает зону высокого давления. Он не просто человек, он - объект, который смещает центр тяжести всей комнаты.

- Владелец усадьбы действительно так считал, - говорит он, наконец убирая телефон в карман пиджака. - До вчерашнего вечера.

Он протягивает мне руку. Не для рукопожатия. На его ладони лежит сложенный лист бумаги. Я смотрю на его пальцы - длинные, сухие, с идеально подстриженными ногтями. Руки человека, который не занимается физическим трудом, но умеет держать инструменты разрушения. Я беру лист. Бума-

га плотная, официальная, с водяными знаками, которые кажутся мне издевательски симметричными.

Свидетельство о праве собственности. Тимур Волков. Дата регистрации - вчерашний день.

Я перечитываю строчки, и буквы начинают плыть перед глазами, превращаясь в графический мусор. Мой мозг отказывается обрабатывать информацию, которая не вписывается в утвержденный график. Свадьба Карины - это мой проект, мой выверенный до секунды сценарий. В нем нет места смене собственника за двенадцать часов до церемонии.

- Что это? - спрашиваю я, хотя прекрасно вижу, что это.
- Какая-то ошибка. У меня договор с господином Левандовским.

- Господин Левандовский продал усадьбу в счет погашения долгов по разделу имущества со своей бывшей супругой, - Тимур делает паузу, и в этой паузе я слышу, как рушится вся моя логистика. - Я - новый владелец. И мой юрист должен был уведомить вас о расторжении всех текущих договоренностей аренды еще утром. Видимо, курьер застрял в пробке. Или в собственной некомпетентности.

Я выпрямляю спину так сильно, что боль простреливает шею. Это мой защитный механизм - стать максимально жесткой, превратиться в стальную струну, которую невозможно согнуть.

- Вы не можете просто прийти и отменить свадьбу, на которую потрачено десять миллионов рублей только по смете

декора, - я говорю медленно, чеканя каждое слово, как судья на ковре. - У нас юридически обязывающий контракт. Форс-мажорные обстоятельства не включают в себя вашу внезапную покупку недвижимости.

Тимур усмехается. Это не улыбка, это просто движение мышц лица, которое должно обозначать иронию, но на деле выглядит как демонстрация превосходства. Он обходит меня, направляясь к арке. Его шаги по паркету звучат как удары метронома.

- В контракте Левандовского есть пункт 8.4. Изменение собственника объекта дает право на расторжение договора в одностороннем порядке с выплатой минимальной неустойки, если новый владелец планирует использование помещения в целях, несовместимых с текущими обязательствами.

Он останавливается прямо перед лилиями. Его лицо кричит, словно он учуял запах разложения.

- У вас ужасный вкус на цветы, Эмилия. Лилии - это запах лжи. Они слишком сильно стараются скрыть вонь старой усадьбы.

- Мой вкус не имеет значения, - я подхожу к нему, нарушая его личное пространство. Мне нужно увидеть его зрачки. Они сужены. Он спокоен, и это бесит меня больше всего. - Имеет значение тайминг. Люди приедут через четыре часа. Невеста в отеле надевает платье, которое стоит как ваш костюм. Вы хотите сказать, что я должна позвонить ей и сказать, что свадьбы не будет, потому что какой-то циник ре-

шил поиграть в захватчика территорий?

Тимур поворачивается ко мне. Теперь между нами меньше полуметра. Я чувствую запах его парфюма - что-то холодное, древесное, абсолютно лишенное сладости. Он смотрит на меня так, будто я - неровно наклеенные обои, которые он собирается содрать.

- Свадьбы не будет не из-за меня, Эмилия. А из-за того, что это здание признано аварийным в зоне перекрытий второго этажа. Я не собираюсь отвечать в суде, если эта люстра, - он кивает на огромную хрустальную конструкцию над нашими головами, - решит упасть на голову вашей невесте в момент произнесения клятв. Это было бы слишком драматично даже для вашего бизнеса.

Он снова достает телефон и смотрит на часы.

- Через два часа здесь начнется консультация.

- Какая еще консультация? - я чувствую, как пальцы начинают мелко дрожать, и прячу их в карманы юбки. - У нас банкет на сто пятьдесят человек!

- Консультация по разделу имущества для моих клиентов, - отрезает он. - Пять пар, которые находятся в процессе развода. Я решил, что нет места лучше для обсуждения краха иллюзий, чем усадьба, которую так старательно пытаются превратить в храм вечной любви. Это будет терапевтично. Вид ваших декораций поможет им осознать, сколько денег они выбросили на ветер в свое время.

Я смотрю на него и вижу не человека, а системную ошибку.

ку. Он ломает мою геометрию. Он - визуальный шум, который невозможно отфильтровать. Мой мозг лихорадочно ищет выход, перебирая варианты, как гимнастка перед падением со снаряда. Нужно перегруппироваться. Нужно найти слабое место в его конструкции.

- Вы делаете это специально, - говорю я, стараясь, чтобы голос не дрожал. - Это какая-то форма садизма? Превратить свадебный зал в офис по расторжению браков? Вы стервятник, Тимур. Вы питаетесь останками чужих надежд.

- Я реалист, - он пожимает плечами, и этот жест кажется мне оскорбительно легким. - И я экономлю время. Чем раньше люди поймут, что их идеальный фасад - это просто слой дорогой краски на гнилых досках, тем меньше боли они причинят друг другу в будущем. У вас есть два часа, чтобы вывезти эти трупные цветы и освободить пространство.

Он разворачивается и направляется к выходу, оставляя меня стоять посреди моего идеального, выверенного до миллиметра зала, который внезапно стал декорацией к чужой катастрофе. Я смотрю ему в спину. Его походка безупречна, центр тяжести зафиксирован, спина прямая. Он движется так, будто он единственный здесь знает правила игры.

Я перевожу взгляд на арку. Она все еще завалена на два градуса. И теперь мне кажется, что вся усадьба медленно кренился в ту же сторону.

Два часа. Сто двадцать минут. Семь тысяч двести секунд. Я начинаю считать, потому что цифры - это единственное,

что я могу контролировать. Мой пульс частит, выбиваясь из ритма, и я прижимаю ладонь к солнечному сплетению, пытаясь заставить себя дышать. Вдох на четыре счета, задержка на четыре, выдох на четыре.

Я не могу позвонить Карине. Не сейчас. Карина - это истерика в розовом шелке, это катастрофа, которую невозможно купировать логикой. Мне нужен план. Геометрия пространства изменилась, и мне нужно выстроить новую перспективу.

Я оглядываюсь вокруг. Зал кажется огромным и пустым, несмотря на ряды стульев и цветочные композиции. Свет падает из высоких окон, высвечивая пылинки, танцующие в воздухе. Они движутся хаотично, и это раздражает. Я подхожу к первому ряду стульев и одним резким движением сдвигаю крайний стул. Симметрия окончательно летит к черту.

Нужно позвонить юристу. Нужно позвонить Левандовскому. Нужно...

В кармане вибрирует телефон. Карина. На экране высвечивается ее фото - она улыбается, прижимаясь к жениху, и они оба выглядят такими счастливыми, что это кажется почти непристойным. Я не отвечаю. Я не могу быть той, кто разобьет этот стеклянный шар прямо сейчас.

Я выхожу из зала в коридор, ищу Тимура. Он не мог уйти далеко. Такие люди, как он, не уходят, пока не убедятся, что территория зачищена.

Я нахожу его в малом кабинете, который мы планировали использовать как гримерку для артистов. Он стоит у окна,

сложив руки за спиной. Его силуэт на фоне светлого проема выглядит как черная дыра, поглощающая свет.

- Мы можем договориться, - говорю я, заходя внутрь. Я не закрываю дверь, чтобы оставить путь к отступлению. - Я заплачу вам. Лично. Сверх любой неустойки, которую выплатит Левандовский. Просто дайте нам провести этот день. Завтра здесь не останется ни одного лепестка, я сама все вывезу.

Тимур не оборачивается.

- Деньги - это скучно, Эмилия. У вас их нет в том количестве, которое могло бы меня заинтересовать. К тому же, вопрос не в деньгах, а в безопасности. Вы слышали, что я сказал про перекрытия?

- Я слышала, что вы хотите устроить здесь шоу для разводящихся, - я делаю шаг в кабинет. Здесь пахнет старой бумагой и кожей. - Если перекрытия так опасны, почему вы собираете здесь своих клиентов? Или их жизни менее ценны, чем жизни гостей свадьбы?

Он медленно поворачивается. На его лице мелькает что-то похожее на одобрение, но оно быстро исчезает под маской холодного безразличия.

- Мои клиенты будут находиться в западном крыле. Оно реконструировано. А этот зал, - он обводит рукой пространство, - это зона риска. Но вы ведь привыкли к риску, не так ли? Гимнастки всегда живут на грани падения. Один неверный хват, одна потеря концентрации - и карьера закончена.

Я вздрагиваю. Откуда он знает? Я нигде не афиширую свое спортивное прошлое. Для всех я - Эмилия, топ-организатор свадеб, женщина с железной хваткой и безупречным стилем.

- Вы навели справки, - это не вопрос, это констатация.

- Я всегда изучаю активы и пассивы, прежде чем войти в сделку, - он подходит к столу и берет папку с документами.

- Вы - пассив этой усадьбы, Эмилия. Красивая, дорогая, но абсолютно бесполезная деталь декора.

- Я - человек, который держит этот проект на своих плечах! - голос срывается, и я тут же прикусываю язык. Потеря контроля. Минус балл за артистизм. - У меня обязательства. У меня репутация.

- Ваша репутация построена на лжи, - Тимур смотрит мне прямо в глаза, и я чувствую, как его взгляд вскрывает мой фасад, как скальпель. - Вы продаете людям сказку, в которую сами не верите. Я видел ваши интервью. "Каждая свадьба - это уникальная история любви". Какая чушь. Каждая свадьба - это просто попытка зафиксировать скоропортящийся продукт. Вы работаете гримером для трупа, Эмилия. И сегодня я просто решил прекратить эту некрофилию в отдельно взятом здании.

Я чувствую, как к горлу подкатывает комок. Это не слезы - я не плачу с десяти лет, когда тренер сказала, что слезы увеличивают вес тела и мешают прыжку. Это чистая, дистиллированная ярость.

- Вы не имеете права судить о моей работе, - шепчу я. - Вы ничего не знаете о том, зачем люди это делают. Им нужна эта точка опоры. Им нужно верить, что хотя бы один день в их жизни будет идеальным.

- Идеальным? - он делает шаг ко мне, и я чувствую жар, исходящий от него, несмотря на его ледяной голос. - Посмотрите на себя. Вы вся напряжена, как пружина. У вас плечи подняты к ушам, а дыхание поверхностное. Вы живете в постоянном страхе, что кто-то заметит трещину на вашем собственном потолке. Ваша идеальность - это симптом, а не достижение.

Я хочу ударить его. Или толкнуть. Что-то, что нарушит его статичную, самоуверенную позу. Но вместо этого я просто стою, чувствуя, как внутри меня что-то надламывается. Это похоже на то чувство, когда ты понимаешь, что не докрутишь сальто и приземление будет жестким.

- Уходите, - говорю я. - Уходите из этого кабинета. Это моя рабочая зона на сегодня.

- Это мой кабинет, Эмилия, - напоминает он, подходя к двери. - И через полтора часа здесь будет мой помощник. Совещание начнется ровно в двенадцать. Советую вам начать демонтаж арки. Лилии уже начали вянуть. Это плохой знак для вечной любви, не находите?

Он выходит, и я остаюсь одна в тишине, которая кажется мне оглушительной. Мои руки дрожат так сильно, что я вынуждена сцепить их в замок за спиной.

Нужно действовать.

Я возвращаюсь в главный зал. Мои помощники - двое парней из технической службы - уже начали расставлять звуковое оборудование.

- Стоп! - кричу я, и мой голос эхом разносится под сводами. - Ничего не подключать.

Они смотрят на меня с недоумением.

- Эмилия, график... - начинает один из них.

- График изменился, - я подхожу к ним, чувствуя, как каждый шаг отдается в позвоночнике. - У нас проблема с собственником.

Я не говорю им правду. Не всю. Если я сейчас скажу, что свадьбы не будет, начнется хаос. А хаос - это то, чего я боюсь больше всего на свете. Мне нужно пространство, где я смогу мыслить. Мне нужна симметрия.

Я иду к арке. Лилии действительно выглядят неважно. В этом душном зале они теряют тургор, лепестки становятся мягкими, коричневатыми по краям. Тимур прав - они пахнут смертью. Но я не позволю ему победить.

Я достаю телефон и набираю номер своего юриста.

- Марк, мне нужно заблокировать расторжение аренды по усадьбе "Золотые пруды". Да, прямо сейчас. Плевать на пункт 8.4. Найди зацепку. Техническое состояние? Да, он утверждает, что здание аварийное. Проверь последние акты осмотра. У меня есть час.

Марк что-то бубнит про судебные предписания и обеспе-

чительные меры, но я его не слушаю. Я смотрю на трещину на потолке. Она кажется мне живым существом, которое медленно ползет, собираясь поглотить нас всех.

Если здание аварийное, то почему Левандовский молчал? Почему Тимур купил его именно вчера? В этом нет логики, а значит, это не сделка, это нападение. Личное. Но я не знаю этого человека. Он для меня - переменная, возникшая из ниоткуда.

Я начинаю ходить по залу, замеряя шагами расстояние от стены до стены. Сорок два шага. Двадцать один до центра. Центр - это точка, где должна стоять Карина. Я становлюсь в эту точку и закрываю глаза.

Я чувствую, как пол вибрирует. Это не воображение. Старое здание действительно живет своей жизнью. Где-то глубоко в подвалах стонут трубы, в стенах шуршит пыль. Тимур хочет использовать эту усадьбу как декорацию для разводов. Он хочет десакрализировать место, которое должно было быть святым.

В детстве у нас в гостиной стояла огромная хрустальная ваза. Мама всегда следила, чтобы в ней были свежие цветы. Она говорила, что пока в доме стоят цветы, семья в безопасности. Папа ушел, когда ваза разбилась. Я сама ее задела, когда тренировала равновесие на одной ноге. Осколки были повсюду. Мама не плакала. Она просто собрала их и выбросила вместе с цветами. И больше никогда не покупала новых. Мы жили в идеальной чистоте и идеальной пустоте.

Я открываю глаза. В зал заходит женщина в строгом черном платье. Она несет папку. Это помощница Тимура.

- Добрый день, - говорит она, и ее голос такой же механический, как у шефа. - Я Виктория. Нам нужно подготовить зал для консультации. Пожалуйста, уберите эти стулья.

- Эти стулья расставлены согласно утвержденному плану рассадки, - я скрешиваю руки на груди. Моя спина - это бетонная стена. - И они останутся здесь до окончания свадебного банкета.

Виктория смотрит на меня с легким сожалением, как на душевнобольную.

- Господин Волков распорядился очистить центральную часть зала. Мы поставим здесь круглый стол. Декорации можно передвинуть к стенам, если они вам так дороги.

- Если вы прикоснетесь хоть к одной ленте, я вызову полицию и заявлю о порче имущества стоимостью в несколько миллионов, - я делаю шаг навстречу. Я чувствую, как мои мышцы наливаются свинцом. Готовность к атаке.

Виктория вздыхает и достает телефон.

- Тимур Игоревич, у нас возникло препятствие.

Я стою, не двигаясь. Я - статуя. Я - ось, вокруг которой должен вращаться этот мир, чтобы не разлететься на куски.

Через две минуты в зале снова появляется Тимур. Он уже без пиджака, рукава рубашки закатаны до локтей, обнажая сильные предплечья. Это делает его еще более опасным. Он больше не просто "человек в костюме", он - хищник, кото-

рый перешел в активную фазу охоты.

- Эмилия, вы испытываете мое терпение, - говорит он, останавливаясь в паре шагов. - А это ресурс, который у меня заканчивается быстрее, чем срок годности ваших лилий.

- Ваше терпение - это не моя забота, - я смотрю на его предплечья. Там видна тонкая вена, которая пульсирует в такт его словам. - Моя забота - интересы моих клиентов. И я не позволю вам превратить их праздник в цирк для обиженных супругов.

Тимур делает резкое движение - я даже не успеваю среагировать, слышится отсутствие практики. Он хватает один из стульев за спинку и с грохотом отшвыривает его в сторону. Звук удара дерева о дерево резонирует в моей груди, как физическая боль.

- Вы видите? - он указывает на место, где стоял стул. - Мир не рухнул. Симметрия нарушена, но потолок все еще на месте. Перестаньте цепляться за свои линейки, Эмилия. Это выглядит жалко.

- Жалко? - я подхожу к нему вплотную. Мое лицо почти касается его груди. - Жалко - это выкупать старые особняки, чтобы тешить свое эго и разрушать чужие мечты. Что случилось, Тимур? Вас бросили у алтаря? Или ваша мать предпочитала интерьер вашим чувствам? Почему вы так ненавидите красоту?

Его взгляд мгновенно меняется. Холод сменяется чем-то острым, обжигающим. Он берет меня за плечо - не больно,

но властно, фиксируя на месте.

- Вы ничего не знаете о красоте, - цедит он сквозь зубы.
- Красота - это честность. А то, чем занимаетесь вы, - это мошенничество. Вы берете деньги за иллюзию безопасности, которой не существует. И если вы сейчас не прикажете своим людям убрать этот хлам, я сделаю это сам. И поверьте, я не буду заботиться о сохранности ваших лепестков.

Я чувствую, как его пальцы сжимают мое плечо. Через ткань блузки я ощущаю тепло его кожи. Это пугает меня больше, чем его угрозы. Мой контроль дает трещину. Я чувствую, как внутри начинает подниматься волна, которую я подавляла годами. Это не ярость. Это страх. Тот самый страх маленькой девочки, которая смотрит на разбитую вазу и понимает, что теперь все будет по-другому. И ничего нельзя исправить.

- Отпустите меня, - шепчу я.

Он медленно разжимает пальцы. Его взгляд смягчается на долю секунды, и в этой паузе я вижу в его глазах отражение своей собственной боли. Он тоже ее видит. Он единственный, кто смотрит не на мой идеальный макияж и не на мою прямую спину. Он смотрит туда, где под ребрами бьется пойманная птица моего отчаяния.

- У вас час, Эмилия, - говорит он уже тише. - Только один час. Потом сюда придут люди, которым не нужны ваши цветы. Им нужна правда. И я им ее дам.

Он уходит, и на этот раз я не пытаюсь его остановить. Я

опускаюсь на тот самый стул, который он не отшвырнул. Мои ноги больше меня не держат. Центр тяжести потерян.

Я смотрю на свои руки. Они все еще дрожат. Я хватаю лазерную рулетку и направляю луч на противоположную стену. Красная точка дрожит, прыгает по лепнине, как обезумевший пульс.

Сорок два метра. Сорок два метра между мной и полным крахом.

Я должна позвонить Карине. Но вместо этого я набираю номер своей матери. Она не отвечает. Она никогда не отвечает, когда мне нужно услышать что-то, кроме критики моего произношения или выбора цвета для ее новой гостиной.

Я встаю. Мое тело слушается меня с трудом, как после многочасовой тренировки на износ. Мышечная память диктует: держи спину. И я держу.

- Ребята, - обращаюсь я к техникам, которые замерли у колонок. - Сдвиньте стулья. Освободите центр.

- Но Эмилия... - начинает один из них.

- Делайте, что я сказала! - мой голос звучит как хлыст.
- Мы меняем композицию. У нас будет... динамическая инсталляция.

Я не знаю, что я несу. Я просто пытаюсь сохранить лицо, пока мой фундамент уходит в землю. Я подхожу к цветочной арке и начинаю срывать лилии. Одна за другой. Белые лепестки падают на пол, как хлопья снега в замедленной съемке. Я работаю быстро, безжалостно. Мои пальцы пахнут

этим тяжелым, удушливым ароматом.

Если Тимур хочет правды, он ее получит. Но это будет моя правда. Изложенная на моем языке геометрии и ритма.

Я закончу этот день. Я проведу эту свадьбу, даже если мне придется держать этот потолок руками.

Через полчаса центр зала пуст. Стулья выстроены вдоль стен идеальными рядами, похожими на солдат перед парадом. Арка лишена цветов, остался только голый металлический каркас - графичный, жесткий, честный.

Я стою в центре этого пустого пространства и жду. Я слышу голоса в коридоре. Тимур возвращается. С ним люди. Я слышу шарканье ног, тяжелые вздохи, обрывки фраз о документах и алиментах.

Они заходят в зал. Пять пар. Десять человек, которые когда-то тоже стояли перед алтарем и верили в "долго и счастливо". Сейчас они выглядят

ГЛАВА 2: Право на демонтаж

Они заходят в зал. Пять пар. Десять человек, которые когда-то тоже стояли перед алтарем и верили в -долго и счастливо-. Сейчас они выглядят как массовка из фильма про зомби-апокалипсис, только вместо лохмотьев на них вполне приличный кэжуал, а вместо жажды плоти - глухое, вымороженное раздражение. Я стою у голого металлического каркаса арки, и мои пальцы все еще зудят от липкого сока лилий. Это физическое ощущение грязи на коже помогает мне держать спину. Прямая линия позвоночника - это мой единственный способ не рассыпаться на пиксели. В художественной гимнастике нас учили: если ты теряешь вертикаль, ты теряешь баллы, ты теряешь лицо, ты теряешь все.

Тимур идет впереди них. Его походка - это серия идеально выверенных, тяжелых шагов. Он не идет, он вбивает сваи. Каждое движение его плеч говорит о том, что это пространство теперь принадлежит ему по праву сильного. Он не смотрит на меня, он смотрит сквозь меня, словно я - досадное пятно на объективе, которое мешает сфокусироваться на главной цели. Его голос разрезает тишину зала, как гильотина.

- Рассаживайтесь, - бросает он группе. - Стулья стоят по периметру не для красоты. Нам нужно обсудить графики деления имущества до того, как приедут ваши адвокаты.

Я чувствую, как у меня дергается веко. Это нарушение симметрии. Пять пар, десять человек, и они начинают растекаться по моему идеально выстроенному залу, как ртуть. Одна женщина, в слишком тесном бежевом тренче, садится на край стула так, будто он заминирован. Ее тушь немного потекла в уголках глаз, и это создает визуальный шум, который заставляет меня сжимать кулаки. Я хочу подойти и вытереть ей лицо мицеллярной водой, просто чтобы восстановить четкость линий.

- Тимур, - мой голос звучит ровно, хотя в груди все стянуто тугим узлом, как при неправильном приземлении на ковер. - У нас здесь через три часа начинается церемония. Цветы демонтированы по твоему... требованию, но это не значит, что зал превратился в приемную бюро по разводам.

Он наконец поворачивает голову. Его глаза - два холодных объектива. Он оценивает мою позу, мои испачканные соком руки, мой пучок, который наверняка уже растрепался. Для него я - просто неисправный элемент декора.

- Твоя церемония, Эмилия, - это театральная постановка с нулевым КПД, - говорит он, и его голос звучит как скрип ножа по стеклу. - Эти люди - реальность. Они пришли сюда, чтобы официально признать, что их -эстетически безупречный акт- закончился крахом. Я экономлю их время. И свое.

- Ты портишь мою статистику, - я делаю шаг вперед, сокращая дистанцию. Моя мышечная память требует атаки. - Ты вводишь этих людей в пространство, которое было спро-

ектировано для созидания. Это как привести скотобойню в оперный театр. Нарушение функционального назначения помещения.

Тимур усмехается. У него жесткие губы, лишенные какой-либо мягкости.

- Оперный театр? Скорее, ярмарочный балаган. Твои лилии пахли как похоронное бюро, так что я оказал тебе услугу. Пройдем в кабинет. Мне нужно, чтобы ты подписала акт приема-передачи части оборудования, которое я намерен утилизировать.

Он разворачивается, не дожидаясь ответа. Это его манера - бросить фразу и уйти, будучи уверенным, что за ним последуют. Я стою секунду, чувствуя, как по ногам тянет холодом от сквозняка. Зал кажется огромным и пустым без цветов. Металлический скелет арки выглядит как клетка.

Я иду за ним. Мои шаги по паркету звучат суше и резче, чем обычно. Я стараюсь попадать в ритм его шагов, чтобы не казаться ведомой, но он идет слишком быстро, ломая мой тайминг. Мы проходим через анфиладу комнат, где еще вчера мои декораторы развешивали хрустальные подвески, и заходим в бывшую библиотеку, которую Тимур уже успел превратить в свой штаб.

Здесь пахнет старой бумагой, кофе и чем-то металлическим. На массивном дубовом столе, где я планировала разложить эскизы для зимней свадьбы семьи Беловых, теперь царит хаос, который Тимур, вероятно, считает порядком.

Стопки серых папок, ноутбук, какие-то юридические справочники. И самое ужасное - мои акварельные наброски. Они не просто лежат в стороне. Он разложил свои дела о разводах прямо поверх них.

Я вижу, как угол папки с надписью -Иск о разделе имущества гр. Смирнова- придавливает мой нежный набросок с ледяными скульптурами. Это физическая боль в районе солнечного сплетения. Мои композиции, мой свет, моя перспектива - все погребено под грудой чужого грязного белья, оформленного на гербовой бумаге.

- Убери это, - говорю я, подходя к столу. Я не указываю пальцем, я просто направляю взгляд, стараясь сделать его максимально тяжелым.

Тимур садится в кресло, откидывается на спинку и сцепляет пальцы в замок. Его руки большие, с выступающими венами. Руки человека, который привык ломать, а не строить.

- Убрать что, Эмилия? Эти бумажки с картинками? Они больше не имеют юридической силы. Усадьба перешла под мое управление на семьдесят процентов. Оставшиеся тридцать - это твои офисные помещения и кладовка. Все остальное - зона моей компетенции.

- Семьдесят один процент, - поправляю я, выпрямляя спину еще сильнее. Кажется, если я сейчас нагнусь, мой позвоночник просто лопнет. - И эти тридцать процентов включают в себя право вето на изменение концепции пространства, если это вредит репутации бренда -Усадьба-Золотые ключи-.

- Репутация этого места - это ложь, упакованная в фатин, - Тимур берет одну из моих папок и небрежно листает ее. - Ты продаешь людям иллюзию, что если они потратят три миллиона на флористику, то их брак не развалится через два года. Я же предлагаю им честный демонтаж. Мой бизнес-план основан на статистике. Твой - на надежде. Угадай, что приносит больше прибыли в долгосрочной перспективе?

Он вытаскивает лист с моим планом рассадки гостей на сегодняшнюю свадьбу. Красная ручка в его руке выглядит как скальпель. Он делает широкий жест, зачеркивая схему.

- Сегодняшняя пара, - говорит он, глядя мне прямо в глаза. - Игорь и Марина. Ты ведь знаешь, что Игорь уже дважды консультировался у моего помощника по поводу брачного контракта? Он еще не надел кольцо, а уже ищет способы сохранить свою долю в девелоперском бизнесе. А ты выбираешь для них оттенок салфеток -пыльная роза-. Тебе не кажется это лицемерным?

Я чувствую, как к горлу подступает горечь. Не от его слов - я и сама знала про Игоря, я видела, как он смотрит в телефон, пока Марина выбирает дизайн торта. Горечь от того, как Тимур наслаждается этим разоблачением. Он не просто циник, он хищник, который питается падалью надежд.

- Моя работа - создать идеальный кадр, - отвечаю я, подходя к столу вплотную. Я опираюсь руками о край, чувствуя холод дерева. - Люди приходят ко мне за моментом абсолютной гармонии. Что будет потом - это их выбор. Но этот день

должен быть безупречным. Это точка отсчета. Если фундамент кривой, здание не стоит. Я даю им идеальный фундамент.

- Ты даешь им декорацию, - отрезает он. - И эта декорация стоит слишком дорого. Я аннулирую договор с твоим поставщиком цветов. Нам не нужны лилии. Нам нужны чистые столы для работы с документами.

Он пододвигает ко мне папку.

- Подписывай акт. Здесь перечень того, что переходит на баланс моей компании. Световое оборудование, звуковая система, мебель.

Я не смотрю на бумаги. Я смотрю на его галстук. Он завязан идеально, но немного смещен влево. Миллиметра на три. Это крошечное несовершенство в его броне приносит мне почти физическое удовлетворение.

- Я ничего не подпишу, пока не перечитаю наш основной договор, - говорю я, чувствуя, как внутри просыпается азарт игрока, который знает, что у него есть козырь, припрятанный в рукаве гимнастического купальника. - Ты ведь не думал, что я позволила твоим юристам составить контракт в одностороннем порядке?

Тимур прищуривается. Его взгляд становится острее, он считает мою уверенность.

- Там все чисто, Эмилия. Мои люди лучшие в городе.

- Твои люди, возможно, лучшие в разводах, но они ничего не понимают в совместном управлении объектами куль-

турного наследия, - я выдерживаю паузу, позволяя тишине в комнате стать густой и вязкой. - Пункт 4.2. Переходный период. В случае смены основного владельца, в течение первых тридцати дней действует режим -двух ключей-. Любое решение, касающееся изменения интерьера или функционала залов, должно быть подписано обоими управляющими.

Я вижу, как его пальцы на мгновение замирают. Это едва заметное движение, микро-спазм, который не укрылся бы от судьи на бревне. Я попала в цель.

- Режим двух ключей касается только стратегических решений, - медленно произносит он, и его голос становится еще тише, что гораздо опаснее крика.

- Вынос цветов и замена свадебных банкетов на юридические консультации - это стратегическое изменение имиджа компании, - я улыбаюсь, хотя мои губы кажутся сухими и деревянными. - Так что, Тимур, если ты хочешь, чтобы эти несчастные люди в зале получили свои консультации, тебе придется договориться со мной. Или я вызову полицию и заявлю о рейдерском захвате мероприятия.

Он встает. Он выше меня на голову, и его присутствие заполняет пространство, вытесняя воздух. Но я не отступаю. Я привыкла стоять на узкой полоске ковра, когда на тебя смотрят тысячи глаз, и любая дрожь в колене означает поражение. Я контролирую свой центр тяжести. Я - ось этого мира, даже если мир рушится.

- Ты играешь в опасные игры, Эмилия, - он делает шаг

ко мне, и я чувствую запах его парфюма - горький апельсин и холодная сталь. Никакой романтики, только расчет. - Ты думаешь, что сможешь удержать эту крепость из картона и кружев?

- Это не картон. Это моя жизнь, - я говорю это тихо, почти шепотом. - И я не позволю тебе превратить ее в архив мертвых дел.

Мы стоим так несколько секунд. Между нами - стол, заваленный обломками наших миров. Я вижу, как в его глазах что-то меняется. Это не сочувствие, нет. Это профессиональный интерес. Он увидел во мне не декоратора, а противника.

- Хорошо, - наконец говорит он, и его голос звучит почти буднично. - Два ключа. Но учти, это работает в обе стороны. Я не подпишу ни одного счета на твои дурацкие лилии. Хочешь свадьбу? Проводи ее в том виде, в котором зал находится сейчас. Пустота и голый металл. Это будет самая честная свадьба в истории этой усадьбы.

- Договорились, - я киваю, чувствуя, как в затылке начинает пульсировать боль. - Но документы останутся у меня. Оригиналы контрактов с клиентами.

- Они уже не у тебя, - Тимур достает из кармана пиджака тяжелую связку ключей и кладет ее на стол. Металл звякает о дерево. - Ключ от сейфа в администраторской теперь у меня. Я сменил замок сегодня в шесть утра, пока ты выбирала ленты для букетов.

Мой желудок совершает неприятный кульбит. В сейфе не только контракты. Там вся моя жизнь за последние пять лет. Мои личные записи, финансовые отчеты, которые не предназначены для его глаз, и - самое главное - письмо от владельца, которое он оставил мне перед продажей.

- Это незаконно, - выдыхаю я, и мой голос на секунду дает трещину.

- В бизнесе законно то, что ты можешь защитить, - Тимур берет ключи обратно. - Если хочешь получить доступ к бумагам, тебе придется сопровождать меня на каждой встрече с моими клиентами сегодня. Будешь моим... эстетическим консультантом. Расскажешь им, как красиво оформить конец их иллюзий.

Он направляется к выходу, но у двери останавливается.

- И Эмилия, - он не оборачивается. - Спину расслабь. Ты выглядишь так, будто проглотила железный лом. В моем мире это выдает страх, а не силу.

Он выходит, и дверь закрывается с тяжелым стуком. Я остаюсь одна в кабинете, который пахнет его победой. Мои пальцы все еще пахнут лилиями, но теперь этот запах кажется мне запахом поражения.

Я подхожу к столу и начинаю медленно собирать свои эскизы. Я делаю это аккуратно, расправляя каждый замятый уголок. Это моя форма медитации. Каждое движение выверено: поднять лист, смахнуть невидимую пыль, положить в папку. Симметрия должна быть восстановлена, даже если

внутри меня - хаос.

Мои мысли прерываются звуком из зала. Громкий женский плач. Тот самый иррациональный, некрасивый звук, который разрушает любую композицию. Я вздрагиваю. Это Марина? Нет, слишком рано. Это кто-то из его -клиентов-.

Я выхожу из кабинета. Мои ноги кажутся тяжелыми, как будто на щиколотки надели утяжелители для тренировок. Я иду по коридору, и каждый шаг отдается в позвоночнике. Тимур стоит в центре зала, сложив руки на груди. Он смотрит на плачущую женщину в бежевом тренче так, будто она - неисправный принтер, который зажевал бумагу.

- Слезы не изменят условия раздела имущества, - говорит он ровным голосом. - Ваш муж предложил адекватную компенсацию за долю в квартире. Рыдания только затягивают процесс.

Я чувствую, как во мне закипает ярость. Это не просто цинизм, это эмоциональная дегенерация. Я подхожу к женщине, игнорируя предупреждающий взгляд Тимура.

- Пойдемте со мной, - я кладу руку ей на плечо. Ее тело дрожит, оно лишено всякого контроля, это полная дезориентация в пространстве. - Вам нужно умыться. В дамской комнате есть все необходимое.

- Ей нужно подписать отказ от претензий, а не умываться, - бросает Тимур.

Я поворачиваюсь к нему. В этот момент я не чувствую страха. Я чувствую только холодную, дистиллированную

ненависть.

- Она подпишет все, что нужно, когда придет в норму. А пока она в моей части усадьбы, и я определяю регламент ее состояния. Пойдемте.

Я увожу ее. В коридоре я чувствую на своей спине его взгляд. Он не злится. Он наблюдает. Как натуралист за странным насекомым, которое внезапно проявило агрессию.

В дамской комнате идеальный свет. Я специально настраивала его так, чтобы невесты видели себя в зеркале без единого изъяна. Мягкий, теплый спектр, который скрывает усталость. Сейчас в этом свете женщина в тренче выглядит еще более разбитой. Ее лицо в зеркале - это катастрофа.

- Простите, - всхлипывает она, вытирая глаза бумажным полотенцем. - Я не хотела... Просто это место. Мы здесь праздновали нашу годовщину три года назад. Тут было так красиво. Розы, музыка...

Я замираю. Это и есть та самая ловушка, о которой говорил Тимур. Я создала для нее декорацию счастья, а теперь эта декорация стала декорацией ее боли. Моя работа - фиксировать моменты, но я никогда не думала о том, что происходит, когда пленка засвечивается.

- Красота никуда не делась, - говорю я, хотя сама в это не верю. Я достаю из шкафчика патчи для глаз и флакон с термальной водой. - Просто изменилось освещение. Сейчас вам нужно собраться. Не давайте ему видеть вашу слабость. Тимур питается слабостью.

- Он страшный человек, - шепчет она, прикладывая патчи к лицу. - Он говорит такие вещи... как будто мы никогда не любили друг друга. Как будто все это было просто неудачной инвестицией.

Я смотрю на свое отражение за ее плечом. Я вижу женщину с идеально прямой спиной и пустыми глазами. Я - профессионал. Я - организатор. Я - бывшая гимнастка, которая знает, что боль - это просто сигнал нервной системы, который можно игнорировать.

- Любовь - это не его юрисдикция, - отвечаю я. - Его работа - цифры. Ваша работа - выйти отсюда с высоко поднятой головой. Сделайте глубокий вдох. На четыре счета вдох, на четыре счета задержка, на четыре - выдох. Это стабилизирует ритм.

Она послушно начинает дышать. Я смотрю на секундомер на своих часах. Ритм - это все. Если ты контролируешь дыхание, ты контролируешь ситуацию.

Через десять минут мы возвращаемся в зал. Она выглядит лучше. Ее лицо все еще припухшее, но линии стали четче. Она садится на стул и кивает Тимуру.

- Я готова продолжать, - говорит она.

Тимур переводит взгляд с нее на меня. В его глазах проскальзывает что-то похожее на одобрение, и это бесит меня больше, чем его грубость. Я не хочу его одобрения. Я хочу, чтобы он исчез.

- Эффективно, - коротко бросает он мне. - Можешь за-

брать один балл в свою пользу за управление кризисными ситуациями.

- Я не собираю баллы, Тимур. Я просто выполняю свою работу.

- Твоя работа на сегодня закончена, - он указывает на часы. - Через пятнадцать минут приедет твоя счастливая пара. Я распорядился, чтобы их встретили у бокового входа. Основной зал будет занят моими клиентами еще час.

- Что? - я чувствую, как кровь приливает к лицу. Это нарушение всех договоренностей. - Боковой вход? Там зона погрузки! Там стоят пустые ящики от кейтеринга!

- Значит, у тебя есть пятнадцать минут, чтобы сделать зону погрузки эстетически безупречной, - он усмехается. - Ты ведь мастер иллюзий, Эмилия. Покажи класс. Или признай, что без своих лилий и парадного входа твой продукт ничего не стоит.

Это вызов. Прямой удар в челюсть. Мои мышцы напрягаются, я чувствую, как стопы впиваются в пол. Он хочет разрушить мой сценарий? Он хочет, чтобы я сдалась?

- Хорошо, - говорю я, и мой голос звенит, как натянутая струна. - Я проведу их через боковой вход. И они даже не заметят разницы. Но за это ты отдашь мне ключ от сейфа. Сейчас.

Тимур достает ключи и крутит их на пальце. Металл поблескивает в свете люстр.

- Только после того, как церемония закончится без скан-

далов. Если Марина не расплатится, увидев голый каркас вместо арки, я подумаю.

- Она не расплатится, - отрезаю я. - Она будет в восторге. Потому что я продам ей минимализм как высшую форму элегантности.

Я разворачиваюсь и почти бегу к выходу. У меня есть пятнадцать минут. В моей голове уже крутится схема: переставить кадки с туями из внутреннего двора, накрыть ящики черным бархатом, изменить угол освещения, чтобы скрыть облупившуюся краску на двери.

Я вылетаю в коридор и сталкиваюсь с Мариком, моим ассистентом. Он выглядит так, будто увидел привидение.

- Эмилия, там... там привезли торт. Но водитель не может проехать к парадному, там все перегорожено машинами этих... людей в серых костюмах.

- К боковому! - командую я на ходу. - Марик, хватай черную ткань из кладовки. И всех грузчиков. У нас операция -Черный квадрат-. Мы превращаем зону погрузки в лофт-пространство. Быстро!

Я работаю как заведенная. Мои руки двигаются сами собой, мышечная память подсказывает идеальные углы. Мы тащим тяжелые кадки, я лично задрапировываю грязные стены. Ткань ложится ровными складками, скрывая уродство реальности. Я не думаю о Тимуре, я не думаю о разводах. Я нахожусь в состоянии потока, где есть только форма, цвет и свет.

Через двенадцать минут зона погрузки преобразается. В полумраке, подсвеченная парой софитов, которые мы успели вытащить из зала, она выглядит стильно и загадочно. Черный бархат поглощает лишние детали, оставляя только чистые линии.

- Неплохо, - шепчет Марик, вытирая пот со лба. - Даже лучше, чем парадный.

Я не отвечаю. Я смотрю на часы. Три минуты.

Я выхожу на улицу, чтобы встретить машину молодых. Воздух стал холоднее, пахнет дождем. Я стою у входа, выпрямив спину, и чувствую себя как атлант, который держит на плечах это фальшивое небо.

Машина подъезжает. Марина выходит первая. На ней платье, которое стоит как небольшой автомобиль, и улыбка, которая стоит гораздо дороже, потому что она абсолютно искусственная. Я вижу это сразу. Напряжение в уголках губ, слишком частые моргания. Она на грани.

- Эмилия! - она бросается ко мне. - Почему мы здесь? Где парадный вход?

- Марина, дорогая, - я беру ее за руки. Мои ладони холодные, и это, кажется, ее отрезвляет. - У нас небольшая смена концепции. Мы решили сделать ваш вход более камерным, в стиле закрытых клубов Манхэттена. Парадный вход слишком... предсказуем. А вы ведь не такие, правда?

Я вижу, как в ее глазах борется паника и желание быть -не такой, как все-. Мой голос звучит уверенно, я использую те

же интонации, что и наши тренеры перед выходом на ковер. Ты лучшая. Ты справишься. Весь мир - это просто фон для твоего прыжка.

- Лофт? - переспрашивает она, глядя на черную драпировку.

- Высокий минимализм, - поправляю я. - Акцент на графику и свет. Пойдемте, Игорь заждался.

Я веду их внутрь. Мы проходим мимо задрапированных ящиков, и в этом свете они действительно выглядят как арт-объекты. Марина успокаивается, она начинает играть свою роль - роль невесты в эксклюзивных декорациях.

Но когда мы подходим к дверям основного зала, я замираю. Изнутри доносится голос Тимура. Он говорит о делеении пенсионных накоплений.

- Нам нужно подождать пару минут, - говорю я, преграждая им путь. - Сейчас там настраивают свет для вашего эффектного появления.

- Но мы уже опаздываем, - Игорь смотрит на часы. Его раздражение визуально проявляется в том, как он постоянно поправляет манжеты.

Я чувствую, как внутри меня что-то обрывается. Я не могу их сдерживать вечно. Если они зайдут сейчас и увидят эти пять пар и Тимура, все будет кончено. Моя репутация, мой контракт, моя усадьба.

И тут дверь открывается.

Тимур выходит в коридор. Он видит меня, видит Марину

в белом облаке фатина и Игоря, который выглядит так, будто готов взорваться.

Я задерживаю дыхание. Это момент истины. Он может разрушить все одним словом. Одной фразой о том, что зал занят более важными делами.

Тимур смотрит на Марину. Затем на меня. В его взгляде нет ни капли жалости, только холодный расчет. Он делает паузу, которая длится вечность. Я чувствую, как у меня сводит мышцы пресса. Контроль. Главное - контроль.

- Проходите, - внезапно говорит он, отступая в сторону и придерживая дверь. - Зал готов. Мы как раз закончили... техническую проверку.

Я не верю своим ушам. Я смотрю в зал через его плечо. Он пуст. Пять пар исчезли, как будто их и не было. Стулья стоят на своих местах. Даже металлический каркас арки выглядит в этом свете как изысканная инсталляция.

- Спасибо, Тимур, - шепчу я, проходя мимо него.

Он наклоняется к моему уху, так близко, что я чувствую жар его кожи.

- Не благодари, Эмилия. Это стоило мне двойного тарифа для моих юристов, чтобы они вывели людей через черный ход. Теперь ты мне должна. И поверь, я возьму долг не деньгами.

Он отходит, и я ввожу молодоженов в зал. Музыка начинает играть ровно в ту секунду, когда они переступают порог. Марик - гений тайминга.

Церемония проходит как в тумане. Я стою в тени колонны и наблюдаю за этим спектаклем. Марина и Игорь клянутся в вечной любви перед голым металлом. Это выглядит странно, почти пугающе, но в этом есть какая-то дикая, первобытная правда. Без цветов все стало слишком явным. Каждое слово звучит весомее.

Я ищу глазами Тимура. Он стоит в дальнем конце зала, прислонившись к стене. Он не смотрит на молодоженов. Он смотрит на меня. И в этом взгляде нет цинизма. В нем есть что-то другое - вызов, который я пока не могу расшифровать.

Когда звучат аплодисменты и гости начинают двигаться к выходу, к фуршетной зоне, Тимур подходит ко мне. Он нетороплив, его движения полны ленивой грации хищника, который знает, что добыча никуда не денется.

- Ты справилась, - говорит он, останавливаясь в шаге от меня. - Признаю, минимализм тебе идет больше, чем лилии. Это делает тебя... настоящей.

- Мой ключ, - я протягиваю руку. Моя ладонь все еще дрожит от перенапряжения, и я стараюсь это скрыть, сжимая пальцы.

Он достает связку ключей. Но не отдает ее.

- Знаешь, Эмилия, я передумал. Режим -двух ключей-означает, что мы должны делить не только ответственность, но и секреты.

Он берет мою руку и вкладывает в нее один-единствен-

ный ключ. Но это не ключ от сейфа. Это маленький, изящный ключ от старого ящика в библиотеке, где я хранила свои самые сокровенные записи.

- Ключ от сейфа останется у меня, - говорит он, и его голос становится жестким. - Потому что в том письме, которое оставил тебе бывший владелец, есть пункт, о котором ты предпочла забыть. И пока я не разберусь, почему ты мне о

ГЛАВА 3: Оптическая иллюзия счастья

Маленький холодный предмет в моей ладони кажется тяжелее, чем должен быть кусок резного металла. Это ключ от библиотечного ящика, а не от сейфа, и это ломает мою внутреннюю геометрию. Тимур стоит слишком близко. Его запах - это смесь дорогого табака, который он не курит, и ледяного озона, как в серверной, где техника работает на пределе возможностей. Мой позвоночник превращается в натянутую струну. В художественной гимнастике есть такое понятие, как центр тяжести: если ты сместишь его хотя бы на миллиметр во время пируэта, тебя вышвырнет с ковра. Сейчас я чувствую, как мой личный центр тяжести плывет. Тимур забирает у меня контроль над пространством, и это физически невыносимо, словно я стою на одной ноге на краю обрыва, а он мягко подталкивает меня в плечо.

- О каком пункте идет речь? - мой голос звучит ровно, спасибо годам тренировок по подавлению паники перед выходом на помост. - В договоре аренды усадьбы нет никаких скрытых условий. Я проверяла его трижды.

Тимур усмехается. Эта его усмешка - визуальный дефект, она кривит его лицо, делая его пугающе живым на фоне моей выверенной маски. Он наклоняется к моему уху, и я чув-

ствую движение воздуха.

- Ты проверяла юридическую оболочку, Эмилия. А я говорю о содержании. Бывший владелец был романтиком, а это самая опасная категория людей. Они всегда оставляют после себя ловушки, замаскированные под благословения. Иди, делай свою работу. У тебя там клиенты приехали. Кажется, они хотят купить себе немного вечности в стиле тридцатых годов.

Он разворачивается и уходит, не дожидаясь ответа. Его походка - это чистая функция. Никаких лишних движений, никакой работы плеч, только четкий ритм. Я смотрю ему в спину и чувствую, как в районе солнечного сплетения завязывается тугой узел. Это мышечный зажим, мой старый знакомый. Чтобы его разжать, нужно либо сделать глубокий прогиб назад, либо кого-нибудь ударить.

Я перевожу взгляд на веранду. Там уже суетятся мои декораторы. Сегодняшний бриф - старый Голливуд. Золото, тяжелый бархат цвета запекшейся крови, свет, который должен падать так, чтобы скрывать любые несовершенства кожи. Я называю это оптической иллюзией счастья. Если выставить правильный угол освещения, даже самый глубокий разлад в паре будет выглядеть как томная меланхолия.

На веранду выходят Марина и Игорь. Марина - тип женщины, которая тратит на естественный макияж три часа. Она вся состоит из острых углов и брендовых логотипов. Игорь массивнее, он напоминает плохо обтесанную колонну, кото-

рая пытается удержать на себе слишком тяжелый портик. Они смотрят друг на друга, но их взгляды не пересекаются, они скользят по касательной, как бильярдные шары после неудачного удара.

- Эмилия, дорогая, - Марина протягивает мне руку. Ее пальцы холодные и сухие. - Мы решили, что шампанское должно быть только в пирамидах. И никакой современной музыки. Я хочу, чтобы гости чувствовали себя в фильме Хичкока.

- В фильмах Хичкока обычно кого-то убивают в середине второго акта, - замечаю я, поправляя складку на скатерти. - Но если вы имеете в виду эстетику нуара, то мы добьемся идеальной светотени. Игорь, вы согласны с композицией?

Игорь пожимает плечами. Его пиджак сидит на нем так, будто он в нем задыхается. Я вижу, как у него дергается жилка на шее. Неправильный ритм. Этот человек - ходячая аритмия.

- Мне все равно, - бурчит он. - Лишь бы это побыстрее закончилось. Марина хочет шоу - она его получит.

Я фиксирую этот момент. В моем внутреннем блокноте это называется дефект фундамента. Свадьба еще не началась, а конструкция уже дает трещину. Я начинаю рассказывать им про зонирование, про то, как мы расставим софиты, чтобы создать эффект глубокого кадра, как вдруг слышу за спиной скрип половиц. Тимур. Он не должен быть здесь. По протоколу владелец площадки не вмешивается в переговоры

с клиентами. Но Тимур не признает протоколов, он признает только факты.

Он подходит к столу, на котором разложены эскизы. Его присутствие разрушает мою композицию. Он - жирная черная клякса на акварельном наброске.

- Старый Голливуд, - произносит он, и в его голосе слышится лязг металла. - Эпоха, когда брачные контракты были длиннее, чем сценарии, а за улыбками скрывались судебные иски по разделу имущества. Хороший выбор. Очень символично.

Марина замирает. Ее идеальная осанка становится еще более жесткой.

- Простите, а вы кто? - спрашивает она, прищуриваясь.

- Тимур, владелец этого сомнительного предприятия по торговле надеждами, - он даже не улыбается. - И по совместительству человек, который читал ваш брачный договор. Игорь, вы ведь его уже подписали, верно? Или все еще торгуетесь за пункт о неразглашении личных подробностей в случае измены?

В воздухе повисает тишина. Она густая, как клей. Я чувствую, как у меня холодеют ладони. Это нарушение всех мыслимых правил деловой этики. Я пытаюсь перехватить инициативу, делаю шаг вперед, сокращая дистанцию между собой и Тимуром.

- Тимур, мы здесь обсуждаем декор и логистику фуршета. Юридические вопросы не входят в повестку дня.

- О, они всегда в повестке, Эмилия. Просто ты предпочитаешь драпировать их бархатом, - он смотрит на Марину, игнорируя меня. - Марина, вы ведь понимаете, что пункт четыре-точка-два в вашем контракте фактически лишает вас права на содержание в случае, если инициатором развода станете вы? Даже если причиной будет... скажем так, специфическое поведение вашего будущего супруга.

Марина бледнеет. Ее мажорская теперь кажется слишком ярким, как грим у клоуна. Она медленно поворачивает голову к Игорю.

- Что он несет? Игорь? Мы же договорились, что контракт - это просто формальность для твоих родителей.

Игорь начинает краснеть. Его лицо приобретает оттенок того самого бархата, который я выбрала для скатертей. Симметрия нарушена окончательно.

- Ты не должен был этого говорить, - выдавливая он, глядя на Тимура. - Ты... ты здесь вообще никто. Мы платим за аренду, а не за твои консультации.

- Вы платите за пребывание на моей территории, - спокойно парирует Тимур. - А я не люблю, когда на моей территории заключаются сделки с заведомо проигрышными условиями для одной из сторон. Это портит карму места. Хотя, какая к черту карма. Это просто плохая математика. Марина, ваш жених вчера звонил моему помощнику, чтобы уточнить, можно ли включить в стоимость аренды услуги юриста для быстрого расторжения договора в будущем. Он хочет забро-

нировать дату развода еще до того, как вы наденете кольцо.

Марина издает звук, похожий на всхлип, который она тут же пытается подавить. Она прижимает руку к губам. Ее плечи дрожат. Я вижу, как рушится ее фасад. Это не просто слезы, это распад структуры. Она больше не персонаж из фильма Хичкока, она просто напуганная женщина, которая только что поняла, что ее купили со скидкой.

- Это правда? - шепчет она.

Игорь взрывается. Он вскакивает, опрокидывая стул. Звук удара дерева о настил веранды кажется громом.

- Пошел ты! - орет он Тимуру. - Ты всегда был таким, да? Тебе мало было того, что ты сделал в прошлый раз? Мало того, что ты оставил меня без доли в компании? Ты теперь и здесь решил мне все испортить?

Я замираю. Внутри меня что-то щелкает. Профессиональный разрушитель композиции. Тимур не просто случайно мимо проходил. Он знал, кто такой Игорь. Он знал про контракт. Он ждал этого момента, чтобы нанести удар.

- В прошлый раз ты пытался обмануть систему, Игорь, - голос Тимура остается ледяным. - Я просто вернул систему в состояние равновесия. Ты потерял активы, потому что они тебе не принадлежали. А сейчас ты пытаешься построить семью на лжи. Это эстетически безобразно. Эмилия, разве ты не видишь? Здесь нет перспективы. Здесь только тупик, заваленный цветами.

Марина начинает плакать в голос. Она некрасиво кривит-

ся, тушь течет по ее безупречным скулам, оставляя грязные следы. Весь мой -старый Голливуд- превращается в дешевый фарс. Я чувствую физическую тошноту. Это нарушение геометрии в высшей степени. Когда мир рушится, я начинаю проверять детали.

- Салфетки, - говорю я шепотом, но мой голос слышно в наступившей тишине. - Салфетки должны были быть на тон светлее.

Тимур переводит взгляд на меня. В его глазах нет сочувствия, только любопытство исследователя, который наблюдает за реакцией подопытного организма.

- Эмилия, твои салфетки не спасут этот труп, - говорит он. - Хватит пытаться загримировать разложение.

- Замолчи! - я выпрямляюсь. Боль в позвоночнике становится острой, как нож. - Уходи отсюда. Сейчас же. Ты не имеешь права вмешиваться в мои отношения с клиентами. Ты нарушаешь условия нашего партнерства.

- Нашего партнерства не существует, пока ты не отдашь мне то, что спрятано в сейфе, - он делает шаг назад, сохраняя дистанцию. - А пока я буду продолжать быть твоим персональным сеансом шоковой терапии. Игорь, Марина, я думаю, вам есть о чем поговорить. Например, о том, сколько стоит верность в пересчете на акции нефтеперерабатывающего завода.

Игорь бросается к нему, занося кулак, но Тимур даже не вздрагивает. Он просто смотрит на него так, будто Игорь -

это досадное насекомое на лобовом стекле. Игорь останавливается в сантиметре от его лица, тяжело дыша. Его кулак дрожит.

- Я уничтожу тебя, - шипит Игорь.

- В очередь, - бросает Тимур и, развернувшись, уходит вглубь дома.

Марина падает на стул, закрыв лицо руками. Ее рыдания ритмичны, это плохой ритм, он сбивает меня с толку. Я подхожу к ней, машинально протягивая шелковый платок. В голове крутится только одна мысль: композиция безнадежно испорчена. Засвет слишком сильный, все тени вылезли наружу.

- Марина, давайте мы... - начинаю я, но она отталкивает мою руку.

- Уйдите все! - кричит она. - Ненавижу это место! Ненавижу тебя, Игорь! Ты обещал мне, что все будет по-другому!

Игорь смотрит на нее с какой-то тупой злобой, потом переводит взгляд на меня.

- Это твоя вина, - говорит он. - Ты привела этого ублюдка. Ты знала, что он здесь. Это была подстава? Сколько он тебе заплатил за этот спектакль?

Я чувствую, как внутри меня что-то обрывается. Это не обида, это хуже. Это осознание того, что мой идеальный фасад, который я строила годами, только что обрушился из-за одного человека, который видит мир как набор юридических прецедентов.

- Я ничего не знала, - мой голос звучит глухо. - И я не беру взятку за разрушение собственной репутации. Если вы хотите расторгнуть контракт с моим агентством, делайте это сейчас. Я верну вам аванс за вычетом расходов на декораторов.

- Подавись своим авансом, - Игорь хватает Марину за локоть и буквально волочит ее к выходу. Она не сопротивляется, она идет, спотыкаясь, ее туфли на высоких каблуках цепляются за стыки досок.

Они уходят, и на веранде воцаряется тишина. Только ветер шелестит бархатными лентами на стульях. Я остаюсь одна среди обломков чужого несостоявшегося счастья. Мои декораторы стоят у колонн, боясь пошевелиться. Они видели все. Завтра об этом будет знать весь город. -Эмилия, организатор идеальных свадеб, не смогла удержать даже одну пару от скандала на первой встрече-.

Я подхожу к столу, беру один из бокалов, приготовленных для демонстрации, и сжимаю его в руке. Стекло тонкое, дорогое. Оно должно звенеть, а не ломаться. Но я чувствую, как оно готово лопнуть под моими пальцами.

Мне нужно найти Тимура. Не для того, чтобы кричать. Кричать - это значит признать слабость. Мне нужно восстановить симметрию.

Я нахожу его в библиотеке. Он сидит в массивном кожаном кресле и листает какую-то старую книгу. Свет падает на него сверху, создавая резкие тени. Он выглядит как часть интерьера, как неподвижный предмет, лишенный эмоций.

- Ты доволен? - я останавливаюсь в дверях. Мои руки сцеплены за спиной, чтобы он не видел, как они дрожат.

Он не поднимает глаз.

- Доволен чем, Эмилия? Тем, что спас женщину от пяти лет несчастливого брака и последующей нищеты? Или тем, что напомнил Игорю, что за старые долги всегда приходится платить?

- Ты разрушил мою работу. Ты уничтожил проект, над которым я работала месяц. Ты вел себя как стервятник.

- Я вел себя как человек, который ненавидит ложь в промышленном масштабе, - он захлопывает книгу. Звук получается сухим и окончательным. - Ты продаешь людям сказку, Эмилия. Но ты забываешь, что в сказках всегда есть монстры. И иногда монстр - это жених. Ты видела их контракт? Нет. Ты видела только то, как золото будет сочетаться с бордовым. Ты поверхностна. Твоя эстетика - это способ сбежать от реальности.

- Моя эстетика - это способ сделать жизнь выносимой! - мой голос срывается. - Не все хотят смотреть в бездну, Тимур. Некоторым нужно просто красивое утро, чтобы верить, что день пройдет не зря. Мои родители... они тоже создавали витрину. И я видела, как они старались. Это был их способ выжить.

Тимур встает. Он медленно идет ко мне, и я не отступаю. Я стою, вжимаясь пятками в пол, удерживая ось.

- Твои родители лгали друг другу и тебе, - говорит он,

останавливаясь в шаге от меня. - И в итоге витрина разбилась, порезав всех осколками. Твой отец оформил усадьбу на любовницу, пока твоя мать выбирала цвет занавесок для гостиной. Ты это называешь -способом выжить-? Я называю это трусостью.

Холод разливается по моему телу. Откуда он знает? Это семейная тайна, зарытая так глубоко, что я сама иногда забываю о ее существовании. Мой отец, безупречный джентльмен, и его тихий уход в никуда, оставив нас с матерью в пустом доме, который нам больше не принадлежал.

- Откуда ты... - я запинаюсь. Мой контроль дает сбой.

- Я юрист, Эмилия. Моя работа - копаться в чужом грязном белье, чтобы найти там улики. Твой отец был клиентом моего отца. Я видел документы. Я видел, как твоя мать умоляла оставить ей хотя бы сад, потому что она вложила в него душу. Но юридически ее души не существовало. Существовали только подписи на документах, которые она подписывала, не глядя, потому что верила в -композицию-.

Он протягивает руку и касается моего подбородка. Его пальцы теплые, и это шокирует больше, чем его слова.

- Ты так боишься повторить ее судьбу, что превратила свою жизнь в сплошной контракт с реальностью, где все пункты прописаны мелким шрифтом. Но ты все равно проигрываешь, потому что жизнь несимметрична.

Я резко отстраняюсь. Мое тело реагирует быстрее мозга: я делаю шаг в сторону, уходя с линии атаки.

- Ты ничего обо мне не знаешь. Ты просто циник, который прячет собственную боль за юридическими терминами. Ты выкупил эту усадьбу, чтобы отомстить отцу? Чтобы превратить место его -вечной любви- в офис по разводам? Это мелко, Тимур. Это даже не драма, это просто вредность.

Он усмехается, и на этот раз в его глазах вспыхивает что-то похожее на уважение.

- Точное попадание. Минус балл за технику, но плюс за артистизм. Да, я превратил этот храм лжи в место, где иллюзии умирают быстро и безболезненно. Это милосердие, Эмилия. А ты... ты медленный яд. Ты даешь им надежду, которая потом превращается в гной.

- Я даю им мгновение идеальности! - я почти кричу. - То самое мгновение, когда свет падает правильно, и они видят друг в друге то, чем могли бы быть, если бы мир не был таким уродливым. Это не ложь, это потенциал.

Тимур качает головой.

- Потенциал без фундамента - это просто галлюцинация. У Игоря не было потенциала. У него была задолженность по алиментам от первого брака, о которой Марина не знала. Я просто ускорил процесс разоблачения. Скажи мне спасибо. Я сэкономил тебе время на подготовку фуршета для человека, который не собирался оплачивать финальный счет.

Я замираю.

- О чем ты?

- Игорь банкрот, Эмилия. Он планировал использовать

приданое Марины, чтобы закрыть дыры в своем бизнесе. Его счета заморожены. Твой аванс пришел с карты его матери. Ты действительно хочешь строить -старый Голливуд- на ворованные деньги пенсионерки?

Я чувствую, как мой позвоночник медленно оседает. Весь мой гнев, вся моя ярость испаряются, оставляя после себя только серый пепел усталости. Если это правда, то я действительно была слепа. Я смотрела на симметрию его плеч, а должна была смотреть на движение его рук, когда он подписывал чек.

- Почему ты не сказал мне раньше? - спрашиваю я тихо.

- Потому что мне нужно было увидеть, как далеко ты зайдешь в своем стремлении игнорировать очевидное, - он снова садится в кресло. - И потому что мне нужно было, чтобы он сам себя выдал. Ты видела его лицо, когда я упомянул прошлый раз? Он не просто мой бывший клиент. Он человек, который пытался подставить моего отца. Это личное, Эмилия. В этом доме все личное.

Я подхожу к окну. С веранды доносятся звуки - декораторы убирают оборудование. Ритм их движений теперь ровный, суетливый. Композиция разрушена, и восстановить ее невозможно.

- Ключ от сейфа, Тимур, - я не оборачиваюсь. - Отдай его мне. Я хочу знать, что там. Если там есть что-то, что касается моей семьи, я имею право это видеть.

- Ты не готова, - его голос звучит за моей спиной. Он по-

дошел бесшумно. - Там не просто документы. Там правда о том, почему твой отец на самом деле ушел. И это не та правда, которую можно задрапировать бархатом.

Я оборачиваюсь. Мы стоим друг против друга в полумраке библиотеки. Свет из окна подчеркивает резкие линии его лица. Он выглядит как судья, который уже вынес приговор, но медлит с его оглашением.

- Я не боюсь правды, - вру я.

- Боишься. Ты боишься ее больше всего на свете. Поэтому ты и стала организатором свадеб. Ты пытаешься переписать финал каждой истории, потому что твой собственный финал был катастрофой.

Он достает из кармана связку ключей. Тот самый ключ - тяжелый, старый, со сложной бородкой - поблескивает в его руке.

- Я отдам его тебе. Но при одном условии.

- Каком? - я задерживаю дыхание. Мои мышцы напряжены так, что начинают болеть ребра.

- Следующую свадьбу мы будем организовывать вместе. Я буду отвечать за -фундамент-, а ты за -витрину-. Если пара пройдет через мой фильтр и останется вместе, ты получишь свой ключ. И свой сейф. И все, что в нем лежит.

Это безумие. Это профессиональное самоубийство. Позволить ему общаться с моими клиентами - это все равно что пустить волка в загон к овцам, чтобы он проверил их на стрессоустойчивость.

- Ты распугаешь всех клиентов, - говорю я.

- Значит, это будут плохие клиенты, - он протягивает мне руку. - Ну что, Эмилия? Готова проверить свою теорию о - потенциале- на практике? Или ты предпочитаешь и дальше продавать декорации для крушений?

Я смотрю на его ладонь. Она широкая, с сильными пальцами. В художественной гимнастике есть момент, когда ты выпускаешь предмет в воздух и на долю секунды теряешь его из виду. Ты не знаешь, приземлится ли он точно в руку или ударит тебя по голове. Это называется риск. И сейчас я чувствую, как этот риск наполняет мои легкие, заставляя сердце биться в каком-то новом, пугающем ритме.

- Хорошо, - я вкладываю свою руку в его. - Но если ты доведешь до слез еще хоть одну невесту, я лично вышвырну тебя с этой веранды.

Тимур сжимает мои пальцы. Его хватка крепкая, почти болезненная.

- Договорились. А теперь иди. Тебе нужно убрать бархат. Он сегодня выглядит... неуместно.

Я выхожу из библиотеки, чувствуя, как внутри меня что-то меняется. Моя безупречная геометрия нарушена, но, странное дело, мне больше не тошнит. Наоборот, я чувствую странную легкость, словно я наконец-то сошла с ковра после выступления, которое длилось всю мою жизнь.

Я выхожу на веранду. Рабочие уже почти закончили. Один из них, молодой парень, несет охапку темно-красных роз.

- Куда их, Эмилия Сергеевна? - спрашивает он.

Я смотрю на цветы. В этом свете они кажутся почти черными.

- В мусор, - говорю я. - Они мертвые. А нам нужно что-то, что имеет корни.

Я спускаюсь по ступеням и иду к своей машине. Ключ в моем кармане - тот, маленький, от библиотечного ящика - колет мне бедро. Я знаю, что завтра моя репутация будет висеть на волоске. Я знаю, что Тимур - это стихийное бедствие, которое я сама впустила в свою жизнь. Но когда я сажусь за руль и смотрю на усадьбу в зеркало заднего вида, я впервые за долгое время не пытаюсь выровнять кадр.

Пусть он будет кривым. Пусть тени будут слишком длинными. Главное - это то, что в этом кадре наконец-то появилось движение.

Я нажимаю на газ, и гравий шуршит под колесами, нарушая тишину вечера. Я еще не знаю, что в том самом письме, о котором говорил Тимур, есть постскрипtum, написанный рукой моего отца. И что этот постскрипtum изменит все, что я знала о любви, о браке и о самой себе. Но я чувствую, что время иллюзий подошло к концу.

Начинается время экспозиции.

Когда я уже подъезжаю к воротам, мой телефон вибрирует. Сообщение от Тимура. Всего одно слово, которое заставляет мой позвоночник снова выпрямиться, но на этот раз не от боли, а от азарта.

- Завтра в девять. У нас пара, которая хочет свадьбу в стиле -Титаника-. Постарайся не предлагать им айсберги в качестве декора. Я сам об этом позабочусь.

Я усмехаюсь и бросаю телефон на соседнее сиденье. Игра началась. И на этот раз правила буду устанавливать не только я.

Я смотрю на дорогу, и мне кажется, что перспектива наконец-то стала четкой. Без фильтров, без мягкого фокуса, без вранья. Просто дорога, уходящая в темноту, и свет моих фар, выхватывающий из нее куски реальности. Это не идеально. Но это, черт возьми, по-настоящему.

Мои мышцы постепенно расслабляются. Я делаю глубокий вдох, заполняя легкие прохладным ночным воздухом. В гимнастике это называется -доработка-. Когда движение закончено, и ты просто стоишь, ожидая оценки. Но моя оценка теперь зависит не от судей. Она зависит от того, смогу ли я устоять на ногах, когда мой идеально выстроенный мир окончательно разлетится на куски.

И почему-то мне кажется, что я смогу. Потому что Тимур прав в одном: иногда, чтобы построить что-то прочное, нужно сначала дождаться, пока рухнет все, что держалось на честном слове и качественном гриме.

Я паркуюсь у своего дома, выхожу из машины и смотрю на ночное небо. Оно несимметрично. Звезды рассыпаны хаотично, без всякого плана. И это самое красивое, что я видела за последний месяц.

Ключ в кармане кажется теплым. Я сжимаю его в кулаке и иду к дверям своего подъезда. Завтра будет новый день. Новая композиция. И, возможно, на этот раз в ней найдется место для чего-то, кроме безупречного фасада.

Например, для меня самой. Настоящей. Со всеми моими зажимами, страхами и этой странной, иррациональной надеждой, которую не смог убить даже Тимур.

Я вставляю ключ в замок своей квартиры, и звук поворота механизма кажется мне началом нового акта. Акта, в котором декорации больше не имеют значения. Важно только то, кто останется на сцене, когда погаснет свет.

И я собираюсь быть той, кто уйдет последней. С прямой спиной и четким пониманием того, что правда - это не то, что разрушает. Правда - это то, что освобождает место для чего-то действительно важного.

Например, для любви, которая не нуждается в страховке. Если такая вообще существует в этом мире юридических уловок и оптических иллюзий. Тимур уверен, что нет. А я... я собираюсь доказать ему обратное. Даже если для этого мне придется разрушить все, во что я верила до сегодняшнего дня.

ГЛАВА 4: Точка невозврата

Утро началось с того, что мой позвоночник решил напомнить о неудачном приземлении на бревне в две тысячи десятом. Есть такая особенность у тел бывших гимнасток: они хранят память о каждой ошибке, о каждом миллиметре отклонения от оси, и выдают счет в самый неподходящий момент. Я проснулась с ощущением, что в районе поясницы кто-то затянул невидимый узел, и теперь мой центр тяжести смещен на пару градусов влево. Это раздражало. В мире, где я привыкла контролировать каждый кадр, собственное тело, играющее против меня, воспринималось как досадный технический брак.

Я стояла перед зеркалом, выпрямляя спину до хруста, и пыталась дышать глубоко, животом, как учили на хореографии. Нужно было выстроить вертикаль. Если я сегодня прогнусь перед Тимуром, это будет означать конец всей композиции, которую я так тщательно выстраивала. Моя квартира выглядела как павильон перед съемкой: идеальный порядок, ни одной лишней детали, монохромная гамма, где даже кофейная чашка стояла строго по правилу третьей относительно края стола. Это успокаивало. Симметрия - мой единственный надежный анальгетик.

Усадьба встретила меня запахом сырости и чего-то безвозвратно ушедшего. Знаете, так пахнет старая бумага, ко-

гда в ней заводится плесень, - сладковато и пыльно. Я сразу направилась в левое крыло, туда, где располагался архив. Тимур еще не приехал, его тяжелого, подавляющего присутствия не ощущалось в воздухе, и это давало мне преимущество. Мне нужны были чертежи. План коммуникаций, старые схемы отопления, что угодно, что помогло бы мне доказать: его хваленый проект перепланировки нарушает все мыслимые нормы безопасности и исторической ценности.

Архив представлял собой визуальный кошмар. Стеллажи, забитые папками без всякой логики, коробки, сваленные в кучу, - здесь явно не ступала нога перфекциониста. Мой глаз дернулся от того, как криво висела лампа над центральным столом. Я подошла и поправила ее, прежде чем начать поиски. Это был мой ритуал очищения пространства.

Я рылась в папках уже второй час. Пыль забивалась в ноздри, вызывая желание чихнуть, но я сдерживалась, держа диафрагму в напряжении. Мышечный контроль - это то, что остается с тобой навсегда, даже если ты давно сменила трико на деловой костюм. Мои пальцы, привыкшие к фактурной бумаге дорогих пригласительных, теперь покрылись слоем серого налета. Я перебирала отчеты по ремонту крыши за восьмидесятые годы, списки инвентаризации столового серебра и прочий мусор, который Тимур наверняка собирался пустить под пресс.

В какой-то момент я наткнулась на толстую папку с надписью - Служебные постройки и коммуникации. Южный фли-

гель. Сердце сделало короткий, технический толчок, как при входе в сложный поворот. Это было то, что нужно. Я вытащила папку, расстелила ее на столе, стараясь не обращать внимания на то, что края листов загнуты под разными углами. Хаос - это просто плохо организованный порядок, говорила я себе, разглаживая пожелтевшую кальку.

Среди чертежей, выполненных тушью с той тщательностью, которая сейчас кажется архаичной, лежал тонкий конверт. Он был не на месте. Он нарушал геометрию папки. Я вытащила его, чувствуя, как кончики пальцев покалывает от предвкушения мелкой пакости. Внутри оказалась фотография.

Черно-белый снимок, слегка переэкспонированный, отчего края фигур казались размытыми, залитыми светом. На фоне главного входа в усадьбу стоял мальчик. Лет семи-восьми, не больше. Он стоял слишком прямо для ребенка, руки по швам, подбородок задран вверх. В этой позе было столько неестественного напряжения, что я невольно поправила свою осанку. Композиция кадра была классической: объект по центру, усадьба как монументальный фон, подчеркивающий ничтожность человеческой фигуры.

Я узнала эти глаза. Даже на старом снимке они смотрели так, будто препарировали фотографа. Тимур. Только здесь он еще не научился прятать свою уязвимость за броней из цифр и юридических терминов. На фото он выглядел так, будто ждал удара. Или приказа.

Интересно, - прошептала я сама себе. - Значит, ты здесь не просто так, господин разрушитель легенд.

- Вы часто имеете привычку копаться в чужом белье, Эмилия? Или это часть вашего сервиса по организации идеальных праздников?

Голос Тимура прозвучал как щелчок кнута. Я не вздрогнула - гимнастическое прошлое научило меня не выдавать испуг движением. Я просто медленно, на вдохе, повернулась к нему, не выпуская фотографию из рук.

Он стоял в дверном проеме, заполнив его собой так плотно, что свет из коридора перестал попадать в комнату. На нем был темно-синий костюм, безупречно сидящий в плечах, но я видела, что его спина напряжена так сильно, что кажется, она сейчас лопнет как перетянутая струна. Это была не та статность, которой любуются, это была готовность к атаке.

- Я ищу техническую документацию, Тимур, - мой голос прозвучал ровно, без лишних обертонов. - Чтобы ваша перепланировка не превратила это здание в груды строительного мусора. А это, - я слегка приподняла фото, - просто случайная находка. Лишний элемент в кадре.

Он сделал два длинных шага и оказался рядом. Я почувствовала запах его парфюма - холодный, с нотками металла и цитруса, никакой сладости, только функциональность. Он не спросил разрешения. Он просто вырвал фотографию у меня из рук. Его пальцы коснулись моих - сухая, горячая кожа,

мгновенный контакт, который я зафиксировала как помеху в эфире.

- Это не имеет отношения к вашим чертежам, - отрезал он. Его голос стал тише, и в этой тишине было больше угрозы, чем в крике. - Усадьба - это объект недвижимости. Мой объект. Ваша задача - провести здесь мероприятие, получить гонорар и исчезнуть, сохранив свою идеальную прическу в целости. Зачем вы лезете туда, где нет ни фуршета, ни флористики?

Я посмотрела ему прямо в глаза. У него в зрачках отражалась пыльная лампа, и это была единственная яркая точка в его застывшем лице.

- Потому что я не люблю, когда люди врут, - сказала я, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость. - Вы говорите, что это место для вас ничего не значит. Что это просто сделка. Но вы храните это фото в папке с документами, к которым имеете доступ только вы. Это нелогично, Тимур. А вы ведь так цените логику.

Он усмехнулся. Это была не добрая усмешка, а скорее оскал хищника, который видит, что добыча загнала себя в угол.

- Логика в том, Эмилия, что эта фотография - напоминание о цене ошибки. О том, что бывает, когда веришь в красивые декорации. Мой отец стоял там же, где вы сейчас пытаетесь расставить свои вазы с лилиями, и обещал моей матери, что это место станет их родовым гнездом. А в это вре-

мя в другом кармане у него лежал контракт на передачу прав собственности его любовнице.

Он замолчал, и я услышала, как где-то в глубине здания капает вода. Ритм был неровным, он сбивал меня с толку.

- Красивая история, - продолжал он, глядя на фото. - Очень в вашем стиле. Фасад, за которым гниль. Я выкупил это место, чтобы стереть эту историю. Чтобы здесь больше не было места для лживых клятв и декоративного счастья. Я превращу этот зал в офис, где люди будут подписывать документы о разводе. Это честнее, чем то, чем занимаетесь вы.

Я почувствовала, как мышцы шеи каменеют. Он бил прицельно, зная, куда метить. Моя собственная травма - идеальная витрина родительского брака, за которой скрывалась пустота - отозвалась тупой болью в груди. Но я не позволила себе сбиться с ритма.

- Вы не стираете историю, Тимур. Вы ее консервируете в своей ненависти. Это плохая композиция. В ней нет воздуха. Вы так боитесь быть обманутым снова, что строите вокруг себя бункер. Но знаете, что самое смешное? Ваша спина.

Он нахмурился, не ожидая смены темы.

- Что моя спина?

- Она кричит о том, как вам больно, - я сделала шаг к нему, нарушая его личное пространство. Мне было плевать на правила приличия, я видела дефект в его осанке и не могла молчать. - Вы держитесь так, будто на вас надет корсет из колючей проволоки. Вы не живете, вы стоите в стойке смирно пе-

ред призраками своего детства. И это фото... оно для вас как талисман неудачника.

Тимур резко развернулся, намереваясь уйти. Его движения были рваными, лишенными привычной текучести. Он явно терял контроль над ситуацией, и это доставляло мне почти физическое удовольствие.

- Уходите отсюда, Эмилия. И больше не заходите в архив без моего разрешения. Иначе я аннулирую контракт, и никакие связи ваших клиентов вам не помогут.

- Вы этого не сделаете, - бросила я ему в спину. - Потому что тогда вам придется признать, что я вас задела. А для такого человека, как вы, это хуже, чем потерять деньги.

Он остановился у самого выхода. Его фигура на фоне светлого коридора выглядела как черный провал, дыра в реальности. Он медленно перевернул фотографию, которую все еще сжимал в руке.

- Вы думаете, что видите людей насквозь? - спросил он, не оборачиваясь. - Думаете, что ваша гимнастическая дисциплина дает вам право судить о чужих зажимах?

- Я просто вижу форму, Тимур. А форма никогда не лжет. Он молча протянул руку назад, не глядя на меня, и положил фотографию на край стола. Затем вышел, и звук его шагов быстро затих в лабиринте коридоров.

Я осталась одна в пыльном архиве. Тишина давила на уши, как глубина в бассейне. Я подошла к столу и взяла снимок. Тимур оставил его оборотом вверх.

Там, мелким, убористым почерком, была написана дата. Двенадцатое сентября тысяча девятьсот девяносто восьмого года.

Я замерла. Мое дыхание остановилось на полувздохе, как перед сложным прыжком, когда время растягивается в бесконечность. Эта дата... она была выжжена в моей памяти.

Двенадцатое сентября девяносто восьмого. День свадьбы моих родителей.

Я помню это число, потому что мама каждый год устраивала из него культ. Она заставляла меня пересматривать свадебный альбом, указывая на идеальную симметрию столов, на безупречный оттенок ее платья, на то, как папа смотрел на нее в тот момент, когда они обменивались кольцами. Она называла это началом золотого века.

Но если Тимур был здесь в этот день... если его отец в это время оформлял ту самую дарственную...

Я почувствовала, как мир вокруг меня начал терять четкость. Это было похоже на расфокусировку объектива, когда передний план сливается с задним в невнятное пятно. Мои родители всегда говорили, что их свадьба была закрытым мероприятием для избранных. Что усадьба в тот день принадлежала только им.

Как в этой схеме оказался маленький мальчик с напряженной спиной?

Я опустила на жесткий стул, не заботясь о том, что испачкаю светлые брюки. Мои руки дрожали, и я сцепила их

в замок, пытаюсь вернуть контроль. Мышечная память подсказывала: когда теряешь равновесие, нужно сгруппироваться. Но как сгруппироваться, когда фундамент, на котором ты строила свою жизнь, оказывается зыбучим песком?

Тимур не просто случайный владелец усадьбы. Он - свидетель того самого момента, когда моя идеальная сказка начала гнить изнутри. Он видел изнанку декораций еще тогда, когда я даже не умела ходить. Его отец и мои родители... они были как-то связаны. И эта связь была пропитана той самой ложью, которую я теперь так старательно упаковываю в красивые свадебные коробки.

Я вспомнила слова Тимура о контракте на любовницу. О том, что любовь - это юридическая уловка. В его голосе тогда была не просто циничность, там была выстрадавшая истина. Он видел крах иллюзий в тот самый день, когда мои родители воздвигали свою главную иллюзию.

Мне стало физически тошно. Запах пыли теперь казался запахом разложения. Я посмотрела на чертежи коммуникаций, которые еще десять минут назад казались мне важными. Теперь они выглядели как бессмысленные каракули. Какая разница, где проходят трубы, если вся конструкция стоит на лжи?

Я должна была ненавидеть его за то, что он разрушил мой мир одним случайным фото. Но вместо этого я чувствовала странное, извращенное притяжение. Мы были как две стороны одного и того же кадра: я - ретушь, он - негатив. Я пы-

талась спасти фасад, он стремился его уничтожить, но оба мы были одержимы одной и той же травмой.

Я встала, чувствуя, как боль в пояснице усилилась. Это была цена за потерю контроля. Я взяла фотографию и спрятала ее во внутренний карман пиджака. Тимур оставил ее на столе намеренно. Он хотел, чтобы я это увидела. Это был его ход в нашей шахматной партии, его способ снести мои фигуры с доски.

Я вышла из архива, стараясь шагать ровно, как по канату. В коридорах усадьбы было пусто, но мне казалось, что из каждого угла на меня смотрят тени прошлого. Мое тело работало на автопилоте: прямая спина, поднятый подбородок, четкий ритм шагов. Но внутри я рассыпалась на пиксели.

На крыльце я столкнулась с бригадиром рабочих, которые разгружали какие-то стройматериалы.

- Эмилия Игоревна, тут господин владелец приказал демонтировать лепнину в малом зале, - сказал он, вытирая лоб грязной рукой. - Говорит, лишний визуальный шум. Мы к вам, как к дизайнеру... может, передумает?

Я посмотрела на него, и на мгновение мне захотелось рассмеяться. Визуальный шум. Тимур использовал мои же категории, чтобы бить меня еще сильнее.

- Делайте, что он сказал, - ответила я, удивляясь тому, как холодно звучит мой голос. - В этом здании слишком много лишнего шума. Пора начать очистку пространства.

Я спустилась по ступеням и пошла к своей машине. Солн-

це слепило, создавая в глазах яркие пятна, как от вспышки. Я села за руль, но не завела двигатель. Мои руки лежали на руле в положении десять и два часа - идеальная позиция. Но я не знала, куда ехать.

Мой телефон зазуммерил в сумке. Уведомление от приложения-планировщика: Дегустация тортов для свадьбы Самойловых. 15:00.

Торты. Сахарные кружева, слои крема, имитация благополучия. Я представила, как буду стоять там, с серьезным видом обсуждая оттенки айсинга, в то время как в моем кармане лежит доказательство того, что вся эта индустрия - одно большое мошенничество.

Я вдруг поняла, почему Тимур так на меня смотрит. Он видит во мне не профессионала, а соучастницу. Человека, который помогает людям строить карточные домики на ветру. И самое страшное, что он прав.

Я завела мотор. Мне нужно было найти ответы, и я знала, где их искать. Моя мать жила в загородном доме, окруженная антиквариатом и фотографиями в серебряных рамках. Она была хранителем музея нашей Идеальной Семьи. Пришло время устроить там внеплановую проверку.

По дороге я пыталась анализировать ситуацию. Двенадцатое сентября девяносто восьмого. Кризис в стране, дефолт, люди теряли состояния за одну ночь. А мои родители устраивали пир во время чумы. Откуда у отца были деньги на такую свадьбу? И почему Тимур говорил о дарственной на лю-

бовницу?

Мой мозг работал как компьютер, обрабатывающий огромный массив данных, но картинка не складывалась. Слишком много белых пятен. Слишком много засвеченных областей.

Когда я подъехала к дому матери, солнце уже начало клониться к закату, удлиняя тени. Дом выглядел безупречно: подстриженный газон, белые колонны, симметричные клумбы с розами. Это была цитадель порядка.

Мать встретила меня на террасе. Она пила чай из тонкого фарфора, и ее поза была зеркальным отражением моей: та же прямая спина, те же выверенные движения. Генетика - это тоже своего рода композиция.

- Эмилия, дорогая, ты выглядишь усталой, - сказала она, грациозно ставя чашку на блюде. - Твой макияж немного поплыл. Тебе нужно больше отдыхать.

Я не села. Я осталась стоять, чувствуя, как холодный воздух пробирается под пиджак.

- Мама, расскажи мне о вашей свадьбе в усадьбе, - сказала я без вступлений.

Она слегка приподняла бровь. Ее лицо, подтянутое умелыми руками косметологов, осталось почти неподвижным, но я заметила, как на мгновение сузились ее зрачки. Нарушение ритма.

- К чему такие вопросы? Ты ведь знаешь эту историю наизусть. Это был самый прекрасный день. Твой отец арендо-

вал всё поместье...

- Кто был владельцем усадьбы в то время? - перебила я.

Мать замолчала. Она медленно потянулась за салфеткой, расправляя ее на коленях. Каждое ее движение было затянутым, как в замедленной съемке.

- Кажется, какой-то бизнесмен. Фамилия... Боже, Эмилия, это было так давно. Кажется, Волков. Или Воронов. Что-то хищное. Твой отец вел с ним дела.

- Его звали Даниил Самойлов, - сказала я наугад, вспоминая фамилию своих нынешних клиентов. Нет, это не то. - Или это был Тимур? Нет, Тимур тогда был ребенком.

Я вытасила фотографию и положила ее на стол перед ней.

- Двенадцатое сентября девяносто восьмого года. Этот мальчик стоял на фоне вашего торжества. Мама, кто он?

Мать посмотрела на снимок. Ее рука, потянувшаяся к чайнику, замерла в воздухе. Это был сбой системы. Полный отказ оборудования. Она побледнела так сильно, что ее лицо слилось с белым фарфором.

- Откуда у тебя это? - ее голос стал тонким и ломким, как сухая ветка.

- Это неважно. Важно то, что этот мальчик сейчас владеет усадьбой. И он утверждает, что его отец в день вашей свадьбы совершил сделку, которая разрушила их семью. Мама, какую роль в этом сыграл папа?

Она не ответила. Она просто смотрела на фото, и в ее глазах я впервые увидела не гордость за фасад, а настоящий,

хтонический ужас. Тот самый ужас, который я видела у Тимура, когда он вырывал у меня этот снимок.

- Твой отец... он не просто арендовал усадьбу, Эмилия, - прошептала она, закрывая глаза. - Он помог Даниилу скрыть активы. Это была сложная схема. Свадьба была прикрытием. Большой, шумный праздник, чтобы никто не заметил, как из компании выводятся миллионы.

Я почувствовала, как земля под ногами окончательно превращается в бездну. Мое дыхание стало коротким, поверхностным. Я задыхалась от избытка правды.

- Значит, всё это... все эти годы... наши праздники, наши альбомы... это всё было построено на воровстве?

- Это был бизнес, Эмилия! - она вдруг вспыхнула, открыв глаза. - В те годы по-другому было нельзя. Твой отец спас нас от нищеты! Да, Самойлов пострадал, его жена... она не выдержала позора, уехала. Но мы выжили!

- Вы не выжили, мама. Вы создали декорацию, в которой заставили меня жить.

Я развернулась и пошла к выходу. Мои ноги казались чужими, будто я шла на ходулях. Каждый шаг отдавался болью в позвоночнике. Весь мой мир, вся моя эстетика, вся моя одержимость порядком - всё это было лишь попыткой исправить то, что было сломано изначально.

Я села в машину и вцепилась в руль так сильно, что побелели костяшки пальцев. Мне нужно было увидеть Тимура. Прямо сейчас. Не потому, что я хотела извиниться, а потому,

что он был единственным человеком, который знал правду. Он был моим зеркалом, в котором отражалось всё уродство нашей общей истории.

Я погнала обратно к усадьбе. Спидометр показывал сто двадцать, сто сорок, но я не чувствовала скорости. Я чувствовала только ритм своего сердца, который теперь совпал с тем неровным стуком капель в архиве.

Когда я приехала, было уже совсем темно. Усадьба подсвечивалась прожекторами, превращаясь в призрачный замок. Я вбежала внутрь, не глядя на рабочих, которые заканчивали смену.

Я нашла его в главном зале. Он стоял посреди пустой комнаты, глядя на то, как рабочие сдирают со стен старые обои. В этом свете он выглядел как режиссер, который разрушает сцену после провального спектакля.

- Тимур! - я крикнула его имя, и оно эхом разнеслось под сводами потолка.

Он медленно обернулся. Его лицо было непроницаемым, как маска.

- Вы вернулись, Эмилия. Решили обсудить меню для пинок по вашей карьере?

Я подошла к нему вплотную. Я не заботилась о дистанции, о симметрии, о том, как я выгляжу. Я была живой, дрожащей массой нервов и осознания.

- Мой отец... он был соучастником вашего отца. Свадьба была прикрытием для кражи. Я знаю.

Тимур замер. Его маска дала трещину. На мгновение я увидела в его глазах такую бездну боли, что мне захотелось отшатнуться. Но я осталась стоять. Я держала блок.

- Теперь вы понимаете, - сказал он тихим, надтреснутым голосом. - Теперь вы понимаете, почему я ненавижу ваши цветы и ваши клятвы. Каждая свадьба, которую вы организуете, для меня - это еще один слой грима на труп.

- Я не знала, - я сделала шаг к нему. Моя рука сама собой поднялась и коснулась его плеча. Его мышцы были жесткими, как камень. - Клянусь, я не знала.

Он не оттолкнул меня. Он просто стоял, глядя куда-то сквозь меня, в ту темноту, где пряталось его детство.

- Это ничего не меняет, - сказал он, но в его голосе уже не было прежней стали. - Прошное нельзя исправить. Его можно только снести под корень.

- Нет, - я вдруг почувствовала прилив иррациональной стойкости. - Вы не снесете это. Мы не можем просто разрушить всё, потому что нам больно. Это слишком легко.

Я посмотрела на ободренные стены зала. Без обоев и лепнины здание выглядело голым, уязвимым, но честным. В его пропорциях всё еще была видна рука мастера, который строил его сотни лет назад, задолго до того, как наши родители превратили его в сцену для своего преступления.

- Мы построим здесь что-то другое, Тимур. Не офис для разводов и не декорацию для лжи. Что-то настоящее.

Он наконец посмотрел на меня. Его взгляд был тяжелым,

исследующим. Он искал во мне подвох, привычную ложь, красивый фасад. Но я была перед ним в полной расфокусировке, со спутанными волосами и дрожащими руками.

- Вы сумасшедшая, Эмилия, - сказал он, и в его голосе впервые промелькнуло что-то похожее на уважение. - Вы всё ещё верите в композицию, даже когда кадр сгорел.

- Я верю в то, что мы можем изменить перспективу, - ответила я.

В этот момент я поняла, что точка невозврата пройдена. Мы оба стояли на руинах своих иллюзий, и это было самое симметричное, самое правильное состояние в моей жизни. Моя спина больше не болела. Узел в пояснице развязался.

Тимур медленно поднял руку и коснулся моей щеки. Его пальцы были холодными, но этот холод не отталкивал. Это был холод правды, к которому нужно было привыкнуть.

- И что же мы будем делать? - спросил он.

Я посмотрела на него, фиксируя этот момент. Это был идеальный кадр. Никакого декора. Никакого лишнего света. Только мы двое в пустом зале, где тишина больше не давила, а давала пространство для вдоха.

- Мы будем работать, Тимур. Но на этот раз - без дублей.

Я знала, что впереди нас ждет война. С моими родителями, с его прошлым, с нашими собственными страхами. Но впервые в жизни я не боялась, что фасад рухнет. Потому что под ним, наконец-то, обнаружился фундамент.

И этот фундамент, как ни странно, был заложен в тот са-

мый день, двенадцатого сентября девяносто восьмого года, когда маленький мальчик и нерожденная еще в профессиональном плане девочка стали частью одной большой, уродливой и бесконечно важной истории.

Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Мой центр тяжести был на месте. Я была готова к прыжку. И на этот раз я знала, что даже если я упаду, это будет мое собственное, честное падение.

Правда не разрушила нас. Она просто освободила место. И теперь на этой сцене могли появиться новые декорации. Те, которые не нужно будет прятать от света.

Тимур сжал мое плечо, и это прикосновение было сильнее любого контракта. Мы были связаны не юридически, а физиологически - через общую травму и общее желание выйти из этой комнаты живыми.

И я собиралась быть той, кто выйдет последней. Но на этот раз - не одна.

ГЛАВА 5: Атака лилиями

Запах лилий сорта Касабланка - это не аромат, это физическое устранение кислорода из пространства. В закрытом помещении холла усадьбы, где потолки уходят в бесконечность, а акустика превращает каждый вздох в шепот призрака, этот запах становится плотным, как кисель. Он липнет к коже, забивается в поры и оседает на языке горьковатым привкусом пыльцы. Я стояла в центре зала, выпрямив спину так, будто в мой позвоночник вставили стальной лом. Копчик подкручен, живот втянут, плечи опущены вниз и отведены назад - идеальная вертикаль, за которую на соревнованиях ставили высший балл. Мое тело помнило этот контроль лучше, чем имя первого тренера. Если ты не держишь центр тяжести, ты падаешь. Если ты позволяешь пространству диктовать свои условия, ты проигрываешь.

Двенадцать огромных коробок с цветами загромождали симметрию холла. Это был мой осознанный визуальный террор. Я знала, что Тимур ненавидит хаос. Я знала из его досье, которое составила еще до того, как мы начали эту юридическую войну, что у него аллергия на сильные запахи или, по крайней мере, острая неприязнь к ним. В его мире все должно быть стерильно, прозрачно и пахнуть типографской краской свежих контрактов. Мои лилии ломали эту стерильность.

- Правее на три сантиметра, - бросила я грузчиком, не обращившись. - Ваза должна стоять точно по оси колонны. Если вы сместите ее хоть на миллиметр, композиция завалится.

Я видела мир через объектив воображаемой камеры. Глубина резкости была настроена на входную дверь. Я ждала его. Вчерашний момент близости, этот чертов фундамент, о котором я думала ночью, не означал капитуляции. Напротив, это делало нашу игру опаснее. Если мы теперь знаем правду друг о друге, значит, бить будем по самым больным местам. Это и есть честность, разве нет?

Тимур появился в дверях ровно в девять ноль две. Его тайминг всегда был безупречен, что раздражало меня больше, чем его манера носить костюмы-тройки в помещении, где идет ремонт. Он замер на пороге. Я физически почувствовала, как он наткнулся на стену запаха. Его ноздри дрогнули. Он не поморщился - это было бы слишком просто. Он просто замер, оценивая масштаб катастрофы. В его глазах отразились белые бутоны, которые я расставила в шахматном порядке, создавая визуальный лабиринт.

- Эмилия, - произнес он, и его голос прозвучал глухо, будто он говорил через слой ваты. - У нас здесь не оранжерея. И уж точно не похоронное бюро. Хотя выбор цветов намекает на определенный исход ваших надежд.

- Это подготовка к презентации, Тимур, - я не сдвинулась с места, продолжая удерживать идеальную осанку. Мышцы бедер горели, но я не позволяла себе расслабиться. - Лилии

символизируют чистоту намерений. И они идеально выстраивают перспективу зала. Посмотри, как белые пятна ведут глаз к центральной лестнице. Это чистая геометрия.

Тимур не стал спорить. Он полез в карман пиджака, достал оттуда плотный черный респиратор - современную модель, похожую на маску киборга - и невозмутимо надел его. Резинки впились в его скулы, скрывая нижнюю часть лица, оставляя только холодные, насмешливые глаза.

- Чистота намерений пахнет как газовая атака в окопах Первой мировой, - пробормотал он, и звук, искаженный фильтрами, стал механическим.

Он прошел в центр зала, лавируя между вазами с грацией хищника, который привык к препятствиям. Он сел за свой рабочий стол, который он демонстративно вытащил в холл еще позавчера, и открыл ноутбук. Его присутствие здесь ломало мою мизансцену. Он был темным пятном, битым пикселем на безупречно белом кадре.

- Ты собираешься работать в этом? - я подошла ближе, чувствуя, как запах лилий начинает давить на мои собственные виски. Но я не подавала виду. В гимнастике нас учили: если у тебя идет кровь из носа во время выступления, ты допиваешь ее внутрь и улыбаешься судьям.

- Я собираюсь работать в комфорте, - он даже не взглянул на меня, его пальцы начали быстро стучать по клавишам. - А ты, судя по расширенным зрачкам, уже ловишь галлюцинации от этого нектара.

Я оперлась ладонями о край его стола. Мои пальцы коснулись холодного дерева. Я видела, как под его кожей на челюсти перекатываются желваки. Респиратор дергался в такт его дыханию.

- Тебе не кажется, что это выглядит глупо? Ты портишь весь эстетический вид помещения. У нас здесь скоро будут клиенты.

Тимур поднял голову. Через пластик и фильтры его взгляд казался еще более отстраненным.

- Клиенты увидят человека, который заботится о своем здоровье. И они увидят организатора, который пытается выкурить владельца здания с помощью ботанического оружия. Это очень профессионально, Эмилия. Кстати о профессионализме.

Он потянулся к папке и вытащил лист бумаги. Протянул его мне. Я взяла его, стараясь, чтобы мои пальцы не дрожали.

- Что это? - я бегло просмотрела текст.

- Счет, - коротко бросил он. - Услуги клининговой службы по удалению пылицы и глубокой очистке пористых поверхностей мрамора. Лилии имеют свойство оставлять желтые пятна, которые практически невозможно вывести без специальной химии. Поскольку ты не согласовала ввоз этой флоры, расходы ложатся на твой бюджет. Сумма внизу.

Я посмотрела на цифру. Она была абсурдной. На эти деньги можно было купить небольшой цветочный магазин вместе с флористом и его кошкой.

- Ты издеваешься? Пыльца еще даже не опала.

- Превентивные меры, - Тимур снова уткнулся в экран. - В праве это называется минимизация рисков. Ты создаешь угрозу имуществу, я выставляю счет за ее устранение. Логика проста, как прямой угол. Хотя тебе, с твоей любовью к виньеткам и рюшам, она может показаться слишком жесткой.

Я почувствовала, как внутри закипает холодная ярость. Это была не та ярость, от которой кричат. Это была ярость, которая заставляет тебя делать еще один оборот на бревне, когда лодыжка уже опухла. Я медленно положила счет обратно на стол.

- Мышцы твоего лица слишком напряжены, Эмилия, - заметил он, не прерывая печати. - Это портит композицию. Сделай глубокий вдох. Ах да, не советую. Задохнешься.

- Ты думаешь, что цифрами можно победить живое пространство? - я подошла к одной из ваз и нарочно качнула ее. Тяжелый цветок качнулся, роняя крошечное облачко золотистой пыльцы на серый мрамор. - Эта усадьба задыхалась под твоими юридическими терминами годами. Ей нужно было что-то настоящее.

- Настоящее? - Тимур резко захлопнул ноутбук. Звук удара пластика о дерево эхом разнесся по холлу. - Настоящее - это гниль под этими лепестками. Ты ставишь цветы, чтобы скрыть трещины в фундаменте. Буквально. Ты же знаешь, что за этой колонной сыпется штукатурка? Но нет, мы поставим туда лилию за пятьсот рублей и сделаем вид, что все

в порядке. Это твоя жизнь, Эмилия. Бесконечная попытка замазать дерьмо позолотой.

Он встал. Он был выше меня, и в этом своем респираторе он выглядел как предвестник апокалипсиса. Моя спина оставалась прямой, но я чувствовала, как в груди сжимается тугой узел. Это была не боль, это была мышечная память страха. Так я чувствовала себя перед отцом, когда он проверял мои оценки в дневнике, стоя в гостиной, которая выглядела как картинка из журнала по интерьеру, пока мама на кухне втихаря пила вино из кофейной чашки.

- Моя работа - создавать моменты, которые стоят того, чтобы их помнить, - мой голос был ровным, отточенным годами тренировок. - Твоя работа - уничтожать саму возможность таких моментов. Ты как дементор, Тимур. Питаешься чужими иллюзиями, потому что свои давно сгнили.

- Иллюзии - это дефект восприятия, - он обошел стол и встал вплотную ко мне. Я чувствовала запах резины от его маски и едва уловимый аромат его одеколona, который пытался пробиться сквозь лилейное марево. - Я просто помогаю людям видеть реальность. Это услуга, за которую они должны быть мне благодарны. Брак - это сделка. Свадьба - это маркетинговая кампания этой сделки. Ты - рекламный агент. Я - аудитор, который знает, что компания банкрот.

- Мы вчера говорили о другом, - я понизила голос. Грузики ушли, мы остались одни в этом ароматном склепе. - Ты говорил о фундаменте.

- Вчера была минутная слабость, вызванная дефицитом глюкозы и избытком сантиментов, - его глаза за стеклами маски были холодными, как лед в стакане виски. - Фундамент, который мы нашли, не меняет условий контракта. Он просто объясняет, почему мы оба так хороши в разрушении.

Он снова сел и надел наушники поверх маски. Полная изоляция. Он выстроил свою собственную крепость внутри моей. Я стояла посреди холла, окруженная цветами, которые внезапно показались мне тяжелыми и неуместными. Симметрия была нарушена. Тимур сидел не по центру, его стол стоял под углом, который резал пространство, как скальпель.

Я начала ходить по залу, поправляя головки цветов. Мои движения были резкими, ломаными. В гимнастике это называлось "потеря потока". Когда ты думаешь о технике, ты забываешь о музыке. Я сейчас была слишком заиклена на технике войны.

Прошло два часа. Запах стал почти осязаемым. У меня начала подергиваться вена на виске. Тимур не двигался. Он был похож на статую в респираторе. Его продуктивность вызвала у меня приступ тошноты. Он действительно мог работать в любых условиях, лишь бы доказать свою правоту.

Вдруг он поднял руку, призывая к тишине, хотя в зале и так было тихо. Он снял один наушник.

- Слышишь? - спросил он.

- Что? Твое эго, требующее больше внимания?

- Нет. Звук в перекрытиях.

Я замерла. В старых домах всегда что-то скрежещет, но этот звук был другим. Тонкий, сухой шорох, идущий откуда-то сверху, от лепнины, которая обрамляла потолок.

- Это просто старое дерево, - сказала я, хотя мой внутренний датчик уже зафиксировал асимметрию звукового фона.

- Это не дерево, Эмилия. Это твои "друзья".

Он достал телефон и начал что-то быстро искать. Затем развернул экран ко мне. На нем была статья из энциклопедии вредителей.

- Лилейный жук. Или *Lilioceris lili*. Красивое название для существа, которое пожирает все на своем пути. Твои поставщики, видимо, решили сэкономить на дезинфекции. Посмотри на те бутоны в углу.

Я подошла к дальней вазе. На белоснежном лепестке сидело маленькое, ярко-красное насекомое. Оно выглядело почти декоративно, как капля крови на снегу. Но рядом было еще одно. И еще.

- О боже, - выдохнула я.

- Не поминай начальство всуе, - Тимур уже набирал номер. - Алло? Да, усадьба "Вершина". У нас чрезвычайная ситуация. Биологическое заражение. Требуется немедленная дезинсекция помещений. Да, весь первый этаж. И подвал.

- Стой! - я попыталась выхватить телефон. - Какая дезинсекция? Это просто пара жуков! Мы их соберем вручную!

Тимур легко увернулся, используя свое преимущество в росте. Его движения были экономичными и точными.

- Вручную? Ты собираешься ловить насекомых в зале площадью триста квадратных метров? Эмилия, включи логику, если она у тебя еще не атрофировалась от избытка прекрасного. Эти твари размножаются в геометрической прогрессии. Если они попадут в деревянные перекрытия, мы потеряем дом. А по контракту, напомню, любая порча имущества по вине арендатора - это немедленное расторжение договора без возврата залога.

Я застыла. Мой центр тяжести окончательно сместился. Я чувствовала, как земля уходит из-под ног. Расторжение договора. Это означало крах всего. Моей карьеры, моей независимости, моей попытки доказать родителям, что я могу строить что-то свое на руинах их лжи.

- Ты это специально, - прошептала я. - Ты сам их подобрал.

Тимур снял респиратор. Его лицо было бледным, на переносице остался красный след от маски. Он смотрел на меня без тени триумфа, скорее с какой-то усталой обреченностью.

- Я не занимаюсь энтомологическим терроризмом, Эмилия. Это слишком мелко даже для меня. Я просто констатирую факт. Твоя одержимость фасадом привела к тому, что ты притащила в дом заразу. Буквально.

В дверях холла уже появились люди в защитных комбинезонах. Они выглядели как космонавты, высадившиеся на враждебную планету. Старший из них, невысокий мужчина с профессионально-скучающим лицом, подошел к нам.

- Где очаг? - спросил он, поправляя баллон за спиной.

- Везде, - Тимур обвел рукой зал, заставленный лилиями. - Начинайте с цветов. Все под списание. Затем обработка стен и потолка.

- Подождите! - я шагнула вперед, преграждая путь "космонавту". - Это уникальные сорта! Они стоят целое состояние! Мы можем просто вынести их на улицу и...

- На улице они разлетятся по всему району, - отрезал дезинсектор. - Девушка, не мешайте работать. У нас регламент. Либо мы травим здесь все сейчас, либо через неделю у вас тут будут только голые стены и очень сытые жуки.

Они начали действовать. Быстро, слаженно, безжалостно. Белые цветы, которые я так тщательно расставляла, превращались в груды мусора под струями химикатов. Запах лилий сменился резким, едким запахом хлора и инсектицидов. Это был запах поражения.

Я стояла и смотрела, как рушится моя композиция. Это было похоже на то, как если бы кто-то взял мой идеальный чертеж и пролил на него черную тушь. Симметрия лопнула. Акценты сместились.

Тимур подошел ко мне сзади. Я не видела его, но чувствовала его тепло. Он не прикасался ко мне, но его близость была почти осязаемой.

- Ты могла бы просто признать, что это была плохая идея, - тихо сказал он. В его голосе не было иронии. Только голые факты.

- Это была красивая идея, - ответила я, не оборачиваясь. Мои глаза жгло от химии, но я не моргала. - Ты просто не выносишь ничего, что нельзя измерить деньгами или пунктами договора.

- Красота, которая несет в себе разрушение, называется дефектом, - он сделал шаг в сторону, входя в мое поле зрения. - Ты так боишься неидеальности, что готова мириться с паразитами, лишь бы картинка оставалась целой. Это не профессионализм, Эмилия. Это диагноз.

Я резко повернулась к нему. Мое колено хрустнуло - старая травма, привет из прошлого.

- А твой диагноз - эмоциональная инвалидность. Ты выжиг вокруг себя все живое, чтобы никто не мог тебя задеть. Ты живешь в этом пустом холодном доме и радуешься, когда в нем становится еще меньше жизни. Знаешь, почему ты носишь этот респиратор? Не из-за аллергии. А потому что ты боишься вдохнуть что-то, что заставит тебя что-то почувствовать.

Тимур молчал. Его взгляд переместился на рабочих, которые как раз заканчивали опрыскивать центральную группу лилий. Белые лепестки потемнели и съежились, становясь похожими на грязные тряпки.

- Может быть, - наконец произнес он. - Но по крайней мере, я не строю декорации на болоте.

Он развернулся и пошел к выходу. Его шаги по мрамору звучали как удары молотка, забивающего гвозди в крышку

гроба моей сегодняшней затеи.

- Тимур! - окликнула я его.

Он остановился, но не обернулся. Его спина была такой же прямой, как моя. Два человека, воспитанные в культе контроля, застрявшие в одной комнате, полной яда.

- Запиши в счет и дезинсекцию тоже, - сказала я, чувствуя, как внутри что-то окончательно обрывается. - Я оплачу все. До последнего цента.

- Я уже записал, - бросил он через плечо и вышел.

Я осталась одна в огромном холле. Рабочие уносили мешки с мертвыми цветами. Свет из окон падал на мокрый, пустой пол. Засвет был ужасным. Никакой перспективы. Никакого фокуса.

Я опустилась на ступеньку лестницы, забыв о том, что это вредно для суставов и портит линию платья. Мой центр тяжести был потерян. Я чувствовала себя так, будто сорвалась с бревна и лечу вниз, зная, что внизу нет матов. Только холодный мрамор реальности.

В этом была ирония. Я хотела выкурить его из дома, а в итоге сама сидела в облаке ядохимикатов, вдыхая горечь своего поражения. Лилии действительно символизировали чистоту намерений. Мое намерение было - уязвить его. И оно вернулось ко мне бумерангом, уничтожив все, что я пыталась создать.

Я закрыла глаза. Перед глазами все еще стояла та красная точка жука на белом лепестке. Маленькая погрешность, ко-

торая разрушила систему.

Тимур был прав в одном: я действительно боялась неидеальности. Потому что за ней всегда следовал распад. В моем детстве неидеальность означала крик отца, слезы матери и тишину, которая была страшнее любого скандала. Я научилась расставлять вещи по местам, чтобы мир не развалился. Но сейчас мир разваливался, несмотря на все мои усилия. Или благодаря им.

Я встала, чувствуя тяжесть в каждом суставе. Нужно было продолжать работу. Презентация завтра. У меня нет цветов, у меня есть счет на огромную сумму и здание, пропахшее отравой.

Но у меня все еще был мой позвоночник.

Я выпрямилась. Сделала вдох - осторожный, неглубокий. В воздухе все еще висел призрак лилий, смешанный с запахом смерти. Это была новая реальность. Грязная, честная, лишенная грима.

Я достала телефон и набрала номер поставщика.

- Мне нужны новые цветы, - сказала я, когда на том конце ответили. - Никаких лилий. Привезите мне чертополох. Много чертополоха. И никакой пыли.

Я закончила разговор и посмотрела на пустой холл. Тимур хотел войны? Он ее получит. Но на этот раз я не буду пытаться скрыть трещины. Я сделаю их частью композиции.

Я прошла к его столу. Он оставил на нем свой респиратор. Видимо, забыл в спешке или оставил как трофей. Я взяла его

в руки. Он был тяжелым и холодным. Я поднесла его к лицу. Внутри еще сохранился его запах - смесь сандала и старой бумаги.

Это был запах человека, который не верит в любовь, но верит в контракты. Человека, который видит жуков раньше, чем красоту цветов.

Я положила маску обратно.

- 1:0 в твою пользу, Тимур, - негромко произнесла я в пустоту зала. - Но матч еще не закончен.

В этот момент я поняла, что эта борьба - это и есть наш фундамент. Мы не умеем строить по-другому. Мы умеем только сражаться за территорию, пока от нее не останутся одни руины. И, возможно, на этих руинах мы, наконец, сможем увидеть друг друга без респираторов и лишних декораций.

Я развернулась и пошла к выходу, стараясь не смотреть на пустые места, где еще час назад стояли вазы. Моя походка была уверенной. Каждый шаг - как удар пульса. Я была готова к следующему прыжку. И на этот раз я знала, что даже если в воздухе не будет страховки, я смогу приземлиться на обе ноги. Потому что правда, какой бы ядовитой она ни была, всегда устойчивее самой красивой лжи.

Выйдя на крыльцо, я увидела машину Тимура. Он не уехал. Он сидел внутри, глядя на фасад усадьбы. Его профиль был четким на фоне серого неба. Он выглядел как человек, который выиграл битву, но потерял что-то важное.

Я не остановилась. Я прошла мимо, глядя прямо перед собой. Я знала, что он смотрит на меня. Не на мои декорации, не на мои цветы - на меня. И это было то самое разоблачение, которого я так боялась и которого так жаждала.

Мир вокруг нас был несовершенен. В нем были жуки, долги и ядовитые запахи. Но в нем была и геометрия наших отношений - сложная, ломаная, но абсолютно реальная. И в этой геометрии я начинала находить свой новый центр тяжести.

Я села в свою машину, завела мотор и включила радио. Играла какая-то резкая, ритмичная музыка. Это был идеальный саундтрек для разрушения старого мира. Я выехала с территории усадьбы, чувствуя, как в легких наконец-то становится чисто.

Атака лилиями захлебнулась. Но война только начиналась. И я собиралась быть той, кто напишет ее финал. Не по правилам Тимура, и не по своим старым правилам. По новым, которые мы создавали прямо сейчас, в пылу этой странной, болезненной и бесконечно важной схватки.

Я посмотрела в зеркало заднего вида. Усадьба становилась меньше, превращаясь в точку на горизонте. Точку, в которой сошлись все наши страхи и надежды. Я знала, что вернусь туда завтра. И я знала, что Тимур будет ждать. С новым счетом, с новой логикой и с тем же взглядом, который видел меня насквозь.

И это было самое прекрасное, что я когда-либо создава-

ла. Настоящее, живое, полное боли и смысла. Композиция, которую не нужно было поправлять. Потому что она была истинной.

Я нажала на газ. Впереди была дорога, серая и прямая, как линия на гимнастическом ковре. И я знала, что пройду ее до конца. Без единой помарки. Даже если для этого придется сжечь все цветы в этом мире.

Потому что фундамент уже был заложен. И на нем можно было строить все, что угодно. Даже то, что не имеет названия в юридических справочниках.

Тимур был моим визуальным шумом. Но именно этот шум заставлял меня видеть картинку целиком. И я не собиралась выключать его.

Я улыбнулась своему отражению. Глаза блестели - не от слез, а от азарта. Игра продолжалась. И ставки в ней росли с каждой минутой.

Лилии завяли. Но чертополох уже был в пути. И я была уверена, что его запах Тимуру понравится еще меньше.

Это была моя маленькая месть. Мой способ сказать, что я все еще здесь. Что я не сдамся. Что я - Эмилия, и я умею держать удар.

Даже если этот удар пахнет дезинфекцией и поражением. Завтра будет новый день. Новые кадры. Новый свет. И я буду за камерой. А Тимур... Тимур будет в центре кадра. Нравится ему это или нет.

Мы были связаны. Физиологически, психологически,

юридически. И эта связь была прочнее любого мрамора.

Я прибавила громкость. Музыка заполняла салон, вытесняя остатки запаха лилий. Я была свободна. На один вечер. До следующего раунда.

И я собиралась насладиться этой свободой в полной мере.

Ведь в конце концов, даже самая идеальная гимнастка должна когда-то сойти с помоста и просто подышать. Без судей. Без оценок. Без зрителей.

Только я и мой пульс. Ровный, четкий, уверенный.

1:0.

Пока что.

ГЛАВА 6: Изнанка контракта

Два часа ночи - это время, когда симметрия мира начинает плыть. В усадьбе Ростопчиных это ощущается особенно остро: старые стены словно выдыхают накопленную за день пыль и фальшь, а тени удлиняются, ломая безупречную геометрию холлов, которую я так старательно выстраивала при дневном свете. Мой позвоночник, привыкший к идеальной вертикали еще со времен юниорских сборов, сейчас напоминал перетянутую струну. В районе четвертого позвонка поселилось тупое, ноющее чувство - мой личный внутренний уровень, сообщающий, что конструкция дала крен.

Я шла по темному коридору в сторону кухни, стараясь не задевать бедрами углы консолей. В темноте пространство считывается иначе: не глазами, а кожей, мышечной памятью. Я знала, что через три шага будет поворот, а еще через пять - массивная дубовая дверь. Мои стопы, деформированные годами прыжков и приземлений на жесткий мат, бесшумно казались холодного паркета. Я не надевала тапочки. Мне нужно было чувствовать опору, твердость пола, чтобы не потерять центр тяжести в этой зыбкой ночной тишине.

Кухня встретила меня стерильным блеском нержавеющей стали и запахом дорогого чистящего средства. Здесь царил функциональный минимализм, который я ценила больше, чем барочную избыточность гостиных залов. Холодный свет

вытяжки резал пространство на четкие сегменты. Это была правильная мизансцена. Линейная. Понятная. Если бы не одно но.

Кофемашина. Огромный, блестящий агрегат марки Jura, похожий на морду футуристического зверя, стоял на гранитном острове. Вчера Тимур установил на нее программное ограничение. Это был мелкий, мелочный жест, типичный для человека, который привык контролировать даже чужой метаболизм. Он знал, что без двойного эспresso в три часа ночи я превращаюсь в набор плохо скоординированных рефлексов.

Я подошла к машине и коснулась сенсорного экрана. Система тут же выдала издевательское окошко: Введите пароль.

Мои пальцы, привыкшие фиксировать ленту и обруч, замерли над стеклом. Я видела свое отражение в хромированной панели: бледное лицо, затянутые в тугий узел волосы, слишком резкие тени под скулами. Я выглядела как эскиз, который забыли раскрасить.

- Четыре цифры, - прошептала я, чувствуя, как внутри закипает холодная, расчетливая ярость. - Ты серьезно, Тимур?

Я попробовала стандартные комбинации: 0000, 1234, год основания усадьбы, дату его рождения, которую я выучила из досье еще до первой встречи. Ошибка. Ошибка. Ошибка.

Аппарат издал короткий, неприятный писк, похожий на замечание арбитра за потерю предмета. Я выпрямила спину, чувствуя, как лопатки сходятся к центру. Это была поте-

ря балла. Незначительная, но досадная. Я начала разбирать боковую панель, надеясь найти кнопку аппаратного сброса. Мои движения были точными, сухими. Я деконструировала этот объект, как деконструировала любую свадебную смету или конфликт с подрядчиками.

- Если ты ее сломаешь, ремонт обойдется тебе в три месячных оклада, - голос раздался из тени дверного проема.

Я не вздрогнула. Мое тело среагировало мгновенно: задержка дыхания, фиксация стоп, смещение центра тяжести на правую ногу. Я медленно обернулась. Тимур стоял, прислонившись к косяку, скрестив руки на груди. На нем была простая черная футболка, которая слишком явно подчеркивала разворот его плеч. Он был визуальным шумом в моей стерильной картинке. Он ломал перспективу. Его фигура перекрывала точку схода, заставляя мой взгляд метаться по помещению в поисках новой опоры.

- Ты не спишь, - констатировала я, откладывая в сторону кухонный нож, которым пыталась поддеть пластиковый фиксатор. - Или у тебя тоже настроен датчик на нарушение границ твоей собственности?

Тимур сделал шаг вперед, входя в круг света от вытяжки. Свет падал сверху, создавая глубокие провалы на месте его глаз. Он выглядел как античная статуя, которую кто-то по ошибке одел в современную одежду и наделил скверным характером.

- Я услышал звук, - ответил он. Его голос был ровным,

лишенным интонаций. - Звук отчаяния и попытки взлома. Ты плохо справляешься с ролью ночного ниндзя, Эмилия. Твои движения слишком... академичны.

- Мои движения выверены до миллиметра, - я парировала автоматически, чувствуя, как мышцы шеи наливаются свинцом. - А вот твоя привычка ставить пароли на бытовую технику - это диагноз. Ты боишься, что я выпью твой драгоценный кофе и тем самым нарушу твою внутреннюю экосистему?

Он подошел ближе. Теперь между нами было не больше метра. В узком пространстве кухни его присутствие ощущалось как физическое давление. Я чувствовала запах его парфюма - что-то сухое, древесное, с нотой старой бумаги и холодного металла. Этот запах не вписывался в атмосферу кухни, он конфликтовал с ароматом свежемолотых зерен, запертых внутри машины.

- Это не вопрос кофе, - сказал Тимур, глядя мне прямо в глаза. Он не моргал. Его взгляд был как скальпель, снимающий слой за слоем мою защитную оболочку. - Это вопрос дисциплины. Ты считаешь, что правила созданы для того, чтобы ты могла их эстетично обходить. А я считаю, что правила - это единственный способ удержать этот хаос от распада.

- Твой кофе - это не хаос, - я иронично изогнула бровь, хотя внутри все сжалось в плотный комок. - Это просто горячая вода, пропущенная через порошок. Перестань драма-

тизировать технику.

- Драматизируешь здесь ты, - он сократил дистанцию еще на полшага. Теперь я видела мелкую сетку морщин в углах его глаз. - Ты стоишь здесь в два часа ночи, пытаешься взломать машину, потому что тебе нужно подтверждение контроля. Тебе не кофе нужен. Тебе нужно знать, что ты можешь открыть любую дверь в этом доме. Физическую или цифровую.

Я почувствовала, как по спине пробежал холод. Он читал меня слишком быстро. Это было непрофессионально с моей стороны - позволить ему увидеть эту уязвимость. Для меня контроль всегда был синонимом безопасности. Если я знаю, где стоит каждая ваза, если я знаю пароль от каждой системы, значит, мир не рухнет. Значит, сценарий будет выполнен.

- Давай договоримся, - Тимур положил ладонь на гранитную столешницу рядом с моей рукой. Его пальцы были длинными, с аккуратно подстриженными ногтями. Руки человека, который работает головой, но не боится испачкаться в чужих делах. - Я даю тебе пароль. А ты перестаешь использовать центральный вход для своих невест.

Я замерла. Это был удар под дых. Центральный вход с его мраморной лестницей и каскадным светом был ключевым элементом композиции любой свадьбы в этой усадьбе. Это был тот самый кадр, ради которого клиенты платили баснословные деньги. Пышное платье на фоне темного дуба - классическая симметрия, идеал.

- Это невозможно, - отрезала я. - Центральный вход - это лицо церемонии. Использовать боковую дверь для кейтеринга - это все равно что заставлять приму-балерину выходить на сцену из туалета.

- Значит, кофе не будет, - Тимур пожал плечами и собрался уходить.

Его равнодушие бесило сильнее, чем открытая агрессия. Он знал, что я не отступлю. Он играл на моем физиологическом дискомфорте. Без кофе мой мозг начнет выдавать ошибки в расчетах тайминга завтрашнего монтажа. Я не могла себе этого позволить.

- Подожди, - я сделала шаг к нему, почти коснувшись его груди. Моя рука непроизвольно легла на его предплечье, чтобы остановить. Мышцы под его кожей были твердыми, как жгут. Я тут же отдернула руку, словно обжглась об оголенный провод. - Почему тебе так мешает центральный вход? Это просто архитектурный элемент.

Тимур медленно повернулся. Его лицо застыло. В глазах мелькнуло что-то, что не имело отношения к текущему спору. Это была старая, хорошо законсервированная боль, которая на мгновение прорвалась сквозь фасад циника.

- Потому что это ложь, Эмилия, - его голос стал тише, но весомее. - Каждая девица в белом тюле, которая поднимается по этой лестнице, верит, что она входит в сказку. Она видит колонны, лепнину и твою выверенную подсветку. Она не видит, что за этими стенами гниет фундамент и что этот дом

был построен на предательстве. Ты продаешь им декорацию. А я не хочу, чтобы парадный вход превращался в конвейер для производства иллюзий. Пусть заходят сбоку. Там, где реальность. Там, где видна изнанка.

Я смотрела на него и видела не врага, а человека, который пытается заколотить окна в горящем доме, чтобы не видеть огня. Его ненависть к эстетике была его формой диссоциации. Он не верил в красоту, потому что красота когда-то его обманула.

- Твоя травма - это не повод портить людям праздник, - сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. - То, что твой отец превратил это место в юридическую ловушку, не означает, что любви не существует. Это просто означает, что у твоего отца был плохой вкус и отсутствие совести.

Тимур усмехнулся. Это была неприятная, острая усмешка.

- О, ты уже изучила мою биографию. Похвально. Но ты ошибаешься в одном. Я не порчу праздник. Я сокращаю дистанцию до неизбежного разочарования. Чем меньше пафоса на входе, тем легче будет падать на выходе.

- Ты стервятник, Тимур. Ты питаешься останками чужих надежд.

- А ты таксидермист, - парировал он. - Ты набиваешь опилками трупы чувств иставляешь их в витрине, чтобы прохожие восхищались тем, как натурально они выглядят.

Мы стояли в этой узкой кухне, два человека, доведенных

до предела своей профессиональной деформацией. Я видела каждую пору на его коже, видела, как пульсирует жилка у него на виске. Мое тело продолжало считать его как угрозу, но в этой угрозе был странный, иррациональный магнетизм. Он был единственным, кто не покупался на мою идеальную картинку. Он видел трещины в моем фасаде, и это пугало меня до онемения в кончиках пальцев.

- Пароль, - повторила я, выпрямляясь. - Дай мне пароль. Я подумаю насчет бокового входа. Но ничего не обещаю. Мне нужно изучить углы падения света в пять часов вечера. Если там будет плохой рефлекс от кирпичной кладки, сделка отменяется.

Тимур молча подошел к кофемашине. Его близость снова создала этот невыносимый визуальный шум. Я видела его руки на фоне черного пластика - контраст был слишком резким, динамический диапазон зашкаливал. Он начал вводить цифры.

Я смотрела на экран через его плечо.

Четыре нажатия.

На дисплее высветилось: Доступ разрешен.

- Запоминай, - сказал он, не оборачиваясь. - Это не цифры. Это буквы на цифровой раскладке.

Я вгляделась в последовательность. Это была фамилия. Девичья фамилия моей матери.

Холод, который я чувствовала раньше, сменился парализующим жаром. Мое дыхание сбилось, ритм, который я так

старательно держала все эти годы, рассыпался. Это было не просто нарушение границ. Это было вторжение в мой святая святых, в тот подвал, который я замуровала десять лет назад.

- Откуда... - я запнулась, и это было хуже, чем падение с бревна на глазах у судей. - Откуда ты это знаешь?

Тимур повернулся. Теперь его лицо было совсем близко. Я видела в его глазах свое отражение - маленькая, растерянная фигурка, потерявшая точку опоры.

- Ты не единственная, кто умеет собирать досье, Эмилия, - его голос звучал почти мягко, и это было страшнее его обычной грубости. - Ты так заботаешься о фасадах, потому что твой собственный фундамент был построен на песке. Твоя мать ушла из семьи, когда тебе было двенадцать, сменила фамилию и больше никогда не выходила на связь. Твой отец создал культ Идеальной Семьи, чтобы скрыть этот позор. Ты выросла в доме, где правда была под запретом. Поэтому ты так любишь свадьбы. Ты хочешь доказать самой себе, что можно зафиксировать момент счастья навсегда. Но ты знаешь, что это ложь. И этот пароль - напоминание.

Я почувствовала, как мои пальцы сжались в кулаки так сильно, что ногти вонзились в ладони. Физическая боль была единственным, что удерживало меня от того, чтобы не расплакаться или не ударить его. Моя спина была прямой до боли. Я была как натянутая струна, которая вот-вот лопнет.

- Ты не имел права, - прошипела я. - Это личное.

- В этом бизнесе нет ничего личного, - Тимур не отступал.

Он стоял в моей личной зоне, ломая все правила дистанции. - Ты сама сказала: мы связаны юридически. А я не подписываю контракты с людьми, чьи слабые места мне неизвестны. Теперь мы квиты. Ты знаешь мою историю, я знаю твою.

Он протянул руку и коснулся моей щеки. Это было мимолетное, почти невесомое движение, но я почувствовала его каждой клеткой своего тела. Его пальцы были холодными.

- Пей свой кофе, Эмилия. Тебе понадобятся силы, чтобы завтра убедить меня, что боковой вход - это катастрофа.

Он развернулся и вышел из кухни, оставив меня одну в этом стерильном, холодном свете. Кофемашина начала гудеть, перемалывая зерна. Звук был агрессивным, механическим, он заполнял всю комнату, вытесняя остатки воздуха.

Я стояла неподвижно. Мой внутренний судья молчал. Баллы вычитать было не за что - я проиграла этот раунд полностью. 1:1.

Запах свежего кофе наполнил кухню, но он больше не казался мне желанным. Он пах разоблачением. Он пах тем самым гниющим фундаментом, о котором говорил Тимур.

Я взяла чашку. Керамика была теплой, почти живой. Я сделала глоток, чувствуя, как горечь обжигает язык. Это была физиологическая оценка реальности: горько, горячо, больно.

Я подошла к окну. Усадьба спала, окутанная туманом, который делал ее похожей на призрачный корабль. Где-то там, в темноте, был центральный вход. Моя идеальная лестница.

Мой путь в сказку, который Тимур только что превратил в полосу препятствий.

Я знала, что он прав. Моя одержимость деталями была формой диссоциации. Я уходила в микроменеджмент салфеток и цветочных композиций, чтобы не смотреть в бездну, которая открылась за моей спиной в двенадцать лет. Я строила чужие замки, потому что мой собственный превратился в руины.

Но признать это перед ним означало сдаться. А я была гимнасткой. Мы не сдаемся, даже если у нас трещина в кости. Мы дорабатываем программу до конца, улыбаясь судьям, пока в глазах не темнеет от боли.

Я допила кофе и поставила чашку в раковину. Звук удара керамики о металл был четким, финальным.

Завтра будет новый день. Новые кадры. Новый свет. И я найду способ сделать боковой вход таким величественным, что Тимур сам попросит меня вернуться к центральному. Это будет моя месть. Моя эстетическая контратака.

Я вышла из кухни, стараясь держать спину идеально ровно. Мои шаги по паркету были ритмичными, как удары метронома. Раз-два. Раз-два.

Я знала, что Тимур, скорее всего, не спит. Я чувствовала его присутствие в этом доме как постоянный статический заряд. Он был здесь, за одной из этих дверей, такой же сломленный и такой же одержимый контролем, как и я.

Мы были двумя кадрами из разных фильмов, которые

кто-то по ошибке склеил в одну ленту. И эта склейка была грубой, некрасивой, нарушающей все правила монтажа.

Но в этой неправильности была своя динамика.

Я дошла до своей комнаты и закрыла дверь. В темноте я видела свои руки - они больше не дрожали. Мышечная память взяла верх над эмоциями. Я была Эмилией, я была профессионалом, и я собиралась выиграть эту войну, даже если мне придется превратить каждый кирпич этой усадьбы в произведение искусства.

Я легла в постель, не раздеваясь. Мне нужно было сохранить это состояние зажима, эту готовность к прыжку. Завтра будет монтаж. Завтра приедут флористы. Завтра будет свет.

И завтра я снова увижу Тимура.

Мой пульс замедлился, входя в рабочий ритм. 60 ударов в минуту. Четко. Ровно. Симметрично.

Я закрыла глаза и увидела перед собой не интерьеры усадьбы, а лицо матери. Оно было размытым, как на старой пленке с плохим фокусом. Я попыталась подкрутить резкость, но картинка рассыпалась на пиксели.

- Пароль принят, - прошептала я в пустоту комнаты.

Но игра только начиналась.

В три часа ночи усадьба Ростопчиных казалась мне огромным, сложным механизмом, который я должна была заставить работать вопреки воле его владельца. Я чувствовала каждый винтик, каждую шестеренку.

Тимур думал, что он вскрыл мой замок. Но он не пони-

мал, что за первой дверью всегда есть вторая. И третья. И что я умею строить лабиринты гораздо лучше, чем он - юридические ловушки.

Я заснула, когда небо за окном начало приобретать оттенок холодного индиго - идеальный цвет для фона, на котором скоро развернется настоящая драма.

Утро началось с резкого звука мобильного телефона. 6:00. Тайминг не ждет.

Я вскочила с кровати, чувствуя привычный зажим в икрах. Тело было готово. Ум был холоден.

Я подошла к зеркалу и внимательно изучила свое лицо. Никаких следов ночного срыва. Идеальная маска. Тщательно наложенный грим уверенности.

- В фокусе, Эмилия, - сказала я своему отражению. - Держи всё в фокусе.

Я вышла из комнаты и направилась к лестнице. Но на этот раз я не пошла к центральному входу. Я повернула к техническому коридору.

Мне нужно было изучить боковую дверь.

Если Тимур хотел реальности, он ее получит. Но эта реальность будет выглядеть так, как будто ее снимал лучший оператор Голливуда.

Я шла по узкому коридору, и в моей голове уже выстраивалась новая мизансцена. Кирпичная кладка, старые фонари, тень от плюща. Это могло сработать. Это могло стать акцентом.

Я открыла тяжелую железную дверь и вышла во внутренний двор. Утренний воздух был резким, колючим.

Тимур стоял там, у своей машины, проверяя что-то в планшете. Он поднял голову, когда дверь лязгнула.

Наше визуальное противостояние возобновилось мгновенно. Он стоял на фоне серого бетона, я - в проеме старой двери. Идеальный контрапункт.

- Ты рано, - сказал он вместо приветствия.

- Световой день короткий, Тимур. Мне нужно поймать режим.

Он кивнул, и в этом жесте было что-то похожее на уважение. Или на признание того, что мы оба - рабы своих графиков.

Я прошла мимо него, не оглядываясь. Мои стопы четко печатали шаг по гравию.

1:1.

Но сегодня я собиралась выйти вперед.

В моей голове уже крутилась смета на дополнительные осветительные приборы для бокового входа. Если Тимур думал, что сэкономит на пафосе, он сильно ошибался. Я сделаю этот вход самым дорогим и эстетичным провалом в его жизни.

Я чувствовала, как азарт наполняет мои мышцы, заменяя усталость. Это было похоже на выход на помост перед финальным упражнением. Когда ты знаешь, что права на ошибку нет, и это знание делает тебя всемогущей.

- Эмилия, - окликнул он меня, когда я уже была у ворот. Я остановилась, но не обернулась. Я держала линию.

- Пароль можно сменить, - сказал он.

- Я знаю, - ответила я. - Но я оставляю этот. Как напоминание о том, что даже у самого лучшего хирурга иногда дрожат руки.

Я пошла дальше, чувствуя на своей спине его взгляд. Это был физический контакт, более интимный, чем то прикосновение на кухне. Это было признание нашей связи.

Мы были двумя сторонами одного контракта. И изнанка этого контракта была гораздо интереснее, чем его парадный фасад.

Я улыбнулась, и это была не та улыбка, которую я репетировала для клиентов. Это была улыбка хищника, который увидел след.

Свадьба будет идеальной. Но она будет такой, какой ее хочу видеть я.

И Тимур будет смотреть на это из первого ряда, понимая, что он не контролирует здесь ровным счетом ничего.

Занавес поднялся. Музыка началась.

Я сделала глубокий вдох и шагнула в новый день, где каждый кадр был на счету.

Мой мир снова стал симметричным. Даже если эта симметрия была построена на руинах.

Я была Эмилией. И я умела держать удар.

Особенно если этот удар был нанесен по правилам, кото-

рые я сама и написала.

Солнце медленно поднималось над усадьбой, окрашивая стены в цвет старого золота. Это был идеальный свет для начала новой главы.

И я была готова к ней как никогда.

В моей голове щелкнул затвор воображаемой камеры. Кадр зафиксирован.

Поехали.

ГЛАВА 7: Световая ловушка

Я стою в центре банкетного зала и чувствую, как правая лопатка тянет вниз на полтора миллиметра. Это недопустимая погрешность. Мой позвоночник - это измерительный прибор, откалиброванный годами на бревне, где лишний вдох влево означал падение, а лишний выдох вправо - позор на глазах у судейской коллегии. Сейчас я сама себе судейская коллегия. Зал усадьбы огромен, он задыхается от собственной пустоты и запаха застоявшейся пыли, которую не вытравить даже самыми дорогими освежителями с ароматом хлопка. Геометрия пространства нарушена: левое крыло чуть проседает, создавая едва заметный наклон пола. Обычный человек этого не заметит, но я ощущаю это подошвами туфель, как морскую болезнь. Это ломает перспективу. Это делает кадр грязным.

Я выставляю контровый свет. Это мой любимый прием. Если подсветить объект сзади, создав мягкий ореол, можно скрыть любую трещину на штукатурке и любое сомнение в глазах невесты. Контровый свет - это величайший обман в истории визуального искусства, легальный способ превратить посредственность в божественное откровение. Я передвигаю штатив с прожектором, прикидывая угол атаки фотонов. Нужно, чтобы свет лился из-за тяжелых бархатных штор, создавая эффект предзакатной неги, даже если на

улице будет лить серый подмосковный дождь. Мои пальцы привычно проверяют зажимы. Мышечная память - странная штука: я не была в спортзале десять лет, но мои руки до сих пор помнят, как затягивать крепления на брусках. Та же жесткость, та же фиксация до щелчка.

В зале темно. Работают только мои диоды, выхватывая из пустоты фрагменты лепнины. Я создаю идеальную дымку. Генератор тумана тихо шипит в углу, наполняя пространство взвесью, в которой лучи света становятся осязаемыми, как струны арфы. Я смотрю в видоискатель контрольной камеры. Композиция выстраивается. Золотистая пыль танцует в лучах, скрывая облупившиеся капители колонн. Это и есть моя работа - продавать людям право не видеть уродство. Родители называли это приличиями. Я называю это экспозицией. Мама всегда говорила: Эмилия, неважно, что папа не пришел ночевать, важно, чтобы на завтраке салфетки были накрахмалены и лежали строго параллельно краю стола. Я усвоила урок. Параллельность спасает мир от хаоса, даже если под столом у тебя дрожат колени.

Шаги. Я слышу их задолго до того, как открывается массивная дверь. Тяжелая, уверенная поступь, пятка вбивается в паркет с частотой метронома, настроенного на тревожный лад. Тимур. Его присутствие в моей идеально выстроенной мизансцене - это визуальный шум. Он как битый пиксель на матрице дорогого фотоаппарата: ты можешь снимать шедевр, но это черное пятно всегда будет напоминать о де-

фекте.

Он не останавливается у порога. Он идет прямо сквозь мои лучи, ломая световую схему своей грубой, угловатой тенью. Я чувствую, как зажимается мышца в шее. Контроль. Вдох на четыре счета, выдох на шесть.

- Эмилия, вы здесь решили устроить спиритический сеанс или просто пытаетесь скрыть тот факт, что здание нуждается в капитальном ремонте, а не в диодных лентах? - Его голос звучит плоско. Никаких обертонов, никакой игры. Просто констатация факта, которая бьет под дых моей эстетике.

Я не оборачиваюсь. Я смотрю на него через экран монитора. В этом ракурсе он выглядит еще более неуместным: темный силуэт на фоне золотого тумана.

- Я создаю атмосферу, Тимур. Клиенты платят за сказку, а не за технический паспорт объекта. Сказка требует правильного угла освещения. Отойдите влево на два шага, вы перекрываете рисующий свет.

- Сказка требует фундамента, - парирует он, и я слышу щелчок.

Зал взрывается белым, неживым светом. Тимур включил потолочные рабочие прожекторы, предназначенные для строителей и уборщиков. Моя золотистая дымка мгновенно превратилась в грязный пар, а магический ореол сменился безжалостной резкостью, обнажающей каждую пору этого умирающего здания. Это был визуальный террор. Симметрия лопнула, как перетянутая струна. Я зажмурилась на

секунду, чувствуя физическую боль в глазных яблоках. Это был засвет. Тотальный, агрессивный пересвет, убивающий всякую надежду на глубину кадра.

- Посмотрите на это, - он обвел рукой зал, и его голос стал похож на скальпель патологоанатома. - Вон там, в углу, грибок. Его не видно под вашим теплым желтым, но он там есть. Карнизы над окнами держатся на честном слове и трех слоях краски сорокалетней давности. Лепнина осыпается. Вы предлагаете людям отмечать начало новой жизни в склепе, который вы припудрили золотой пылью?

Я выпрямилась. Мой позвоночник стал стальным прутком. Я посмотрела на него прямо, игнорируя резь в глазах. Тимур стоял у выключателя, его лицо в этом жестком свете казалось высеченным из серого гранита. Никаких мягких теней, только острые углы скул и жесткая линия рта. Он был воплощением той самой правды, которую я ненавидела всем своим существом.

- Люди знают, что мир несовершенен, Тимур. Но раз в жизни они имеют право на декорацию, в которой все выглядит так, как должно быть в идеальной вселенной. Вы вычитаете баллы за каждый изъян, который я пытаюсь нивелировать. Но ваша правда никому не нужна на свадьбе. Она несъедобна. Она как сырое мясо на праздничном столе.

- Ваша декорация - это ложь в юридически значимых масштабах, - он подошел ближе, и я почувствовала запах его парфюма: что-то холодное, древесное, абсолютно лишенное

сладости. - Вы продаете им фасад. Вы приучаете их к тому, что если картинка красивая, то и внутри все в порядке. А потом, когда декорации разбирают, они остаются один на один с грибком и осыпающейся штукатуркой своих отношений. И они не знают, что с этим делать, потому что вы не научили их свету, при котором видны дефекты.

Я почувствовала, как во мне закипает холодная, расчетливая ярость. Это была не просто дискуссия о свете. Это была атака на мой способ выживания. Он лез своими грязными ботинками в мой внутренний чертеж, где все было выверено до миллиметра.

- Моя работа - зафиксировать момент высшей точки их счастья. Сделать стоп-кадр. Фотография не лжет, она выбирает ракурс. И если я выбрала ракурс, где они прекрасны, значит, в этот момент они действительно прекрасны. А грибок... грибок есть везде. Даже в вашем идеальном цинизме. Вы просто боитесь, что если кто-то включит мягкий свет, вы окажетесь не таким уж непробиваемым.

Он усмехнулся. Это была не добрая улыбка, а короткий спазм мышц лица.

- Я не боюсь света, Эмилия. Я боюсь короткого замыкания. Ваша проводка в этом зале не рассчитана на такое количество оборудования. Вы нагрузили сеть так, что распределительный щит в подвале буквально стонет. Но вам же все равно, верно? Главное, чтобы композиция была симметричной.

Он сделал шаг в мою сторону, и я невольно отступила, пятка зацепилась за кабель. Мой центр тяжести сместился. На долю секунды я потеряла контроль над пространством, и это было самое унижительное чувство в мире. Я восстановила равновесие мгновенно, задействовав мышцы кора, но он заметил. Его взгляд скользнул по моим ногам, фиксируя секундную слабость.

- Ваша устойчивость - такая же иллюзия, как и этот свет, - тихо сказал он. - Вы держите спину так, будто боитесь, что она сломается, если вы расслабитесь хоть на секунду. Кто вас так напугал, Эмилия? Кто научил вас, что малейшая потеря равновесия - это катастрофа?

Я сжала челюсти так, что зубы скрипнули. 0.1 балла штрафа за лишние эмоции.

- Моя спина - это моя проблема, Тимур. Как и моя проводка. Я знаю, что делаю. У меня есть допуски, у меня есть расчеты. Ваша усадьба выдержит эту свадьбу, даже если вам очень хочется, чтобы она рухнула прямо сейчас, подтвердив ваши теории о тленности бытия.

- Расчеты, - повторил он с иронией. - Вы считаете люмены, а нужно считать амперы. Вы смотрите в объектив, а нужно смотреть на счетчик. Вы вся состоите из визуальных эффектов. Даже сейчас вы стоите так, чтобы свет из окна падал на вас под углом сорок пять градусов. Вы не живете, вы позируете для воображаемого журнала об идеальной жизни.

- А вы не живете, вы проводите аудит, - я сделала шаг

вперед, сокращая дистанцию. Теперь я видела мелкую сетку морщин в уголках его глаз. - Вы боитесь увидеть в людях что-то, кроме их недостатков. Вы как человек, который на художественной выставке ищет не смысл картины, а трещины на раме. Это скучно, Тимур. Это мелко.

Он молчал несколько секунд, и эта пауза была тяжелой, как свинец. В зале стало невыносимо тихо, только гул моих ламп и его тяжелое дыхание. Я видела, как в его глазах что-то меняется. Это была не агрессия, а какое-то странное, острое любопытство хирурга, который нашел необычную патологию.

- Знаете, что самое смешное? - наконец произнес он. - Мы с вами занимаемся одним и тем же. Мы оба пытаемся контролировать хаос. Только вы его маскируете, а я его препарирую. Но итог один: хаос все равно побеждает. Всегда. Рано или поздно лампа перегорает, краска осыпается, а контракт расторгается. Разница лишь в том, что я к этому готов, а вы - нет.

- Я готова к любому сценарию, - отрезала я. - У меня есть запасные лампы, запасные ведущие и запасной план на случай конца света. Моя система дублирована.

- Жизнь невозможно дублировать, Эмилия. Она происходит в одном экземпляре. И сейчас она происходит здесь, в этом зале, где пахнет пылью и вашим упрямством.

Он подошел к моему центральному прожектору - тому самому, который создавал идеальный контур. Его рука легла

на раскаленный корпус. Я хотела крикнуть, чтобы он не трогал, что он обожжется, но слова застряли в горле.

- Вы видите здесь магию, - он указал на луч. - А я вижу перегретый трансформатор, который издает звук на частоте 50 герц, сигнализируя о том, что он работает на пределе. Вы игнорируете звук, потому что он не вписывается в картинку. Но звук - это предвестник взрыва.

- Ничего не взорвется, - сказала я, и в этот момент мой голос дрогнул. Незначительно, на одну восьмую тона, но для меня это был провал.

Я почувствовала, как воздух в зале изменился. Знаете это ощущение перед грозой, когда статическое электричество заставляет волосы на руках подниматься? Это физиологическая реакция на опасность. Мои мышцы напряглись, я инстинктивно перенесла вес на подушечки стоп, готовясь к прыжку или уклонению. Мой организм считал угрозу раньше, чем мозг успел обработать данные.

Тимур не убирал руку с лампы. Он смотрел на меня в упор, и в этом взгляде было что-то гипнотическое. Он ждал. Он провоцировал реальность, как он всегда это делал. Он хотел, чтобы его правота была доказана делом.

- Вы так уверены в своей симметрии, - прошептал он. - А мир асимметричен по своей природе. Он кривой, грязный и непредсказуемый. И это единственное, что в нем есть настоящего.

В этот момент раздался звук. Это не был громкий хлопок.

Это был резкий, сухой щелчок, похожий на выстрел из стартового пистолета. Одна из мощных галогеновых ламп в верхнем ярусе, которую Тимур включил так бесцеремонно, не выдержала перепада напряжения или просто устала от собственной ненужности.

События начали разворачиваться с той пугающей медлительностью, которая бывает только во время падений с бревна. Я видела, как лопается стекло. Сначала тонкая трещина, похожая на молнию, затем - распад на тысячи сверкающих осколков. Они посыпались вниз, подсвеченные моими собственными диодными лучами, превращаясь в смертоносный бриллиантовый дождь.

Мой мозг мгновенно выстроил траекторию. Я стояла прямо под этой лампой. Осколки должны были накрыть меня через 0.8 секунды. Я начала движение назад, мой корпус уже отклонился, икроножные мышцы сжались для рывка, но я была в туфлях, а не в чешках, и паркет был слишком скользким для чистого отталкивания.

В ту же секунду я почувствовала сильный толчок в плечо. Тимур не просто сдвинул меня, он буквально снес меня с траектории падения стекла. Его тело врезалось в мое с силой, которой я не ожидала. Мы полетели на пол, и я почувствовала, как его рука прикрывает мою голову, прижимая мое лицо к своей груди.

Звук бьющегося стекла о паркет был оглушительным. Это была симфония разрушения. Тысячи мелких игл впивались

в дерево там, где секунду назад стояла я. Я чувствовала жесткую ткань его пиджака, слышала быстрый, но ритмичный стук его сердца - он даже не сбился с ритма, этот чертов робот. Его запах - холодный лес и раскаленный металл - заполнил мои легкие.

Мы лежали на полу в полной темноте. Мои диоды погасли - сработали предохранители, о которых он предупреждал. Зал погрузился в густую, ватную тишину, которую нарушало только наше дыхание.

Моя спина была прижата к его руке. Я чувствовала тепло его тела сквозь слои одежды. Это был физический контакт, который не вписывался ни в один мой контракт. Моя система координат была разрушена. Точки опоры исчезли. Я не знала, как оценивать это положение: это был фол или удачное приземление?

Тимур не спешил отстраняться. Его ладонь все еще лежала на моем затылке, пальцы слегка запутались в моих волосах, которые я так тщательно укладывала утром. Это было нарушение всех границ, полный распад дистанции.

- Вы живы, Эмилия? - Его голос в темноте звучал иначе. Тот же низкий тембр, но без привычной издевки. В нем была какая-то странная, почти пугающая прямота.

- Жива, - я попыталась пошевелиться, но его хватка была крепкой. - Вы можете меня отпустить. Осколки уже упали.

- Могу, - сказал он, но не отпустил. - Но ваша идеальная прическа безнадежно испорчена. 0.5 балла за внешний вид,

кажется?

Я почувствовала, как ирония возвращается к нему, и это принесло странное облегчение. Пока он язвил, мир оставался понятным.

- Вычитайте сразу балл, - огрызнулась я, пытаюсь высвободиться. - И еще два за нарушение личного пространства. Вы меня раздавите.

Он наконец отстранился, и я тут же почувствовала холод. В зале было сквозняк, который я раньше не замечала. Тимур поднялся первым и протянул мне руку. Я посмотрела на его ладонь - широкая, с длинными пальцами, на которых были видны следы старого ожога. Я проигнорировала ее и встала сама, опираясь на уцелевший штатив. Мои колени слегка дрожали, но я заставила их замереть.

Он включил фонарик на телефоне. Луч выхватил гору битого стекла на полу. Среди осколков лежали лепестки моих декоративных гортензий, которые я расставила внизу. Это выглядело как место преступления или как финал очень плохой пьесы.

- Ваша проводка, Эмилия, - он посветил на распределител в углу, из которого шел тонкий ручеек дыма. - Она не выдержала столкновения с реальностью. Как и ваша вера в то, что все можно предусмотреть.

Я смотрела на этот хаос и чувствовала, как внутри меня что-то ломается. Не мой позвоночник, нет. Ломалась та самая невидимая стена, которую я строила годами. Я видела

уродство, я видела грязь, я видела разрушенную композицию. И самое страшное было в том, что я не чувствовала привычного желания немедленно все исправить. Я чувствовала усталость. Огромную, тяжелую усталость человека, который слишком долго держал на плечах небо, которое все равно рухнуло.

- Вы довольны? - спросила я, глядя на него в упор. - Вы победили. Свет погас, сцена разрушена, грибок на месте. Ваша правда восторжествовала. Теперь вы можете со спокойной совестью расторгнуть контракт и смотреть, как эта усадьба гниет дальше без моих золотых диодов.

Тимур молчал. Он подошел к куче стекла и носком ботинка отодвинул крупный осколок.

- Я не ищу победы, Эмилия. Я ищу безопасности. Эта лампа могла упасть на невесту. Или на ребенка. Ваша эстетика не стоит человеческой жизни. Вы так увлеклись фасадом, что забыли проверить, на чем он держится. Это ошибка новичка. А вы не новичок.

- Я проверила все, что могла! - я почти крикнула, и мой голос эхом отразился от высоких потолков. - Я наняла лучших электриков! У меня есть акты приемки!

- Акты приемки пишутся людьми, которые хотят получить деньги и уйти, - он сократил расстояние между нами, и теперь его фонарик светил в пол, создавая длинные, пугающие тени. - Вы живете в мире бумаг и визуальных образов. А я живу в мире износа металлов и сопротивления материалов.

И мой мир всегда будет диктовать условия вашему.

Он остановился так близко, что я видела блеск в его глазах.

- Но вы странная женщина, Эмилия. Когда на вас летит стекло, вы не визжите. Вы начинаете высчитывать траекторию. Вы замерли, как перед прыжком в бездну. Вы настолько привыкли контролировать себя, что даже страх у вас проходит через внутренний цензор.

- Страх - это потеря формы, - сказала я, чувствуя, как у меня пересыхает в горле. - Потеря формы - это проигрыш. Меня так учили.

- Вас учили быть функцией, а не человеком, - его голос стал жестким. - Но функции не организывают свадьбы. Свадьбы - это про иррациональное. Про веру в то, что двое людей могут не разрушить друг друга. Вы занимаетесь тем, во что не верите ни на йоту. Почему?

Я отвернулась. Этот вопрос был слишком точным. Он попал в ту самую точку, где у меня не было защитной брони.

- Потому что я умею это делать. Я умею создавать идеальную картинку. Этого достаточно.

- Нет, - он подошел еще ближе, я чувствовала его тепло за своей спиной. - Недостаточно. Вы делаете это, потому что боитесь увидеть, что за картинкой ничего нет. Вы создаете этот фасад, чтобы самой в него поверить. Вы строите эти картонные домики, надеясь, что хоть один из них окажется настоящим.

Я резко развернулась, едва не задев его плечом. Мои пальцы сжались в кулаки.

- А вы? Вы выкупили это место, чтобы что? Чтобы методично его уничтожать? Чтобы доказывать каждому, кто сюда приходит, что любви нет, а есть только гнилые балки и короткие замыкания? Вы - стервятник, Тимур. Вы питаетесь останками чужих надежд. Вы смотрите на счастливые пары и уже видите их бракоразводный процесс. Это ваша суперсила? Видеть грязь там, где другие видят свет?

Он не ответил сразу. Он смотрел на меня так, будто видел меня насквозь, до самого фундамента, который я так тщательно скрывала.

- Мой отец обещал моей матери, что этот дом будет их родовым гнездом, - внезапно сказал он. Его голос был лишен эмоций, но в этой сухости было больше боли, чем в любом рыдании. - Он произносил тосты о вечности, пока его юристы переписывали эту усадьбу на его любовницу. Я видел, как оформляются эти документы. Красивая каллиграфия, дорогая бумага. И абсолютная, кристальная ложь в каждом слове. Любовь - это юридическая уловка, Эмилия. Способ отчуждения имущества с минимальными налогами.

Я замерла. Моя ярость испарилась, сменившись странным чувством узнавания. Мы были сделаны из одного и того же материала. Мы оба были детьми, которые видели изнанку театральных декораций. Только я решила стать декоратором, чтобы сделать спектакль безупречным, а он стал критиком,

чтобы сорвать занавес.

- Мои родители никогда не ссорились при мне, - сказала я тихо, глядя на свои туфли в луче его фонарика. - Они были идеальной парой. У нас были самые красивые рождественские ужины в городе. Симметрия во всем: свечи, подарки, улыбки. А потом, когда мне исполнилось шестнадцать, мама просто не пришла домой. Она оставила записку, что больше не может играть эту роль. Оказалось, что они не разговаривали друг с другом годами, когда я не видела. Все это время я жила внутри качественного грима.

Я подняла глаза на Тимура.

- Теперь вы понимаете? Я не лгу. Я фиксирую фасад, потому что фундамент всегда гнилой. Всегда. Но фасад... он хотя бы красивый. Он дает нам передышку. Он позволяет нам верить, что мы не просто куски мяса в мире энтропии.

Тимур смотрел на меня долго, не мигая. Его лицо смягчилось, но лишь на мгновение.

- Две разбитые души пытаются построить храм на болоте, - произнес он с горечью. - Иронично.

- Мы не строим храм, Тимур. Мы выполняем контракт. И я выполню свою часть. Я заменю лампы. Я вызову других электриков. Я переделаю всю схему. Свадьба будет идеальной.

- Она будет пожароопасной, - отрезал он, возвращаясь в режим циника. - Я не дам разрешение на использование этого зала, пока не увижу полной замены проводки. И это не

обсуждается.

- У меня нет времени на полную замену! Свадьба через неделю!

- Тогда отменяйте. Или переносите в шатер на улице. Там хотя бы нет шанса, что на голову жениху упадет люстра восемнадцатого века.

- Шатер ломает всю концепцию! Это усадебная свадьба, а не пикник!

- Концепция - это переменная, - он начал уходить к выходу, его фонарик выхватывал из темноты куски разоренного зала. - Безопасность - это константа. У вас есть 24 часа, чтобы предложить решение, которое не предполагает сожжение моего имущества. В противном случае, Эмилия, ваш идеальный фасад пойдет под снос.

Он ушел, не оборачиваясь. Дверь закрылась с тем же тяжелым стуком, с которым он вошел. Я осталась одна в темноте, среди битого стекла и запаха гари.

Мое тело вибрировало от напряжения. Я чувствовала каждую мышцу, каждый зажим. Я подошла к окну и прислонилась лбом к холодному стеклу. На улице светало. Небо было серым, бесцветным, лишенным всякой композиции.

Я посмотрела на свои руки. Они дрожали. Это был провал. 1.0 балла штрафа за полную потерю контроля.

Но где-то глубоко внутри, под слоями мышечного панциря и эстетических установок, я чувствовала что-то еще. Это не было страхом или злостью. Это было странное, покалы-

вающее чувство жизни. Как будто тот удар током, который убил мою лампу, прошел сквозь меня, оживляя затекшие конечности.

Тимур был визуальным шумом. Он был дефектом. Он был человеком, который снес меня с траектории падения стекла.

Я закрыла глаза. Перед ними все еще стояла та вспышка белого света.

Я знала, что буду делать. Я не буду менять проводку. Я изменю саму идею света. Если нельзя скрыть изъяны под контрольным освещением, я сделаю изъяны частью декора. Я превращу этот грибок и эту осыпающуюся лепнину в арт-объект. Я заставлю Тимура увидеть, что красота может существовать даже в руинах, если у тебя хватает смелости на них смотреть.

Я выпрямила спину. Боль в позвоночнике была привычной и почти приятной.

Свадьба состоится. И она будет такой, какую этот мир еще не видел. Без лжи, без золотой пылицы, но с такой силой правды, что даже Тимур не сможет отвести глаз.

Я начала собирать осколки. Один за другим, методично, соблюдая ритм. В этом не было симметрии, но в этом был смысл. Каждое движение было выверено. Каждое дыхание было под контролем.

Я была Эмилией. И я только что поняла, что иногда, чтобы построить что-то по-настоящему крепкое, нужно сначала позволить всему взорваться.

Снаружи вставало солнце, окрашивая зал в холодные, честные тона утра. Я стояла в центре своего разрушенного королевства и впервые за долгое время не хотела поправлять экспозицию. Кадр был идеальным именно таким: битое стекло, дым и я, стоящая на кривом полу.

Это была моя новая точка отсчета. Мой нулевой меридиан.

И Тимур, где бы он сейчас ни был, еще не знал, что он только что подписал контракт на нечто гораздо более опасное, чем просто организация свадьбы. Он

ГЛАВА 8: Первая трещина

Солнце за окном резало глаза своей неуместной, чрезмерной яркостью. Оно выхватывало из полумрака зала пыль, зависшую в воздухе неподвижной взвесью, и острые грани битого хрусталя на полу. Композиция была катастрофической. Центр тяжести сместился влево, туда, где грудой лежали остатки декоративной арки, которую я вымеряла до миллиметра. Сейчас это напоминало скелет доисторического животного, выброшенного на берег и обглоданного стихией. Мои стопы в тонких туфлях ощущали каждый неровный выступ пола через тонкую подошву. Мышечная память гимнастики требовала немедленно выровнять спину, закрепить таз, найти вертикаль, но вертикали больше не существовало. Мир завалился в сторону, как при неудачном приземлении с опорного прыжка, когда лодыжка подворачивается и ты слышишь этот сухой, предательский хруст.

- Ты долго собираешься созерцать этот натюрморт. - Голос Тимура прозвучал за моей правой лопаткой.

Он не спрашивал, он констатировал факт моего оцепенения. Я не обернулась. Мой взгляд был прикован к красной нити, тянущейся по его щеке. Тонкая, идеально ровная линия, словно проведенная скальпелем или очень острым краем разбитого стекла. Она начиналась у скулы и уходила к подбородку, нарушая симметрию его лица. Это раздражало

меня гораздо сильнее, чем разгромленный зал. Дефект. Погрешность в пять баллов.

- У тебя кровь. - Сказала я, стараясь, чтобы голос звучал так же плоско, как его. - Ты портишь кадр. Красный на фоне этого серого пепла выглядит слишком театрально. Дешевая драма.

Тимур провел рукой по лицу, даже не поморщившись, когда пальцы коснулись раны. Он посмотрел на испачканные подушечки пальцев так, будто изучал химический состав жидкости.

- Железо и вода. - Коротко бросил он. - Ничего, что нельзя было бы отмыть. В отличие от твоих планов на "идеальное торжество".

- Идем в медпункт. - Я развернулась на пятках, чувствуя, как напряглись икры. - Усадьба должна соответствовать протоколу безопасности. Если ты умрешь от заражения крови прямо на моем объекте, это создаст ненужную бумажную волокиту.

Он усмехнулся. Это была не добрая усмешка, а короткий, сухой выброс воздуха через ноздри. Мы шли по коридору, и я ловила ритм его шагов. Он шел тяжело, с пятки, в то время как я привычно пружинила, едва касаясь паркета. Наше движение было асинхронным, и это вызывало у меня физический дискомфорт, похожий на легкую тошноту при морской болезни.

Медпункт усадьбы располагался в северном крыле. Архи-

текстура здесь менялась: высокие потолки с лепниной уступали место функциональному минимализму. Белая плитка, холодный свет люминесцентных ламп, которые гудели на грани слышимости. Я зашла первой и начала открывать шкафчики, ища аптечку. Внутри все было расставлено по алфавиту - единственное место в этом хаосе, которое не вызывало у меня желания немедленно все переделать.

- Садись на кушетку. - Скомандовала я, доставая флакон с антисептиком и стерильные салфетки.

Тимур не двинулся с места. Он стоял у окна, заложив руки в карманы брюк, и смотрел на внутренний двор, где рабочие уже начинали убирать мусор. Его силуэт ломал прямоугольник окна, создавая ненужный визуальный шум.

- Я сказал, сядь. - Повторила я, делая шаг к нему. - Или мне нужно вызвать охрану, чтобы они зафиксировали твой корпус.

Он медленно повернулся. Его глаза были цвета застывшего бетона. Никакой искры, никакой рефлексии.

- Ты любишь контролировать процессы, Эмилия. - Его голос был тихим, но заполнял все пространство комнаты. - Это твоя форма эскапизма. Пока ты мажешь царапину, тебе кажется, что ты управляешь ситуацией. Но ситуация управляет тобой с того момента, как ты переступила порог этой усадьбы.

- Сядь. - Я проигнорировала его выпад, хотя внутри все сжалось в тугий узел.

Это было ощущение перед сложным элементом на бревне: когда ты знаешь, что можешь упасть, и твое тело уже готовится к удару, группируясь заранее. Тимур наконец подчинился. Он сел на край кушетки, и она жалобно скрипнула под его весом. Я подошла вплотную. Слишком близко. В пространстве между нами повис запах его парфюма - что-то древесное, холодное, с нотой старой бумаги - и запах гари, принесенный из зала.

Я смочила салфетку антисептиком. Мои пальцы коснулись его кожи. Она была горячей, вопреки общему впечатлению холода, которое он транслировал. Я начала обрабатывать рану, двигаясь от краев к центру, методично, как учили на курсах первой помощи, которые я прошла только ради того, чтобы в папке проекта была еще одна галочка "безопасность".

- Ты дышишь слишком поверхностно. - Вдруг сказал он.

Я замерла. Моя рука с салфеткой находилась в паре сантиметров от его губ.

- Что. - Это был не вопрос, а выдох.

- Верхнее грудное дыхание. Признак стресса или попытки скрыть страх. У тебя плечи подняты на два миллиметра выше нормы. Ты зажата, как пружина в дешевом матрасе.

Я заставила себя опустить плечи. Мышцы отозвались тупой болью в районе шестого позвонка. Контроль. Мне нужен был абсолютный контроль над каждой клеткой своего тела. Я не имела права на люфт.

- Я просто оцениваю масштаб ущерба. - Я снова приложила салфетку к его щеке. - Царапина глубокая. Останется шрам, если не обработать правильно. Шрам - это нарушение текстуры. Это навсегда испорченный портрет.

- Портрет и так был не идеален. - Тимур смотрел прямо на меня.

Его взгляд не блуждал по моему лицу, он был сфокусирован на моих глазах с какой-то пугающей интенсивностью. В этом не было романтического подтекста, который обычно описывают в дешевых романах. Это был взгляд энтомолога, приколовшего бабочку к пробковой доске и наблюдающего за тем, как затихает трепет ее крыльев.

- Почему ты так боишься неровностей. - Спросил он, и в его голосе прорезалась та самая рваная атака, о которой я знала. - Твои свадьбы - это глянцевые надгробия. Ты берешь двух людей, которые, скорее всего, возненавидят друг друга через три года, и заворачиваешь их в фатин и шелк. Ты создаешь идеальную картинку, чтобы они могли забыть о том, что они - всего лишь биологический мусор с набором гормональных сбоев.

Я почувствовала, как пальцы сжали салфетку сильнее.

- Это не мусор. - Мой голос прозвучал резче, чем я планировала. - Это форма. Форма первична. Если ты можешь создать безупречный фасад, ты даешь людям шанс дотянуться до него. Если вокруг них будет красота и порядок, они сами станут лучше. Это как в гимнастике: если ты натягиваешь

носок, всё твоё тело выстраивается в линию. Ты не можешь совершить ошибку, когда ты в идеальной позиции.

- Чушь. - Он резко перехватил мою руку.

Его пальцы сомкнулись на моем запястье. Хватка была сухой и жесткой. Я не дернулась - это было бы признанием поражения. Я просто замерла, глядя на то, как его большой палец лежит на моей пульсирующей вене. И тут я это заметила.

Его рука дрожала.

Это было едва уловимое, микроскопическое колебание, которое передалось мне через контакт кожа к коже. Тимур, этот человек-скальпель, этот ледяной циник, который только что препарировал мою профессиональную этику, испытывал тремор. Это не был страх. Это было что-то другое, глубокое, физиологическое, идущее из самых низов его нервной системы.

Я посмотрела на его лицо. Оно оставалось неподвижной маской. Ни один мускул не дрогнул, челюсть была плотно сжата, глаза холодны. Но рука... рука выдавала системный сбой.

- У тебя низкий уровень сахара. - Сказала я, пытаюсь найти логическое объяснение. - Или шок после взрыва. Твоё тело реагирует на стресс быстрее, чем твой мозг успевает его обработать.

- Мое тело реагирует на это место. - Он отпустил мою руку так резко, будто она была раскаленной.

Он встал, и я невольно сделала шаг назад, восстанавливая

дистанцию. Пропорции комнаты снова исказились. Он был слишком большим для этого стерильного пространства.

- Ты думаешь, я выкупил эту усадьбу, чтобы устраивать здесь балы. - Он заговорил быстро, глаголы падали, как камни. - Я выкупил ее, чтобы уничтожить память. Каждый раз, когда я вхожу в этот холл, я чувствую запах тех лилий, которые стояли здесь тридцать лет назад. Мой отец стоял на том самом месте, где ты сегодня собирала осколки, и клялся моей матери в вечности. Он использовал самые красивые слова, Эмилия. Его "форма" была безупречна. Его галстук был завязан идеальным узлом, а спина была такой прямой, что тебе бы понравилось.

Он подошел к шкафчику и с грохотом закрыл дверцу, которую я оставила приоткрытой. Звук удара металла о металл отозвался в моих зубах.

- А в кармане у него лежал контракт на передачу этой самой усадьбы любовнице. - Продолжил Тимур, оборачиваясь. - Он подписывал его той же ручкой, которой расписывался в свидетельстве о браке. Любовь - это юридическая уловка. Эстетика - это смазка, чтобы нож входил легче. Ты продаешь людям эту смазку, и ты злишься на меня за то, что я называю вещи своими именами.

Я стояла, прижав руки к бедрам, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Моя травма "идеальной витрины" отзывалась внутри глухим эхом. Я видела это тысячи раз: за закрытыми дверями моих клиентов происходили те же самые ве-

щи. Я знала, что невеста в платье за сорок тысяч евро будет плакать в туалете через час после банкета, потому что жених перебрал с виски и назвал её именем бывшей. Но пока я контролировала свет, пока салфетки лежали под углом сорок пять градусов, пока оркестр вступал вовремя - мир был в безопасности.

- Я не продаю смазку. - Сказала я, глядя ему в переносицу.
- Я продаю порядок. Мир - это хаос, Тимур. Люди - это хаос. Если не фиксировать их в моменты высшего эстетического напряжения, они просто рассыплются. Твой отец был уродом не потому, что любил форму, а потому, что его содержание не соответствовало этой форме. Я же добиваюсь того, чтобы на один вечер, на один чертов день, всё было по-настоящему. Идеально по-настоящему.

- По-настоящему идеально не бывает. - Он снова сократил расстояние.

Теперь я видела каждую пору на его коже, каждую мелкую морщинку в углах глаз. Его лицо было картой боли, которую он так тщательно пытался скрыть за цинизмом.

- Твоя царапина. - Я указала на его щеку. - Она перестала кровить. Но она оставит след. Ты это понимаешь.

- Шрамы от этой усадьбы у меня гораздо глубже, чем эта царапина, Эмилия. - Его голос стал тихим, почти нежным в своей жестокости. - Ты пытаешься заклеить пластырем открытый перелом. Ты видишь трещину на моем лице, но ты не видишь, что всё это здание - одна сплошная трещина.

Он протянул руку и коснулся пряди моих волос, которая выбилась из идеального пучка. Его пальцы все еще слегка подрагивали. Это прикосновение было нарушением всех границ, актом агрессии и одновременно - странной, изломанной близости.

- Твой фасад держится на честном слове. - Прошептал он.
- Как и твоя уверенность в том, что ты можешь всё исправить. Однажды ты проснешься и поймешь, что симметрии не существует. Есть только энтропия. И в этот день ты либо сойдешь с ума, либо...

- Либо что. - Я не отвела взгляда. Мое тело было как натянутая струна, готовая лопнуть.

- Либо ты наконец станешь живой. А живые люди не всегда красивы в кадре. Они потеют, они ошибаются, они кричат от боли и они пачкают паркет кровью.

Он отстранился так резко, будто его ударило током. В эту секунду он снова стал тем самым Тимуром, которого я знала - эффективным, холодным, лишенным эпитетов. Он поправил пиджак, восстанавливая свою собственную геометрию.

- У тебя есть сорок восемь часов, чтобы привести зал в порядок. - Сказал он, уже направляясь к выходу. - Если через двое суток я увижу хоть одну пылинку или хоть один кривой стул, я аннулирую контракт без выплаты неустойки. Мне плевать на твои теории о порядке. Мне нужен результат, за который я заплатил.

Он вышел, не оглядываясь. Дверь медленно закрылась, и

в наступившей тишине я снова услышала гудение ламп.

Мои ноги внезапно стали ватными. Я опустилась на ту самую кушетку, где только что сидел он. Она еще хранила тепло его тела. Я посмотрела на свои руки. Они были спокойны. Идеально спокойны. Но внутри меня что-то сдвинулось. Как будто в сложной мозаике, которую я собирала годами, один фрагмент оказался не из того набора. Он не подходил по цвету, он нарушал узор, и сколько бы я ни пыталась его пристроить, он выпирал, царапая мне пальцы.

Его дрожащие руки. Его ненависть к лилиям. Его шрамы. Я встала и подошла к зеркалу над раковиной. Мое отражение было безупречным: ни одного лишнего волоска, кожа матовая, глаза ясные. Но я видела то, что не увидел бы никто другой. Маленькая морщинка между бровями. Напряжение в челюсти.

Я вспомнила свое последнее выступление на чемпионате. Я стояла на краю ковра, и у меня так же дрожали руки. Тренер тогда сказала мне: "Спрячь это внутрь. Если судьи увидят твой страх, они вычтут баллы за артистизм. Ты - машина. Ты - чистая функция".

Я была машиной. Я была чистой функцией. Но Тимур только что заглянул под капот и увидел там перегоревшие предохранители.

Я вышла из медпункта и направилась обратно в зал. Мне нужно было работать. Труд - это лучшая форма диссоциации. Я буду проверять оттенок салфеток. Я буду калибровать

свет. Я буду требовать от подрядчиков невозможного.

В коридоре я столкнулась с Леной, моей ассистенткой. Она выглядела так, будто только что пережила апокалипсис: волосы растрепаны, блокнот прижат к груди, в глазах - паника.

- Эмилия, там... там декораторы говорят, что не успеют восстановить арку. Хрусталь заказывали в Италии, доставка займет неделю...

Я остановилась. Я посмотрела на Лену так, будто она была дефектом на пленке.

- Лена, - мой голос был ровным и холодным, как лед в бокале виски. - У нас нет недели. У нас есть сорок восемь часов. Звони в Чехию. Звони местным стеклодувам. Найди способ. Если нужно - склей осколки вручную. Но арка будет стоять. И она будет лучше, чем была.

- Но это невозможно... - пробормотала она.

- Слово "невозможно" - это признак плохой композиции.

- Я прошла мимо нее, даже не задев плечом. - Исправь это.

Я вернулась в зал. Свет уже изменился - солнце ушло выше, и теперь тени были длинными и резкими. Я встала в центре, там, где стоял Тимур. Под моими ногами хрустнуло стекло.

Я начала собирать осколки. Методично. Один за другим.

Мой внутренний критик молчал. Вместо него в голове пульсировала только одна мысль: его руки дрожали. Он не просто циник. Он раненый зверь, который пытается загрызть

любого, кто подойдет слишком близко к его шрамам. И я только что подошла на расстояние удара.

Я подняла крупный осколок хрусталя. Он был острым и прозрачным. В его гранях отражался разрушенный зал, искаженный и многократный. Я увидела в нем себя - маленькую, хрупкую фигуру на фоне огромного хаоса.

Это был идеальный кадр.

Я знала, что эта свадьба станет моим шедевром. Не потому, что она будет самой красивой. А потому, что она будет единственной, в которой под слоем золотой пыли будет биться живое, испуганное сердце. Мое или его - я еще не знала.

Я чувствовала, как в позвоночнике нарастает привычное напряжение. L4-L5. Моя точка опоры. Я выпрямилась, заставляя себя дышать животом, глубоко и медленно.

Тимур хотел правды. Он хотел увидеть, как мой фасад рухнет. Что ж, он получит свою правду. Но она будет подана на серебряном подносе, при идеальном освещении и под звуки скрипичного квартета.

Я достала телефон и набрала номер главного флориста.

- Отменяй розы. - Сказала я, глядя на то место, где на полу осталось пятно крови Тимура. - Мне нужны лилии. Белые лилии. Много. Столько, чтобы запах заполнил всё пространство до самого потолка.

- Но Эмилия, вы же говорили, что лилии - это слишком... слишком тяжело для этой концепции. - Голос флориста был

полон недоумения.

- Концепция изменилась. - Я отключила вызов.

Это была война. Моя эстетика против его боли. Мой порядок против его разрушения. И я не собиралась проигрывать эту партию, даже если в конце мне придется собирать себя по частям, как ту разбитую арку.

Я снова посмотрела на пятно на полу. Оно уже подсохло и потемнело. Оно было несимметричным. Оно портило ритм паркета.

Я достала из сумочки влажную салфетку, опустилась на колени - спина прямая, таз на пятках, идеальная поза для растяжки - и начала стирать кровь. Движение за движением. Ритмично. Контролируемо.

Я не плакала. Гимнастки не плачут, когда им больно. Они просто делают еще один подход. И еще один. Пока движение не станет совершенным.

Когда я закончила, пол был чист. Но я все еще видела это пятно. Оно отпечаталось в моей сетчатке, в моей мышечной памяти. Как и дрожь его рук.

Я встала, чувствуя, как затекла левая нога. Это было хорошо. Боль помогала фокусироваться.

- Ну что, Тимур. - Прошептала я в пустоту зала. - Посмотрим, кто из нас первым не выдержит эту экспозицию.

Я знала, что он где-то там, за этими стенами, в своем кабинете из холодного камня и юридических терминов. И я знала, что он тоже чувствует эту трещину. Она прошла пря-

мо между нами, раскалывая мир на "до" и "после".

Я подошла к окну и приложила лоб к холодному стеклу. Снаружи мир продолжал существовать в своем несовершенном виде. Птицы летали несинхронно, деревья росли криво, облака не соблюдали пропорции золотого сечения. Это было невыносимо.

Но здесь, внутри усадьбы, я собиралась создать свою реальность. Реальность, в которой боль будет упакована в идеальный дизайн, а страх станет частью перформанса.

Я достала свой планшет и начала набрасывать новую схему расстановки столов. Линии выходили резкими, агрессивными. Никаких кругов. Только острые углы. Только жесткая перспектива.

Мой палец скользнул по экрану, оставляя тонкий след. Я вспомнила, как Тимур отстранился в медпункте. Это было похоже на прыжок назад, на безопасную дистанцию. Он боялся. Не меня, нет. Он боялся того, что я увидела его настоящего. Без скальпеля в руках. Без брони из цинизма.

И это знание было моим самым мощным оружием.

Я буду использовать его так же, как использую свет и цвет. Я буду направлять прожекторы на его слабые места, пока он не ослепнет от собственной правды. Или пока я не ослепну вместе с ним.

В зале снова появились рабочие. Они начали выносить мусор, и звук их голосов разрушил мою изоляцию.

- Эмилия Сергеевна, куда эти ящики. - Спросил один из

них, указывая на груду обгоревшего дерева.

- В утиль. - Я не повернула головы. - Всё, что имеет дефекты - в утиль. Мы строим всё заново. С нулевой отметки.

Он кивнул и ушел. Я осталась стоять, глядя на свои руки. Они были спокойны. Но я знала, что это спокойствие - всего лишь грим. Качественный, дорогой грим, под которым скрывается то самое уродство, которого я так боялась всю жизнь.

Трещина была не в усадьбе. И не в Тимуре. Она была во мне. И сегодня, в этом холодном медпункте, она впервые стала видна невооруженным глазом.

Я закрыла глаза и представила себе идеальную симметрию. Линия горизонта. Вертикаль позвоночника. Центр тяжести.

Всё было на месте. Но почему-то мне казалось, что я падаю. И в этом падении не было никакой грации. Только страх и запах лилий, которые скоро заполнят этот дом до самого предела.

Я сделала глубокий вдох. Грудная клетка расширилась, причиняя почти физическую боль в зажатых мышцах.

Сорок восемь часов.

Таймер запущен.

И на этот раз я не просто организатор. Я участник эксперимента, в котором правила меняются прямо по ходу игры.

Тимур думал, что он купил это место, чтобы уничтожить память. Он ошибался. Он купил его, чтобы снова пережить всё то, от чего бежал. И я собиралась стать его проводником

в этом аду. Но в моем аду всё будет выглядеть безупречно.

Я развернулась и пошла к выходу из зала. Каждый мой шаг был выверен. Каждое движение было частью композиции. Я была Эмилией. И я только что поняла, что шрамы - это тоже форма. И, возможно, это единственная форма, которая не врет.

Я вышла на крыльцо. Ветер ударил мне в лицо, принося запах хвои и влажной земли. Я посмотрела на небо. Оно было слишком огромным и несимметричным. Но впервые за долгое время это не вызвало у меня желания отвернуться.

Я ждала встречи с Тимуром. Не как с врагом или клиентом. А как с зеркалом, в котором я наконец увидела свою собственную трещину. И она была прекрасна в своем уродстве.

Я достала телефон и удалила файл с первоначальной смесью. На пустом экране я написала только одно слово: "Правда".

И нажала "сохранить".

ГЛАВА 9: Бюрократический балет

Здание суда встретило меня запахом старой бумаги, дешевой хлорки и того специфического потного отчаяния, которое не выветривается даже после генеральной уборки. Если бы я проектировала это пространство, я бы начала с того, что снесла бы эти массивные, давящие на психику колонны. Они имитируют величие, но на деле лишь создают лишние тени, в которых удобно прятать неудобные факты. Моя спина автоматически выпрямилась. Когда я прохожу через рамку металлоискателя, я чувствую каждый позвонок. Это не гордость, это мышечный корсет, вбитый в меня годами тренировок. Копчик чуть подвернут, плечи опущены, макушка тянется вверх. В гимнастике это называется базовой стойкой, в жизни - способом не рассыпаться на куски, когда вокруг все слишком несимметрично.

Зал номер сорок два. Я нашла его по звуку: гул голосов, шарканье ног по линолеуму, который давно пора заменить. Линолеум в государственных учреждениях всегда выглядит так, будто по нему волокли тела всех проигравших дела за последние тридцать лет. Я зашла внутрь и села на последнюю скамью. Дерево было холодным и жестким. Идеально. Мягкие кресла расслабляют бдительность, а мне сейчас нужно было быть натянутой струной.

Тимур стоял у судейского стола. Я увидела его со спины и

тут же начала вычитать баллы. Галстук затянут слишком туго - минус ноль целых пять десятых за излишнюю агрессию в образе. Вес перенесен на левую ногу - нарушение центровки. Но то, как он держал папку с документами, было безупречно. Это была хватка хищника, который точно знает, в какую артерию нужно вонзить зубы.

Я пришла сюда не потому, что мне было интересно дело о разделе имущества какого-то там олигарха. Я пришла посмотреть, как работает механизм, который решил разобрать мою жизнь на запчасти. Тимур в зале суда - это не тот человек, который спорит со мной об оттенках кремового или расположении цветочных композиций в усадьбе. Здесь он был в своей стихии. Здесь не было места для эстетики, здесь царила голая, высушенная до костей логика.

- Ваша честь, - его голос прозвучал низко, резонируя в пустом пространстве зала. - Позвольте обратить внимание на пункт четыре дополнения к контракту. Моя клиентка не просто подписала документ, она сделала это в условиях, которые мы можем квалифицировать как психологическое давление.

Я закрыла глаза на секунду, представляя его слова как серию прыжков на бревне. Фляк, темповое, сальто. Все четко, без лишних движений. Он не использовал эпитетов. Никаких "бедных женщин" или "жестоких мужей". Только факты, даты, номера статей. Это был сухой, математический танец. Он деконструировал чужой брак так же легко, как я деконструирую свадебную смету.

Для него любовь - это юридическая ошибка. Опечатка в договоре, которую нужно исправить. Глядя на его затылок, я чувствовала, как во мне закипает профессиональное раздражение. Как можно быть таким... плоским? В его мире нет перспективы, только плоскость листа формата А4. Он видел в людях переменные, я видела в них композицию. Его задача - свести баланс к нулю, моя - создать иллюзию бесконечности.

Тимур повернулся в профиль, чтобы передать бумагу секретарю. Свет из высокого окна упал на его лицо, подчеркивая резкую линию челюсти. В этом было что-то неправильное. Слишком много острых углов. Если бы я выставляла свет для этого кадра, я бы добавила мягкий контровой, чтобы хоть немного сгладить эту беспощадную симметрию. Он выглядел как ожившая статуя из тех, что ставят на кладбищах: красиво, дорого и абсолютно мертво.

- Истец утверждает, что усадьба является совместно нажитым имуществом, - продолжал он, и я почувствовала, как пальцы вцепились в край скамьи. Слово "усадьба" отозвалось в моем теле коротким спазмом в районе диафрагмы. - Однако, если мы посмотрим на происхождение средств, мы увидим цепочку офшорных счетов, открытых за три года до заключения брака.

Он говорил о чужой усадьбе, но я слышала в его голосе приговор своей. Нашей. Той, где я пыталась выстроить свой идеальный мир из шелка и живых цветов. Для него это зда-

ние - не храм обещаний, а актив. Или пассив. В зависимости от того, с какой стороны баррикад он находится.

Я вспомнила, как он смотрел на меня в усадьбе. Тот взгляд не вписывался в его текущую роль. В суде он был скальпелем, а там... там он был человеком, который нашел в своем идеально отлаженном механизме лишнюю деталь и не знал, что с ней делать: выбросить или попытаться встроить в систему.

В какой-то момент Тимур замолчал. Наступила та самая тяжелая пауза, которую он использовал как оружие. Адвокат противной стороны - грузный мужчина в плохо сидящем пиджаке (минус полтора балла за силуэт) - начал суетливо рыться в бумагах. Тимур не торопил его. Он просто стоял, глядя в пустоту перед собой. И в этот момент он медленно, словно подчиняясь какому-то внутреннему радару, повернул голову в сторону галерки.

Наши взгляды встретились.

Это длилось не больше секунды. Но в этой секунде было столько визуального шума, что у меня закружилась голова. Его зрачки на мгновение расширились, ломая привычную геометрию радужки. Он сбился. Его следующая фраза - "Согласно акту сверки..." - прозвучала чуть тише, чем следовало. Он потерял натяжение. Это было как касание снаряда при соскоке. Мелкая ошибка, которую заметит только профессиональный судья, но для него это был крах.

Я видела, как он на секунду сжал челюсти так сильно, что

на щеках проступили желваки. Он злился. На меня за то, что я здесь. На себя за то, что отреагировал. Я почувствовала странное, почти физическое удовлетворение. Мой "визуальный шум" оказался сильнее его "юридической чистоты".

Я встала и тихо вышла из зала, не дожидаясь окончания заседания. Мне не нужно было знать результат. Я уже увидела то, за чем пришла: трещину в его броне.

Коридор суда казался бесконечным туннелем. Я шла, концентрируясь на звуке своих каблуков. Цок. Цок. Цок. Ритм три четверти. Вальс на пепелище. Мой мозг уже начал обрабатывать информацию, превращая увиденное в план действий. Если Тимур боится иррациональности, значит, я должна стать максимально иррациональной. Я должна превратить наше сотрудничество в хаос, упакованный в идеальную обертку.

На выходе из здания меня догнал ветер. Он был бесцеремонным, растрепал мои волосы, которые я так тщательно укладывала утром. Я потянулась к сумке, чтобы достать зеркало, но остановилась. К черту. Пусть будет легкая асимметрия.

У ступенек стоял курьер. Он выглядел как типичный представитель своей профессии: кепка, надвинутая на глаза, велосипед, прислоненный к парапету, и выражение лица человека, который видел слишком много чужих тайн, запечатанных в конверты.

- Эмилия Верес? - спросил он, не глядя на меня.

- Да, это я.

Он протянул мне плотный конверт из крафтовой бумаги. Никаких опознавательных знаков, кроме моего имени, написанного каллиграфическим почерком, который я теперь узнала бы из тысячи. Этот почерк был как кардиограмма серийного убийцы - слишком ровный, слишком правильный.

Я взяла конверт. Пальцы ощутили тяжесть бумаги. Это не был рекламный буклет или приглашение на очередную пафосную вечеринку. Это было что-то официальное и окончательное.

Я не стала открывать его сразу. Я дошла до своей машины, села за руль и несколько минут просто смотрела на приборную панель. В салоне пахло моим парфюмом - смесью цитруса и холодного металла. Этот запах обычно помогал мне собраться, но сейчас он казался слишком слабым.

Когда я наконец вскрыла конверт, внутри оказалось предписание. Официальное уведомление о расторжении договора аренды офисного помещения в усадьбе. Срок - семь дней. Причина - "техническая непригодность помещения для дальнейшей эксплуатации".

Я рассмеялась. Громко, до боли в горле. Это было так в его стиле. Не сказать в лицо, не договориться, а просто прислать бумажку, подписанную сухим юридическим языком. "Техническая непригодность". Он имел в виду меня. Это я была технически непригодна для его мира. Я была тем дефектом в конструкции, который угрожал обрушить все зда-

ние его цинизма.

Я посмотрела на здание суда. Тимур, вероятно, все еще был там, добивал своего оппонента, не подозревая, что я уже держу в руках его "подарок". Он думал, что этот ход выбьет меня из равновесия. Он забыл, что гимнастки тренируются на бревне шириной в десять сантиметров. Нас невозможно свалить простым толчком.

Мои мысли начали лихорадочно выстраивать новую композицию. Офис в усадьбе был моим центром тяжести. Если его убрать, вся конструкция моей жизни могла повалиться. Но я не позволю. Я сделаю этот переезд частью шоу.

Я достала телефон и набрала номер своей помощницы, Лены.

- Лена, привет. У нас внеплановое упражнение. Начинать искать лофт. Минимум двести квадратов, высокие потолки, открытые балки. Никакого классицизма, никакой усадебной эстетики. Мне нужно что-то, что выглядит как стройплощадка или анатомический театр.

- Эмилия, что случилось? - голос Лены дрожал от недоумения. - У нас же завтра встреча с флористами в усадьбе...

- Встреча будет. Но не там. И передай всем: мы меняем концепцию свадьбы Тимура. Больше никаких лилий и нежных оттенков. Мы будем делать "Деконструкцию".

Я нажала отбой. Мое тело пело. Это было то самое чувство перед сложным прыжком, когда страх превращается в чистый адреналин. Тимур хотел бюрократической войны? Он

ее получит. Но я буду воевать не параграфами, а образами.

Я завела двигатель. Машина плавно тронулась с места. Проезжая мимо центрального входа в суд, я увидела, как Тимур выходит на крыльцо. Он остановился, поправляя манжеты рубашки. Он выглядел победителем. Я притормозила на секунду, чтобы он мог меня заметить. Наши взгляды снова встретились через лобовое стекло. Я не улыбалась. Я просто смотрела на него, запоминая этот кадр: мужчина в дорогом костюме на фоне уродливого здания, уверенный в своей непогрешимости.

Я нажала на газ, оставляя его позади. В зеркале заднего вида его фигура становилась все меньше, пока не превратилась в крошечную черную точку на сером фоне.

Весь остаток дня я провела в состоянии измененного сознания. Я не ела, не пила, только бесконечно листала референсы и делала наброски. Мой блокнот заполнялся рваными линиями, черными пятнами и схемами, которые больше напоминали чертежи пыточных инструментов, чем свадебный декор.

"Техническая непригодность". Эта фраза крутилась в голове, как заевшая пластинка. Тимур думал, что может просто вычеркнуть меня из уравнения. Он не понимал, что я и есть это уравнение. Без меня его усадьба - просто груда старых кирпичей с плохой историей.

К вечеру я приехала к усадьбе. Она стояла в сумерках, окутанная туманом, как декорация к готическому роману. Я

вышла из машины и пошла по гравийной дорожке. Каждый шаг отдавался хрустом, который в тишине казался оглушительным.

Я зашла в свой офис. Здесь все еще пахло дорогими свечами и свежесрезанными цветами. Мой идеально выверенный мир. На столе лежала та самая смета с одним словом "Правда". Я взяла ее в руки и медленно разорвала пополам. Затем еще раз. И еще. Мелкие кусочки бумаги посыпались на ковер, как искусственный снег.

Это было красиво. Разрушение всегда обладает своей специфической эстетикой. В нем больше жизни, чем в самом безупречном порядке.

Я подошла к окну. Вдалеке, на другом конце парка, светило окно кабинета Тимура. Он был там. Работал над своими контрактами, выстраивал свои логические ловушки. Я прижалась лбом к холодному стеклу. Мои мышцы ныли от напряжения. В гимнастике есть момент, когда ты находишься в высшей точке прыжка - мгновение невесомости, прежде чем гравитация швырнет тебя вниз. Сейчас я была именно в этой точке.

Я знала, что завтра он придет сюда. Он будет ждать слез, просьб о продлении аренды или хотя бы возмущения. Он получит нечто совсем другое.

Я начала собирать вещи. Но я не просто упаковывала коробки. Я создавала инсталляцию. Я оставляла пустые рамы от картин на стенах, я сдвинула мебель в центр комнаты, со-

здав хаотичную пирамиду. Я вылила воду из ваз прямо на пол, чтобы на паркете остались некрасивые темные пятна.

Это был мой ответ на его предписание. Мой бюрократический балет.

Когда я закончила, офис выглядел так, будто в нем произошёл тихий взрыв. Или затяжной приступ безумия. Я вышла, не оборачиваясь, и закрыла дверь на ключ. Ключ я оставила в замке.

Садясь в машину, я почувствовала странную легкость в позвоночнике. Как будто я наконец-то сбросила лишний вес, который мешал мне двигаться. Тимур хотел видеть изнанку? Я покажу ему такую изнанку, от которой его юридический мозг вскипит.

Я ехала по ночному шоссе, и огни встречных машин сливались в длинные, размытые линии. Мой внутренний критик молчал. Впервые за долгое время я не считала баллы. Я просто была.

Усадьба осталась позади, скрытая тьмой и моими собственными иллюзиями. Я понимала, что это только начало. Наше столкновение в суде было лишь разведкой боем. Теперь начиналась настоящая игра, где правилами были отсутствие всяких правил.

Тимур думал, что он контролирует пространство, потому что владеет землей. Он ошибался. Пространством владеет тот, кто задает его смысл. И я собиралась переписать смысл его жизни так же решительно, как я переписывала сценарии

свадеб для капризных невест.

Я вспомнила его взгляд в зале суда. Тот секундный сбой в программе. Это было мое самое большое достижение за сегодня. Я заставила его почувствовать что-то, что не укладывалось в его параграфы. И это "что-то" явно его пугало.

Дома я не легла спать. Я открыла ноутбук и начала писать письмо всем подрядчикам. Мой палец завис над кнопкой "Отправить". Это был прыжок в неизвестность. Без страховки. Без матов. Только я и твердый пол реальности.

Я нажала кнопку.

В этот момент телефон на тумбочке завибрировал. Сообщение от неизвестного номера. Хотя я знала, чей это номер, еще до того, как открыла текст.

"Надеюсь, конверт дошел до адресата. Ничего личного, Эмилия. Только оптимизация активов".

Я усмехнулась. Он все еще пытался прикрыться терминами. Оптимизация активов. Как мило.

Я набрала ответ:

"Оптимизация - это скучно, Тимур. Я предпочитаю полную ликвидацию. Жду тебя завтра в офисе. Принеси с собой зонт. Там возможны осадки".

Я отложила телефон и наконец-то почувствовала, как усталость накрывает меня тяжелой волной. Но это была приятная усталость. Мое тело, привыкшее к борьбе за каждый миллиметр траектории, теперь расслабилось. Я заснула с ощущением, что мой центр тяжести наконец-то находится

там, где ему и положено - внутри меня, а не в стенах старой усадьбы.

Завтра будет новый день. Новый кадр. Новая композиция. И в этой композиции Тимуру отведена роль, о которой он даже не догадывается. Он будет не зрителем и не судьей. Он будет моим главным снарядом. И я выполню на нем свою самую сложную программу.

Я закрыла глаза, и перед моим внутренним взором поплыли чертежи, графики и его лицо, искаженное секундным сомнением. Это был идеальный монтаж.

В темноте спальни я прошептала одно слово:

- Ап.

Как команда к началу выступления. Как выстрел стартового пистолета. Бюрократический балет начался, и я не собиралась уступать сцену никому.

Утром я проснулась раньше будильника. Тело было легким, как у первокурсницы перед первым зачетом по хореографии. Я выбрала самый строгий костюм - черный, с острыми лацканами. Никаких украшений. Только часы на запястье, отсчитывающие время до нашей встречи.

Дорога до усадьбы заняла меньше времени, чем обычно. Я летела, игнорируя светофоры, когда это было безопасно. В моей голове уже сложилась мизансцена.

Когда я подъехала к воротам, я увидела машину Тимура. Он уже был здесь. Пунктуальность - еще одна его черта, которую я собиралась использовать против него. Он ждал ме-

ня у входа в мой бывший офис, прислонившись к колонне. В руках у него действительно был зонт. Черный, складной, безупречный.

- Ты быстро учишься, - сказала я, выходя из машины.

Он посмотрел на меня, и я увидела, что он не спал. Под глазами залегли тени, которые не смог скрыть даже его профессиональный лоск.

- Я не люблю неопределенности, Эмилия. Твое сообщение про осадки звучало как угроза порчи имущества.

- Это была не угроза. Это был прогноз погоды.

Я подошла к двери и толкнула ее. Она не была заперта - я специально оставила ее открытой.

Тимур зашел следом за мной и остановился как вкопанный. Я наблюдала за его реакцией с эстетическим восторгом. Его взгляд метался по комнате, пытаясь найти хоть одну привычную линию. Но их не было. Был только хаос, возведенный в абсолют.

- Что ты сделала? - его голос стал тихим, почти шепотом.

- Я провела оптимизацию, - я пожала плечами. - Раз это помещение технически непригодно, я решила привести его эстетическое состояние в соответствие с документами. Разве не этого ты хотел, Тимур? Соответствия формы и содержания?

Он подошел к горе мебели в центре комнаты. Его рука потянулась к ножке перевернутого стула, но он тут же отдернул ее, словно обжегся.

- Это ребячество, - он наконец обрел свой обычный тон, но в нем проскальзывали нервные нотки. - Ты ведешь себя как обиженный ребенок, которому не купили игрушку.

- Нет, Тимур. Я веду себя как художник, которому закрыли мастерскую. Ты думал, что можешь просто выставить меня за дверь и все останется по-прежнему? Ты хотел правды? Вот она. Без грима, без декораций, без твоих юридических уловок.

Я подошла к нему вплотную. Между нами было не больше десяти сантиметров. Я чувствовала запах его одеколона - дорогой табак и холодная вода. Это был запах человека, который привык все контролировать.

- Ты боишься этого, - сказала я, глядя ему прямо в глаза. - Ты боишься того, что нельзя измерить деньгами или статьями кодекса. Ты боишься беспорядка, потому что в нем ты не можешь быть главным.

Он не отвел взгляд. Наоборот, он наклонился чуть ближе, так что я почувствовала его дыхание на своих губах.

- Я не боюсь беспорядка, Эмилия. Я его устранию. Это моя работа. И если ты думаешь, что эта инсталляция заставит меня передумать, ты плохо меня знаешь.

- О, я знаю тебя достаточно хорошо, чтобы понять: ты уже проиграл. Тот момент в суде... ты его помнишь. Ты сбился. Твой идеальный ритм нарушен. И теперь, что бы ты ни делал, ты будешь искать меня в каждой своей симметричной комнате. Ты будешь ждать, когда я снова сломаю твой кадр.

Он внезапно схватил меня за локоть. Хватка была жесткой, но не болезненной. Это был жест отчаяния, замаскированный под агрессию.

- Ты сумасшедшая, - выдохнул он.

- Нет. Я просто лучше тебя владею своим телом и своими чувствами. В гимнастике это называется контроль. А то, что делаешь ты - это просто зажим.

Я высвободила руку и сделала шаг назад. В этот момент сверху, с потолка, сорвалась капля воды и упала прямо на его безупречный ботинок. Затем еще одна. Труба, которую я намеренно "подлечила" вчера вечером, наконец-то дала течь.

Тимур посмотрел вниз, потом на потолок, потом на меня. В его глазах промелькнуло что-то похожее на восхищение, смешанное с ужасом.

- Осадки, - констатировал он.

- Я предупреждала.

Я развернулась и пошла к выходу. Мои шаги были легкими и уверенными. Я знала, что он смотрит мне в спину. Я знала, что этот образ - я, уходящая из разрушенного офиса под звуки капающей воды - останется с ним навсегда.

Это был мой лучший перформанс. Моя самая сложная связка. И я выполнила ее без единой ошибки.

Выйдя на крыльцо, я вдохнула полной грудью. Воздух был чистым и холодным. Усадьба больше не казалась мне тюрьмой или крепостью. Теперь это была просто площадка. Моя площадка.

Я села в машину и уехала, не оборачиваясь. У меня было много дел. Нужно было найти новый офис, перестроить концепцию свадьбы и, самое главное, подготовиться к следующему акту нашего балета.

Потому что теперь я точно знала: Тимур не просто мой враг или клиент. Он мой партнер в этом танце на острие ножа. И мы оба только что поняли, что падение неизбежно. Но если падать, то делать это нужно красиво. С идеальной осанкой и натянутыми носками.

В моем мире шрамы - это тоже форма. И сегодня я нанесла Тимуру его первый шрам. Он был прекрасен в своем уродстве, как и вся наша правда, которую мы так долго пытались скрыть под слоями дорогого грима.

Я нажала на газ, и дорога впереди расстелилась передо мной как бесконечная гимнастическая дорожка. И я была готова к любому прыжку.

ГЛАВА 10. План контрнаступления

Утро в усадьбе началось с того, что я заставила рабочих вытащить из фургона двенадцать ростовых зеркал в тяжелых рамах. Солнце стояло низко, на уровне десяти часов, и это был идеальный тайминг. В моем мире тайминг - это не просто цифры на циферблате, это точка невозврата для композиции. Если ты опаздываешь с прыжком на доли секунды, гравитация перестает быть твоим союзником и превращается в карателя. Я чувствовала это в каждом позвонке, выпрямляя спину так, будто на макушке у меня была закреплена невидимая леска, уходящая в холодное, выцветшее небо.

- Сюда, - я указала на сектор Б, правую часть партера, где гравийная дорожка изгибалась, нарушая идеальную симметрию газона. - Угол в сорок пять градусов. Нет, чуть левее. Еще. Стоп.

Рабочий в заляпанной робе посмотрел на меня как на умалишенную. Ему было плевать на преломление света. Для него зеркало было просто тяжелым куском амальгамы и стекла, который нужно дотащить из точки А в точку Б. Но для меня это был оптический заслон. План был прост и по-своему гениален в своей пассивной агрессии: я выстраивала каскад отражений так, чтобы каждый раз, когда Тимур решал выглянуть из своего кабинета на втором этаже, он получал концентрированный солнечный зайчик прямо в сетчат-

ку. Вспышка, пересвет, потеря фокуса. Я хотела, чтобы он физически не мог смотреть на то, как я хозяйничаю на его территории.

Мои икроножные мышцы привычно ныли. Это была старая, знакомая боль, остаток тех времен, когда каждый мой день измерялся количеством оборотов в фуэте и точностью приземления на бревно. Тело помнило контроль лучше, чем мозг. Даже сейчас, стоя на неустойчивом гравии, я автоматически сместила центр тяжести на переднюю часть стопы, чтобы в любой момент быть готовой к движению. В усадьбе было слишком много хаотичных линий: ветки старых лип лезли в кадр, облупившаяся лепнина на карнизе создавала ненужный визуальный шум. Тимур был главным элементом этого шума. Он был темным пятном, которое портило мою выверенную мизансцену.

Глеб приехал ровно в одиннадцать. Его машина - агрессивно-черный седан, чистый до неприличия - прорезала туман, как скальпель. Глеб вышел, поправляя манжеты. Я сразу заметила, что левая запонка сидит на миллиметр ниже правой. Этот дефект формы вызвал у меня мгновенный приступ легкой тошноты, похожий на морскую болезнь. Глеб был лучшим юристом по бракоразводным процессам и недружественным поглощениям, которого можно было купить за деньги, но его неспособность к абсолютной симметрии всегда меня раздражала.

- Эмилия, ты выглядишь так, будто собралась штурмовать

Бастилию, а не аннулировать договор аренды, - Глеб протянул мне руку, сухую и холодную.

- Я не штурмую, Глеб. Я восстанавливаю баланс. Посмотри на этот фасад. Тимур считает, что купив камни, он купил историю. Но история - это ритм. А он в нем не попадает ни в одну ноту.

Я посмотрела вверх. На втором этаже, за тяжелыми рамами окна, мелькнула тень. Тимур. Я знала, что он там. Он всегда там, как паук, который ждет, когда вибрация паутины сообщит ему о жертве. В этот момент солнце, отразившись от третьего зеркала в ряду, ударило точно в его окно. Я почти физически почувствовала, как этот световой удар заставил его зажмуриться. Очко в мою пользу. Чистое выполнение элемента, десять баллов от судей.

- Давай к делу, - Глеб открыл кожаную папку. - Я изучил бумаги по сделке. Тимур действовал быстро, я бы сказал, хищнически. Но в пункте о передаче прав на эксплуатацию прилегающих территорий есть лазейка. Он оформил это как обременение, а не как прямую собственность. Если мы докажем, что его деятельность наносит репутационный ущерб твоему агентству как якорному арендатору, мы сможем заморозить его право на перепланировку.

- Репутационный ущерб? - я иронично приподняла бровь. - Глеб, он превратил мою зону велком в филиал похоронного бюро. Он ходит здесь с таким лицом, будто у него в кармане не ключи от усадьбы, а ордер на мой арест. Это не просто

ущерб, это визуальное изнасилование концепции.

Мы медленно пошли по аллее. Я чувствовала на себе взгляд Тимура. Даже через зеркальный щит он умудрялся давить своим присутствием. Он был как низкочастотный гул, который не слышишь ушами, но чувствуешь диафрагмой. Мои мышцы спины затекли, я чувствовала каждый узел напряжения в районе лопаток. Нужно было сделать растяжку, но я не могла позволить себе слабость. Каждое мое движение здесь было частью перформанса.

- Нам нужны факты, Эмилия, а не твои рассуждения о золотом сечении, - Глеб остановился у фонтана, который не работал уже лет двадцать. - Судье плевать на то, что Тимур портит тебе перспективу. Мне нужно подтверждение того, что его присутствие мешает заключению новых контрактов. У тебя есть отказы?

Я замолчала. Внутри что-то неприятно сжалось, как при неудачном приземлении, когда стопа уходит в сторону. Отказы были. Три свадьбы на июль сорвались. Невесты хотели сказку, а не юридический триллер с угрюмым владельцем в главной роли. Но признать это вслух означало признать трещину в моем идеальном фасаде. Я всегда строила бизнес как крепость. Мои свадьбы были безупречны, потому что я контролировала все - от влажности салфеток до настроения официантов. Тимур был переменной, которую я не могла вычислить.

- Есть, - вытолкнула я из себя. Слово было горьким, как

пережженный кофе. - Три крупных клиента ушли к конкурентам. Они сказали, что атмосфера в усадьбе стала... тяжелой.

- Отлично, - Глеб что-то пометил в блокноте. - Тяжелая атмосфера - это субъективно, но три потерянных контракта - это конкретная сумма убытков. Мы выставим ему иск на компенсацию и потребуем обеспечительных мер. Мы заблокируем ему доступ в административный корпус.

В этот момент дверь террасы распахнулась. Тимур вышел на свет, щурясь от бликов, которые мои зеркала рассыпали по пространству. На нем была простая черная водолазка и брюки. Никаких пиджаков, никакого пафоса. Он выглядел как человек, который пришел на стройку, чтобы снести все к чертовой матери. Его движения были рваными, лишенными моей балетной плавности, но в них была пугающая эффективность. Он не тратил энергию на эстетику шага, он просто перемещался в пространстве, сокращая дистанцию.

- Эмилия, - его голос прозвучал низко, вибрируя в холодном воздухе. - Ты решила превратить мой сад в гардеробную комнату? Или это твой новый способ вызывать эпилепсию у окружающих?

Я выпрямилась еще сильнее, чувствуя, как позвонки щелкают, выстраиваясь в идеальную вертикаль.

- Это инсталляция, Тимур. Исследование света и тени. Тебе, как человеку, живущему в сумерках собственных обид, полезно увидеть немного солнца. Пусть и отраженного.

Тимур подошел ближе. Он проигнорировал Глеба, будто тот был деталью ландшафта, вроде того же неработающего фонтана. Его взгляд был направлен прямо на меня. Это был не тот взгляд, которым мужчины смотрят на женщин, и даже не тот, которым смотрят на врагов. Он смотрел так, будто проводил инвентаризацию моих страхов.

- Твой юрист выглядит дорого, - Тимур наконец удостоил Глеба коротким кивком. - Глеб Савченко, верно? Специалист по грязным разводам. Подходящий выбор для тебя, Эмилия. Ты ведь тоже профессионал в создании красивых картинок на месте руин.

- Мы здесь не для обмена любезностями, господин Волков, - Глеб попытался перехватить инициативу, сделав шаг вперед. - Моя клиентка намерена оспорить правомерность ваших действий по ограничению доступа к объектам инфраструктуры усадьбы. Мы подаем иск.

Тимур усмехнулся. Это была не улыбка, а просто короткое сокращение лицевых мышц, обнажившее зубы.

- Иск - это долго, - сказал он, глядя мне в глаза. - Иск - это скучно. Эмилия любит, чтобы все было быстро и эффектно, как ее прыжки в прошлом. Кстати, как твои колени? В такую сырую погоду они должны напоминать о себе.

Откуда он знал про колени? Моя правая чашечка отозвалась тупой, ноющей болью, будто он нажал на невидимую кнопку. Я не подавала виду. Мое лицо оставалось маской, над которой я работала годами. Никаких лишних эмоций, толь-

ко чистая форма.

- Мои колени в полном порядке, Тимур. Чего не скажешь о твоей правовой позиции. Ты купил усадьбу, но ты не купил меня. И ты не можешь просто вычеркнуть мое агентство из этого пространства. Это симбиоз. Без моих свадеб это место - просто груда старых кирпичей с плохой историей.

- О, история здесь отличная, - Тимур подошел к одному из зеркал и бесцеремонно развернул его, нарушая мой световой строй. Блик исчез. - Здесь всегда торговали иллюзиями. Мой отец продавал здесь вечную любовь, зная, что цена ей - пара подписей в документах о передаче имущества. Ты делаешь то же самое. Розовый тюль, свечи, клятвы, которые забудутся через год. Я просто привожу бухгалтерию в порядок. Я убираю из этого уравнения ложь.

- Ложь - это то, что помогает людям не сойти с ума от ссорности их жизней! - я сорвалась на более высокую ноту, чем планировала. Внутренний критик тут же вычел балл за потерю самообладания. - Я создаю моменты, которые остаются в памяти как идеальные кадры. Ты же хочешь оставить только голый бетон и цинизм.

Тимур замолчал. Он стоял слишком близко, я чувствовала запах его парфюма - что-то древесное, с нотками гари, как будто лес горел где-то очень далеко. Это был тревожный запах. Он не вписывался в мою концепцию свежесрезанных лилий и дорогого шампанского.

- Глеб, - Тимур наконец повернулся к юристу. - У тебя в

папке есть проект иска. Это мило. Но у меня есть кое-что получше. Эмилия, ты ведь всегда гордилась своей финансовой независимостью? Твой фасад держался на идеальной кредитной истории.

Мое сердце не ухнуло вниз, оно просто на мгновение сбилось с ритма, как если бы музыка на выступлении внезапно прервалась. Я знала, что сейчас произойдет что-то, что разрушит мою композицию окончательно.

- К чему ты клонишь? - спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

- Твое агентство, Мир Идеальных Свадеб, - Тимур произнес название с явным отвращением, - в прошлом квартале взяло крупный займ под залог операционной прибыли и части оборудования. Расширение офиса, закупка нового декора из Италии, если не ошибаюсь. Дорогой мрамор, эксклюзивные ткани. Ты ведь не любишь экономить на реквизите.

Я молчала. Глеб рядом со мной напрягся. Я видела, как он сжал ручку своей папки.

- Банк, в котором ты кредитовалась, недавно провел реструктуризацию портфеля, - продолжал Тимур, и его голос теперь звучал почти ласково, как скальпель перед разрезом. - Они избавлялись от рискованных активов. Свадебный бизнес в условиях кризиса - это ведь такой риск, правда? В общем, я выкупил твои долги, Эмилия. Все до последнего цента.

Мир вокруг меня на секунду потерял резкость. Я почув-

ствовала, как мышцы пресса непроизвольно сократились, защищая внутренние органы, как перед ударом об пол. Гравитация вернулась и навалилась на плечи всей своей массой.

- Ты... что? - выдохнула я.

- Я теперь твой главный кредитор, - Тимур сделал еще один шаг, вторгаясь в мое личное пространство. Теперь между нами было не больше тридцати сантиметров. - И согласно условиям договора, при наступлении определенных обстоятельств, таких как резкое падение выручки - а ты сама только что подтвердила Глебу, что потеряла трех крупных клиентов, - я имею право потребовать немедленного погашения всей суммы. Или...

- Или что? - я смотрела в его глаза, пытаюсь найти там хоть каплю тени, хоть какой-то изъян, за который можно было бы зацепиться. Но там была только холодная, зеркальная гладь.

- Или я могу инициировать процедуру банкротства твоего агентства. И тогда все твои зеркала, весь твой итальянский декор и твоя безупречная репутация пойдут с молотка за бесценок.

Глеб попытался что-то сказать, начал какую-то фразу о незаконности давления, но Тимур просто поднял руку, обрывая его на полуслове.

- Глеб, иди в машину. Нам с Эмилией нужно обсудить детали нашего... партнерства. Без свидетелей.

Юрист посмотрел на меня. В его глазах я прочитала поражение. Он был наемником, а наемники не сражаются в без-

надежных битвах. Он кивнул, развернулся и пошел к своему блестящему седану. Я осталась стоять одна посреди своего зеркального лабиринта, который теперь казался мне набором дешевых стекол из комнаты смеха.

Тимур не уходил. Он наблюдал за тем, как я пытаюсь сохранить осанку. Моя спина горела, в коленях появилась мелкая дрожь, которую я отчаянно пыталась подавить, перенося вес с одной ноги на другую.

- Ты монстр, Тимур, - сказала я тихо. - Ты не просто хочешь разрушить усадьбу. Ты хочешь разрушить меня. Зачем? Что я тебе сделала?

Он вдруг протянул руку и коснулся моей щеки. Его пальцы были горячими, это было неожиданно. Я дернулась, но он не убрал руку.

- Ты - живое напоминание о том, как красиво может выглядеть ложь, Эмилия. Ты ходишь по этой земле так, будто она тебе должна за каждый твой шаг. Твои родители научили тебя строить витрины, но они забыли сказать тебе, что за витриной должна быть жизнь, а не просто пустая, хорошо освещенная комната. Я не хочу тебя разрушать. Я хочу, чтобы ты посмотрела в зеркало и увидела там не свою идеальную прическу, а то, что осталось от той девочки, которая когда-то любила просто танцевать, а не оценивать мир по шкале симметрии.

Я оттолкнула его руку. Мое дыхание стало рваным.

- Не смей. Ты ничего не знаешь обо мне. Ты просто оби-

женный мальчик, который выкупил дом своего отца, чтобы отомстить всему миру. Твой цинизм - это такой же грим, как и моя эстетика. Только твой грим воняет падалью.

Тимур отступил на шаг. Его лицо снова стало непроницаемым.

- Возможно. Но у меня есть деньги и право собственности. А у тебя - только долги и двенадцать зеркал, которые светят мне в окна. Убери этот хлам до вечера, Эмилия. И завтра утром жду тебя в моем кабинете. Мы будем обсуждать твой новый график выплат. И поверь, он тебе не понравится.

Он развернулся и пошел к дому. Его походка была уверенной, тяжелой. Каждый его шаг вминал гравий в землю, оставляя глубокие следы. Я смотрела ему в спину, и в моей голове крутилась только одна мысль: композиция разрушена. Перспектива завалена. Баланс потерян.

Я подошла к ближайшему зеркалу. В нем отражалась я: бледная, с лихорадочно блестящими глазами, в своем безупречном кашемировом пальто. Я выглядела идеально. И это было самым страшным. Я была той самой витриной, о которой он говорил. За моим контролем, за моей прямой спиной и выверенными жестами не было ничего, кроме страха падения.

Я медленно опустилась на корточки прямо на гравий. Плевать на пальто. Плевать на то, что это выглядит неэстетично. Мои колени наконец сдались. Боль была острой, пронзительной, она прошла ноги и ударила в позвоночник.

Я обхватила себя руками, пытаюсь удержать остатки своей целостности.

Воздух в саду стал совсем холодным. Солнце спряталось за тяжелую, серую тучу, и свет в усадьбе стал плоским, безжизненным. Мои зеркала больше не бликовали. Они просто стояли серыми прямоугольниками, отражая унылое небо и голые ветки деревьев.

Я вспомнила один случай из детства. Мне было восемь, я готовилась к своим первым важным соревнованиям. Мой отец тогда купил огромный антикварный буфет, он был невероятно красивым, с резьбой и какими-то мифическими существами на дверцах. Мама настояла, чтобы он стоял в гостиной, прямо напротив входа, чтобы каждый гость видел наш достаток и вкус. Но за этим буфетом стена была поражена грибком. Черная, склизкая плесень расплзалась под обоями, источая слабый, сладковатый запах гнили. Родители просто задвинули это уродство тяжелой мебелью. Они улыбались гостям, наливали вино, а я знала, что за их спинами, за резными дверцами, что-то медленно умирает и разлагается.

Сейчас я чувствовала себя этим буфетом. Мое агентство, мои планы, мой безупречный образ - все это было лишь прикрытием для гнили, которую Тимур только что вскрыл своим финансовым скальпелем. Он не просто выкупил долги. Он купил право видеть мою плесень.

Я поднялась, чувствуя, как в колене что-то хрустнуло.

Нужно было действовать. Уйти в микроменеджмент, как я всегда делала в моменты катастроф. Я достала телефон и набрала номер своей помощницы Кати.

- Катя, - мой голос прозвучал неожиданно твердо. Мышечная память контроля сработала. - Отменяй доставку пицц на завтра. И найди мне все контакты по итальянскому контракту. Нам нужно понять, можем ли мы вернуть часть оборудования. И еще... узнай, кто в городе занимается оценкой антиквариата. Быстро.

Я закончила разговор и посмотрела на усадьбу. Она выглядела над садом как надгробие над всеми моими надеждами. Тимур победил в этом раунде. Он заставил меня запынаться, он сбил мой ритм. Но танец еще не окончен. В гимнастике есть такое понятие - сложность программы. Если ты совершаешь ошибку, ты можешь компенсировать ее, добавив более сложный элемент в конце.

Я подошла к одному из зеркал и с силой толкнула его. Оно упало на гравий, но не разбилось - рама была слишком крепкой. Я хотела услышать звон бьющегося стекла, хотела физического разрушения, которое соответствовало бы моему внутреннему состоянию. Но зеркало просто лежало лицом вниз, отражая землю.

Тимур хотел, чтобы я сдалась. Он хотел увидеть, как я сломаюсь под тяжестью своих долгов и его цинизма. Но он не учел одного: я была приучена работать через боль. В спортивной школе нас учили, что если ты не можешь стоять на

ногах, ты должна стоять на руках. Если не можешь на руках - ползи с высоко поднятой головой.

Я начала сама разворачивать зеркала. Одно за другим. Я убирала свой оптический щит. Не потому, что он приказал, а потому, что эта игра в прятки со светом стала бессмысленной. Теперь битва будет идти на другом поле. В его кабинете, среди цифр, графиков и юридических ловушек.

Когда последнее зеркало было повернуто к стене фургона, я почувствовала странное облегчение. Фасад дал трещину, и через нее начал просачиваться холодный воздух реальности. Это было больно, но это было честно. Впервые за долгое время мне не нужно было притворяться, что у меня все под контролем перед самой собой.

Я зашла в дом. В холле пахло пылью и старым деревом. Тимур стоял у лестницы, наблюдая за мной.

- Зеркала убраны, - сказала я, проходя мимо него. Я не смотрела на него, я смотрела на перспективу коридора, которая теперь казалась мне бесконечной. - Завтра в девять я буду у тебя. И приготовь хороший кофе. Если ты собираешься меня банкротить, сделай это хотя бы с долей вкуса.

- В девять, Эмилия, - отозвался он мне в спину. - И не опаздывай. Тайминг - это ведь твоё всё, не так ли?

Я поднялась на второй этаж, в свою временную комнату, которая когда-то была спальней хозяйки дома. Я села на кровать, не снимая пальто. Мои руки дрожали. Я сцепила пальцы в замок, так крепко, что костяшки побелели.

Это была война. Но не та красивая, эстетически выверенная война, которую я вела с помощью декора и освещения. Это была грязная, позиционная война на истощение. Тимур думал, что он поймал меня в ловушку. Но он забыл, что гимнастки обладают невероятной гибкостью. Мы можем вывернуться из любого захвата, если готовы пожертвовать парой суставов.

Я закрыла глаза и начала выстраивать новый план. В моей голове возникали не образы цветов и тканей, а колонки цифр и пункты договоров. Я деконструировала ситуацию, как когда-то деконструировала сложные связи на ковре. Акцент на слабых местах. Поиск точки опоры. Использование силы противника против него самого.

Тимур выкупил мои долги. Это означало, что теперь он связан со мной сильнее, чем любым контрактом на аренду. Он не просто владелец усадьбы, он мой финансовый куратор. И это давало мне доступ к его бухгалтерии, к его активам, к самой структуре его бизнеса. Он думал, что держит меня за горло, но на самом деле он просто подставил свою шею под мой захват.

Я встала и подошла к окну. Внизу рабочие грузили зеркала обратно в фургон. Сад выглядел пустым и заброшенным. Но в этой пустоте была своя графика, своя жесткая, мужская красота.

Я вынула из волос шпильку, и моя прическа, которую я так тщательно выстраивала с утра, рассыпалась по плечам.

Это был первый шаг. Отказ от идеальной формы ради эффективного содержания.

Завтра в девять. Я буду готова. Я не надену свой лучший костюм и не буду рисовать на лице маску уверенности. Я приду туда такой, какая я есть - женщиной, которой нечего терять, кроме своих долгов. А это самый опасный вид противника.

Тимур хотел правды? Он ее получит. Но правда - это тоже форма. И я позабочусь о том, чтобы эта форма была настолько острой, что он порежется о нее при первой же попытке подойти ближе.

Я легла на кровать прямо в одежде, чувствуя, как усталость наконец берет свое. Мое тело, привыкшее к дисциплине, требовало отдыха перед решающим броском. В темноте комнаты я видела очертания лепнины на потолке. Она была несимметричной. Раньше это бы довело меня до исступления. Сейчас мне было плевать.

Я заснула с мыслью о том, что завтрашний день не будет иметь ничего общего с эстетикой. Это будет чистая физиология борьбы. И я была готова к этому прыжку. С идеальной осанкой, даже если под ногами будет не ковер, а битое стекло моих собственных иллюзий.

Проснулась я в четыре утра от холода. Усадьба дышала сыростью, как старый зверь в лесу. Я не стала включать свет. В темноте все казалось более четким, лишенным ненужных деталей. Я подошла к столу и достала ноутбук.

До девяти утра оставалось пять часов. Пять часов на то, чтобы превратить поражение в плацдарм. Я начала изучать структуру банка, который продал мои долги Тимуру. Глеб прислал мне кое-какие документы перед отъездом. В них было за что зацепиться. Тимур действовал через оффшорную компанию, зарегистрированную на Кипре. Классическая схема, скучная и предсказуемая в своей прямолинейности. Но в этой прямолинейности был изъясн.

Тимур не любил посредников. Он хотел контролировать всё лично. И это была его главная слабость. Он завязал всё на себя, превратившись в центральную опору всей конструкции. А любая гимнастка знает: если убрать центральную опору, вся пирамида рухнет, какой бы красивой она ни была.

Я работала до самого рассвета. Когда первые лучи солнца коснулись подоконника, у меня на экране был готов файл. Это не был иск. Это не была просьба о снисхождении. Это был чертеж мины замедленного действия, которую я собиралась заложить под его уверенность в собственной непобедимости.

В восемь тридцать я спустилась вниз. В холле уже пахло свежим кофе. Тимур был пунктуален. Я поправила волосы, собрав их в небрежный узел. Никакого лака, никакой фиксации. Просто живые пряди. Я надела простую белую рубашку и черные брюки. Мой образ был минималистичным, почти графичным. Черное и белое. Никаких полутонов.

Дверь в кабинет была открыта. Тимур сидел за массивным

столом, перед ним стояли две чашки кофе. Он поднял голову, когда я вошла. В его взгляде промелькнуло мимолетное удивление.

ГЛАВА 11: Холодная война за завтраком

Мой позвоночник ощущается как стальной стержень, который забыли смазать перед выходом на помост. Каждый шаг по мраморной лестнице отзывается в пояснице сухим щелчком - это мой четвертый позвонок напоминает, что три часа сна на жестком стуле не заменяют полноценный отдых. Я иду вниз, стараясь сохранять идеальную вертикаль. Центр тяжести смещен чуть вперед, как перед исполнением рондота, когда тело уже знает, что впереди прыжок, но разум еще высчитывает траекторию. Усадьба встречает меня тишиной, упакованной в запах дорогого воска и свежемолотого зерна. Этот дом - идеальная декорация, в которой не хватает только одного: жизни. Или, по крайней мере, отсутствия Тимура.

Я захожу в столовую. Она спроектирована по законам классического палладианства, которые я обычно обожаю за их предсказуемость, но сегодня эта симметрия давит на виски. Длинный стол из темного дуба разрезает пространство на две равные части, словно осевая линия в чертеже. Тимур уже там. Он сидит в торце, левее центра, нарушая идеальный баланс мизансцены своим присутствием. На нем темно-синяя рубашка, рукава закатаны до локтей, обнажая предплечья с четким рельефом мышц. Он не выглядит сонным. Он

выглядит как механизм, который только что прошел техобслуживание и готов крушить чужие иллюзии в промышленном масштабе.

- Кофе на подогреве, - говорит он, не поднимая глаз от планшета.

Его голос сухой, лишенный утренней хрипотцы, которую обычно приписывают героям дешевых романов. Это голос человека, который уже успел просмотреть сводки биржевых котировок и, возможно, разрушить чью-то карьеру до девяти утра. Я молча прохожу к кофейной станции. Мои движения экономны. Я не хочу тратить лишнюю кинетическую энергию на этого человека. Наливаю черный кофе, игнорируя сливки. Сахар - это лишний вес, лишний шум, лишняя слабость.

Я сажусь напротив него, но на максимально возможном расстоянии. Между нами - три метра полированного дерева, серебряная сахарница и ваза с белыми тюльпанами, которые выглядят слишком стерильно даже для моего вкуса. Я достаю свой блокнот и раскладываю маркеры. Сегодня мне нужно закончить раскадровку для свадьбы Соколовых. Это должен быть мой шедевр, мой щит. Если я создам нечто безупречное с точки зрения композиции, Тимур не сможет найти в этом лазейку для своего цинизма.

Я начинаю рисовать. Первый кадр - входная группа. Арка из гортензий, но не круглая, а со смещенным центром, чтобы создать динамику. Я фиксирую перспективу, высчитываю

угол падения света от софитов. В голове щелкает затвор во-
ображаемой камеры. Щелк - и я вижу, как невеста замирает в
дверях. Щелк - и свет подчеркивает фактуру шелка. Это моя
территория. Здесь я бог, здесь я диктую правила гравитации.

Тимур переворачивает страницу своего отчета. Звук бу-
маги кажется оглушительным в этой стерильной тишине. Я
чувствую его взгляд на своей макушке, хотя он по-прежнему
смотрит в свои цифры. Это физическое ощущение, как буд-
то кто-то прикоснулся холодным пальцем к моему затылку,
там, где начинается рост волос. Мои плечи непроизвольно
поднимаются на пару миллиметров. Я тут же заставляю их
опуститься. Нельзя давать ему понять, что он влияет на мою
геометрию.

- Твои гортензии завянут через два часа после начала це-
ремонии, если влажность упадет ниже сорока процентов, -
произносит он, не меняя позы.

Я замираю с маркером в руке. На бумаге расплывается ма-
ленькое сиреневое пятно. Дефект. Брак.

- Я предусмотрела систему скрытого орошения в каркасе
арки, - отвечаю я, стараясь, чтобы голос звучал максимально
плоско. - Техническое задание уже у флористов. Можешь не
беспокоиться о биологическом разложении моих декораций.

- Я беспокоюсь не о разложении, а о расходах, - он наконец
поднимает голову. - Ты заложила в смету тридцать процен-
тов запаса на усушку и утруску. Это не бизнес-план, Эмилия.
Это художественный свист за счет клиента.

Он встает и медленно идет вдоль стола. Его походка - это воплощение контроля. Никаких лишних движений, стопы ставятся четко, пережат с пятки на носок почти бесшумный. Он останавливается за моей спиной. Я чувствую тепло его тела, запах мыла и чего-то металлического. Мои мышцы зажимаются, как перед сложным соскоком. Я чувствую каждый свой позвонок, каждую связку.

- Позволь, - он протягивает руку и берет мой карандаш.

Я не сопротивляюсь. Это было бы слишком эмоционально. Я просто откидываюсь на спинку стула, сохраняя дистанцию в десять сантиметров между своей лопаткой и его ладонью. Тимур наклоняется над моим блокнотом. Его рука, крупная, с короткими чистыми ногтями, уверенно проводит линию поперек моего эскиза.

- Вот здесь, в расчете логистики, ты ошиблась на один узел, - он делает быструю пометку в углу страницы. - Ты считаешь тайминг подачи горячего от кухни, но не учитываешь радиус разворота официантов с подносами при такой расстановке столов. При твоей нынешней схеме они будут сталкиваться в этой точке. Образуется пробка. Тайминг поползет. Твоя идеальная композиция превратится в суету на вокзале через пятнадцать минут после подачи закусок.

Я смотрю на его правку. Черт. Он прав. Его линия - резкая, грубая, карандашная - исправляет симметрию, делая ее функциональной. Он не просто нашел ошибку, он сделал картинку более устойчивой. Это бесит меня до зуда в ладо-

нях. Мой внутренний судья только что поднял табличку с оценкой 8.0 вместо ожидаемой десятки. И баллы снял человек, который ненавидит все, что я делаю.

- Спасибо, - выдавливаю я, забирая карандаш. Наши пальцы соприкасаются на долю секунды. Это как статический разряд. Я чувствую его пульс - ровный, издевательски спокойный. - Я пересчитаю.

- Пересчитай, - он возвращается на свое место. - И убери лилии из списка для следующего заказа. У них слишком тяжелый запах. Он вызывает головную боль у сорока процентов гостей через час пребывания в закрытом помещении. Это статистика, а не мои предпочтения.

- Ты ходячая энциклопедия анти-романтики, Тимур, - я закрываю блокнот. Аппетит пропал окончательно, хотя я к еде и не притрагивалась. - Тебе не приходило в голову, что люди приходят на свадьбу не для того, чтобы изучать статистику головных болей? Они хотят сказку.

- Они хотят контракт, который защитит их от последствий этой сказки, - отрезает он. - Сказка - это маркетинговый ход, чтобы продать подороже аренду зала и услуги тамады-неудачника. Моя работа - следить за тем, чтобы, когда карета превратится в тыкву, у клиента остались хотя бы колеса.

- Ты видишь в любви только юридическую уловку, - я смотрю прямо на него. В его глазах нет ни капли тепла, только холодная прозрачность льда, который вот-вот треснет под

весом реальности. - Это скучно. Это визуально неинтересно. В твоём мире нет акцентов, только ровный серый фон.

- В моём мире есть структура, - он захлопывает планшет. - А в твоём - только грим, который течёт от первого же дождя. Ты строишь замки из сахарной пудры на болоте.

Мы молчим. Это не та уютная тишина, которая бывает у близких людей. Это тишина перед взрывом, когда слышно, как тикает детонатор. Я смотрю на тюльпаны. Один лепесток вот-вот упадёт. Я жду этого момента с садомазохистским нетерпением. Упав. Сломай эту чертову симметрию.

Внезапно со стороны холла доносится шум. Это не обычные звуки усадьбы, где слуги передвигаются как тени. Это грохот, крики и звук чего-то разбитого. Керамика. Или стекло. Мой слух, натренированный улавливать малейший сбой в ритме музыки на выступлениях, мгновенно вычленяет фальшивую ноту.

Тимур медленно поворачивает голову в сторону двери. Его лицо не меняется, но я вижу, как напрягаются жилы на его шее. Он не удивлен. Он в режиме ожидания атаки.

В столовую влетает женщина. Если бы я делала её раскадровку, я бы использовала фильтр "пересвет" и добавила бы побольше красного. Она - воплощенный хаос. Растрепанные светлые волосы, дорогое кашемировое пальто нараспашку, тушь размазана под глазами, превращая её лицо в маску из фильма ужасов. Она дышит тяжело, со свистом, как человек, пробежавший марафон в туфлях на шпильках.

- Где он?! - кричит она, хотя Тимур сидит прямо перед ней. Ее взгляд мечется по комнате, пока не фокусируется на нем. - Ах ты, сволочь! Ты думал, я не узнаю? Ты думал, сможешь просто запереться здесь и делать вид, что ничего не происходит?

Я чувствую, как у меня перехватывает горло, но не от страха, а от нарушения эстетического порядка. Эта женщина - как клякса на чертеже. Она ломает всю перспективу утра. Я непроизвольно выпрямляю спину еще сильнее, мои руки сжимают край стола.

Тимур даже не встает. Он медленно отпивает кофе, ставит чашку на блюдце с едва слышным звяканьем и только потом произносит:

- Здравствуй, Жанна. Ты опоздала. Завтрак почти закончен.

- Завтрак?! - она сбивает вазу с тюльпанами с консоли у входа. Вода разливается по паркету, цветы рассыпаются, как трупы на поле боя. - Ты здесь завтракаешь, пока я прохожу через этот ад? Ты обещал мне, Тимур! Ты клялся!

Она бросается к столу. Я вижу ее руки - длинные ногти, покрытые ярко-красным лаком, дрожат. Она опирается на стол прямо напротив меня, но не замечает моего существования. Для нее я - часть интерьера, стул или подсвечник.

- Ты не можешь просто расторгнуть всё, - ее голос срывается на ультразвук. - Я твоя жена, Тимур! Законная жена! И я не позволю тебе выкинуть меня на улицу, как старую ме-

бель!

В столовой повисает такая тишина, что я слышу собственное сердцебиение. Оно учащенное, сбитое. Жена? В моей голове моментально перестраивается вся схема. Вся библия персонажа, которую я составила для Тимура, рассыпается. Он - человек, презирующий брак, имеющий "законную жену"? Это как если бы я узнала, что гравитации не существует.

Я перевожу взгляд на Тимура. Он спокоен. Слишком спокоен. Это спокойствие хищника, который наблюдает за агонией жертвы, точно зная, в какой момент нанести последний удар.

- Мы развелись три года назад, Жанна, - произносит он ледяным тоном. - Юридически ты мне никто. Твое пребывание здесь - нарушение частной собственности. У тебя есть ровно две минуты, чтобы покинуть усадьбу самостоятельно, прежде чем охрана выведет тебя силой.

- Ложь! - она бьет ладонью по столу. - Бумаги были подделаны! Ты сам их состряпал, я знаю твои штучки! Ты всегда был гением обмана!

Она наконец замечает меня. Ее глаза, воспаленные и злые, впиваются в мое лицо. Она оценивает мою белую рубашку, мой небрежный узел волос, мой блокнот. Я вижу, как в ее мозгу происходит короткое замыкание.

- А это кто? - она тычет в меня пальцем. - Твоя новая кукла? Твоя очередная подстилка, которой ты обещаешь золотые горы, а потом оставишь ни с чем? Эй, ты! - она обраща-

ется ко мне. - Беги отсюда, пока можешь! Он выпьет из тебя всё, а потом выставит счет за потраченное время!

Я чувствую, как во мне закипает холодная ярость. Не из-за ее слов - мне плевать, что она обо мне думает. Меня бесит этот шум. Эти слюни на моем столе. Это разрушение формы.

- Меня зовут Эмилия, - говорю я, и мой голос звучит удивительно звонко в этом хаосе. - И я организатор свадеб. Я здесь по работе. И если вы не прекратите орать, я вычту стоимость этой вазы из вашего будущего психотерапевта.

Жанна на секунду замолкает, ошарашенная моим тоном. Тимур бросает на меня быстрый взгляд. В нем читается что-то похожее на одобрение, и это пугает меня больше, чем истерика его бывшей жены.

- Организатор свадеб? - Жанна начинает истерически смеяться. Этот звук похож на скрежет металла по стеклу. - Ты нанял ее, чтобы она устроила тебе очередное шоу? Кого ты собрался окольцевать на этот раз, Иуда? Или это для твоих клиентов? Тех идиотов, которые верят в "долго и счастливо"?

- Уходи, Жанна, - Тимур встает. Он выше ее на голову, и его тень накрывает ее, как саван. - Твое время вышло.

В дверях появляются двое охранников. Они действуют профессионально, без лишних слов. Жанна начинает отбиваться, кричать, проклинать его, этот дом и всех, кто в нем находится. Ее уводят, и звуки ее криков постепенно затихают в глубине коридоров, оставляя после себя тяжелое после-

вкусии разложения.

В столовой снова воцаряется тишина. Но теперь она другая. Она отравлена.

Я смотрю на лужу воды и растоптанные тюльпаны. Симметрия нарушена безвозвратно. Тщательно выстроенный фасад этого утра дал трещину, сквозь которую пахнуло чем-то настоящим и очень грязным.

Тимур возвращается к столу. Он берет салфетку и медленно вытирает капли воды, попавшие на его планшет. Его руки не дрожат. Ни одна мышца на его лице не выдает того, что он только что пережил атаку из прошлого.

- Продолжим? - спрашивает он, как будто ничего не произошло. - Ты остановилась на системе орошения гортензий.

Я смотрю на него и чувствую, как мои пальцы сжимаются в кулаки. Моя мышечная память вопит о том, что нужно бежать. Это не просто "визуальный шум". Тимур - это черная дыра, которая поглощает всё вокруг, превращая чувства в юридические параграфы, а людей - в досадные помехи на пути к эффективности.

- Ты женат, - говорю я. Это не вопрос. Это констатация факта, который меняет всю композицию кадра.

- Был женат, - поправляет он. - Это была ошибка молодости. Юридический казус, который я давно исправил. Жанна просто плохо справляется с принятием реальности. У нее проблемы с восприятием фактов.

- Она сказала, что ты всё подделал.

- Она говорит много вещей. Большинство из них не имеют отношения к истине. Но это не касается нашей работы, Эмилия. Нас объединяет контракт. Мое прошлое - это балласт, который я сбросил. Тебе стоит сделать то же самое со своими иллюзиями о "красивых финалах".

Он снова садится. Теперь он выглядит еще более непроницаемым, чем раньше. Его лицо - это маска, отшлифованная годами цинизма. Но я видела его взгляд в ту секунду, когда Жанна вошла. Там была не ненависть. Там была усталость. Бесконечная, глубокая усталость человека, который сам загнал себя в клетку из логики и теперь вынужден ее охранять.

Я снова открываю блокнот. Мои пальцы все еще немного дрожат. Я рисую линию. Она кривая. Я стираю ее и рисую снова. Центр тяжести. Нужно найти центр тяжести.

- Твоя бывшая жена права в одном, - говорю я, не глядя на него. - Ты высасываешь жизнь из всего, к чему прикасаешься. Ты превратил эту усадьбу в мавзолей. Здесь красиво, Тимур. Здесь идеальный свет, дорогая мебель и безупречный паркет. Но здесь нет воздуха. Здесь нельзя дышать, не спросив разрешения у твоего финансового отчета.

- Воздух - это переоцененный ресурс, - он снова утыкается в планшет. - От него только окисляются металлы и портятся продукты. Порядок требует вакуума.

- Тогда почему ты не выставил меня вместе с ней? - я поднимаю голову. - Я ведь тоже нарушаю твой вакуум. Я приношу сюда запах цветов, которые ты ненавидишь. Я рисую кар-

тинки, которые ты считаешь глупостью. Почему я всё еще здесь?

Тимур медленно поднимает глаза. Его взгляд встречается с моим. Это как столкновение двух векторов. Прямое, жесткое, без возможности маневра.

- Потому что ты единственная, кто не пытается прикрыть свои мотивы чувствами, Эмилия. Ты хочешь контроля так же сильно, как и я. Ты просто выбрала другой инструмент. Ты пытаешься упорядочить мир через эстетику, я - через закон. Мы оба занимаемся одним и тем же: пытаемся удержать хаос в узде. Просто твоя узда расшита пайетками, а моя сделана из колючей проволоки.

Я молчу. Его слова попадают точно в цель, туда, где за зажатými мышцами спины прячется моя старая травма. Идеальная витрина. Культ совершенства. Мои родители, которые улыбались на камеру, пока их брак гнил изнутри. Я действительно строю фасады, чтобы не видеть руин. И Тимур - первый человек, который это увидел. Не просто увидел, а признал своим.

- Жанна вернется? - спрашиваю я, переводя тему.

- Охрана позаботится о том, чтобы этого не случилось. Больше никаких сцен. Завтра приедут Соколовы для осмотра площадки. Я хочу, чтобы к их приезду здесь не осталось ни одного напоминания о сегодняшнем утреннем инциденте. Никаких разбитых ваз, никакой воды на паркете. Всё должно быть... как ты любишь. Симметрично.

Он встает и направляется к выходу. У двери он останавливается и оборачивается.

- И Эмилия?

- Да?

- Лилии всё-таки убери. У меня действительно от них болит голова.

Он уходит, и я остаюсь одна в огромной столовой. Вода на полу начинает подсыхать, оставляя некрасивые пятна на дереве. Я встаю, беру салфетку и опускаюсь на колени. Я сама это уберу. Я не хочу, чтобы кто-то другой видел этот дефект.

Мои руки работают механически. Собрать осколки. Вытереть влагу. Расставить стулья. Я восстанавливаю порядок, кадр за кадром, возвращая комнате ее безжизненное совершенство. Но внутри меня что-то изменилось. Геометрия пространства больше не кажется мне надежной защитой.

Я думаю о Жанне. О ее размазанной туши и криках. Она была живой. Отвратительной, шумной, неуравновешенной, но живой. А мы с Тимуром сидели здесь, как два манекена в витрине дорогого магазина, обсуждая систему орошения гортензий.

Я возвращаюсь к столу и смотрю на свою раскадровку. В углу страницы все еще красуется его пометка. Резкая, уверенная линия, исправившая мою ошибку. Я провожу по ней пальцем. Карандашный след пачкает кожу.

Это был первый раз, когда он не разрушил мою работу, а дополнил ее. И это осознание пугает меня больше, чем воз-

возможность его очередного циничного выпада. Мы оба пытаемся контролировать хаос, но, кажется, хаос только что нашел способ проникнуть внутрь нашего убежища. И он пахнет не лилиями, а разбитыми мечтами и старыми контрактами.

Я беру маркер и начинаю закрашивать эскиз. Я меняю композицию. Теперь в центре не арка. В центре - пустота. Точка схода, в которой пересекаются все линии. Та самая точка, где мы с Тимуром стоим спина к спине, пытаюсь удержать небо, которое вот-вот упадет нам на головы.

Мой внутренний судья молчит. Оценок больше нет. Есть только мышечный зажим в области диафрагмы и странное, почти физическое желание, чтобы лилии всё-таки остались в смете. Просто чтобы посмотреть, как Тимур будет справляться со своей головной болью, пока я буду строить для него его идеальный, стерильный ад.

Я выхожу из столовой, стараясь не смотреть на место, где стояла ваза. Моя спина идеально прямая. Мой шаг размерен. Я - профессионал. Я - бывшая гимнастка. Я знаю, как держать лицо, когда связки рвутся от напряжения.

Но где-то глубоко внутри, под слоями контроля и эстетики, маленькая девочка, которая когда-то видела, как рушится ее мир, начинает понимать: Тимур - это не шум. Тимур - это резонанс. И если он продолжит звучать в том же ритме, что и я, вся моя конструкция рано или поздно разлетится в щепки. И на этот раз у меня не будет системы орошения,

чтобы скрыть разложение.

Я поднимаюсь в свою комнату. Мне нужно работать. Мне нужно создать самую красивую ложь в мире. Свадьбу Соколовых. Шоу, в которое поверят все, кроме нас двоих. Потому что мы знаем изнанку. Мы видели чертежи. И мы оба знаем, что в конце любого контракта всегда стоит точка, которая на самом деле является дырой в никуда.

Я сажусь за стол и открываю ноутбук. Экран слепит меня своим холодным белым светом. Я начинаю печатать. И война, кажется, только начинается. И в этой войне не будет победителей, только те, кто успел вовремя занять позицию в партере.

Я закрываю глаза и на секунду позволяю себе расслабиться. Мои плечи опускаются. Я делаю глубокий вдох. Воздух в усадьбе кажется тяжелым, как будто он пропитан пылью веков и невысказанными словами.

- Никаких лилий, - шепчу я сама себе. - Никаких лилий, Тимур. Только чистая геометрия.

Но я знаю, что лгу. Потому что в моем следующем эскизе на самом видном месте, там, где свет падает под углом сорок пять градусов, я обязательно нарисую один-единственный цветок, который нарушит всё. Просто чтобы проверить, сможет ли он его уничтожить. Или на этот раз он позволит ему расцвести, даже если это будет стоить ему еще одной бессонной ночи и еще одного расторгнутого контракта с собственной совестью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.